

БИБЛИОТЕЧКА «В ПОМОЩЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

Ю. Е. Красовская
**ЧЕЛОВЕК
И ПЕСНЯ**

Ю. Е. Красовская
ЧЕЛОВЕК
И ПЕСНЯ

№ 14

Красовская Ю. Е.
К39 **Человек и песня.**— М.: Сов. Россия, 1989.—
160 с.: ноты.— (Б-чка «В помощь худож. самодея-
тельности» № 14).

Предлагаемая вниманию участников и руководителей фольклорной самодеятельности первая часть книги фольклориста-этнографа Ю. Е. Красовской «Человек и песня» приоткрывает заповедную кладовую богатств части Русского Севера — Терского берега Белого моря.

Самодеятельные фольклорные коллективы (детские, молодежные, взрослые) найдут в книге колыбельные, детские, игровые, протяжные лирические песни, исторические, хороводные, былину... Такие шедевры терского песенного искусства, как хороводная-игровая «Во дзюях» и многоголосное эпическое полотно «Москва» («Город чудный, город древний»), в течение уже многих лет украшают репертуар известного самодеятельного ансамбля «Россияночка» ДК АЗЛК и теперь могут приумножить славу любого профессионального хора.

Автор освещает многие стороны крестьянской жизни, специфики народного творчества, подходит к собиранию и изучению фольклора как к комплексной проблеме на род о в е д е н и я.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В книге «Человек и песня» автор выступает как наследник и последовательный продолжатель дела, начатого в свое время такими выдающимися подвижниками народоведения (термин Е. Линевой), как П. Рыбников, Е. Линева, С. Максимов, О. Озаровская. Идеино-научное значение этой работы тем более велико, что за последние десятилетия фольклористы и этнографы, к сожалению, не уделяют должного внимания такой важной проблеме, как комплексная взаимообусловленность особенностей человеческой личности, народной речи, образного строя народного искусства, труда, быта, социально-экономических и исторических примет времени. Думается, по силе обобщения и положительному заряду ретроспективного взгляда на прошлое с позиций настоящего книга «Человек и песня», пожалуй, не уступает роману-эссе В. Чивилихина «Память». Различны, казалось бы, и научные задачи, поставленные этими двумя авторами, и методика исторических сопоставлений и антитез, и образно-художественный строй, и композиция (и многое другое). Но несомненно единство направленности того, что в свое время Белинский называл идейным пафосом произведения: это воспитание гражданского патриотизма в качестве основы интернационализма, воспитание Историей. Книга эта, по сути, является научно обоснованным, разносторонне комплексным, своего рода обширным уроком воспитания коммунистической нравственности и одновременно — как бы уроком истории, а также уроком родной речи, практического освоения богатств родной песенности, уроком краеведения, отчасти — уроком психологии, народоведения и даже — уроком природоведения. В описаниях природы Русского Севера автор выступает не только как тонко чувствующий и зримо живописующий художник слова, но и как природовед-наблюдатель, дающий научно-точные и емкие характеристики самой жизни Природы, естественно-материала-

листического диалектического процесса (таковы, в частности, картины-описания короткого зимнего дня, величественной ночной игры полярного сияния, поездки на оленях). К сожалению, на ниве современной фольклористики, этнографии, диалектического языковедения и социологии народоведения эта работа пока единственна в своем роде, поскольку решает поставленные задачи в их комплексном слиянии (и в доступной форме художественного повествования). Автор таким образом выстраивает свой рассказ о людях, что в каждой человеческой судьбе отражаются те или иные немаловажные черты эпохи истории — целый ряд примет времени. В школах Прибалтийских республик, а также республик Закавказья и Средней Азии давно в той или иной форме преподается национальный фольклор как неотъемлемая часть воспитания подлинного интернационализма.

Публикация книги «Человек и песня», можно надеяться, значительно продвинет вперед дело внедрения фольклора в школьное воспитание и в РСФСР.

Доктор искусствоведения, профессор, музыковед-фольклорист

А. В. Руднева

ЭКСПЕДИЦИЯ, КОТОРОЙ БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ПЯТИ ЛЕТ

Первая моя самостоятельная экспедиция проводилась зимой 1962/63 года на Терский берег Белого моря. Поехали мы втроем от Петрозаводского института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР: известный уже в то время филолог-фольклорист Д. М. Балашов, я — вчерашняя студентка и фольклорист-филолог Александра Степановна Тупицына-Степанова — все сотрудники института. Не помню, как доехали до Мурманска, но хорошо помню, как сутки сидели в Мурмансках на «аэровокзале» (не поймешь, изба ли брошенная, барак ли,— по тем временам на Севере было это нормой): не пускала наш самолетик на Терский берег полярная пурга. Спустя сутки полетели низко над выпуклой, густо заснеженной землей, шетиющейся темными пиками елей. Самолетишко был маломощный, «худяшшой» (не довоенный ли?) и никак поначалу не мог оторваться от заледеневшего летного поля. Замотанная в платки здоровенная тетка с ворчанием лупила большущей деревянной кувалдой самолет по крыльям. (Почему-то совсем некстати вспомнилось из детства, как извозчик немилосердно бил лошадь, упавшую в гололед,— и стало до слез жаль самолетик.) Вмещал этот трудяга шестерых пассажиров, экипаж из двух человек, почту и железные плоские коробки — касеты с киноплёнками («культурой» для «бесперспективного» и «отсталого» Терского района). Когда самолет все же показал признаки готовности оторваться от земли, пилот вошел в него и долго хлопал входной дверцей, а потом перевязал совсем по-домашнему вращающуюся дверную ручку шелковым розовым бантиком — для пущей крепости, что ли?.. В полете эта дверь немилосердно тряслась, брэнчала и устрашающе всхлипывала. Невольно обращала внимание нанесенная трафаретом надпись над дверью: «Просьба в полете дверь не открывать», но не вызывала на этот раз никаких похожих на юмор

чувств. К тому же холодно было, почти как на улице, а там — 40° по Цельсию. Ощущение живой близости обыкновенного чуда, причастности к повседневному, надежному, но постоянно радостному, пришло сразу же на аэродроме райцентра — поселка Умбы-Лесного, международного порта по сплаву северного русского леса.

ПОСЕЛОК УМБА-ЛЕСНОЙ. УМБА-ДЕРЕВНЯ

Полыхающее всеми цветами радуги короткое празднество полярного солнечного восхода торопилось перейти в зарю вечернюю. По заснеженным, сверкающим брусничным отсветом улицам поселка, просторно раскинувшегося на высоких берегах узкого морского залива (на Севере заливы называют губой), бежали из школы ребятишки — в валенках, пиджачках и без шапок (особый «крик» местной школьной моды: зимой по улице пройтись почти как у себя дома)... Рыжие, палевые, белые, пестрые, коричневые собаки — мохнатые густошерстные северные лайки — деловито бегут, на ходу взлаивая, виляя хвостом, глядя на мир необычно светлыми глазами. Многие встречные люди приветливо здороваются (большей частью — пожилые) и чуть удивленно глядят нам вслед. Слышу вежливо приглушенное: «Бедна девка! От земли — вершок, да... И куды онбар¹ большынськой, побóле себя, ташшýt?!» Это про мой рюкзак. Там магнитофон и (невероятно тяжелые!) к нему комплекты батареек, каждая из которых похожа на увесистый красный кирпич (были еще такие магнитофоны в начале 1960-х годов). И мне ощутимо легче нести свой груз от непритворного людского участия. В чистом морозном воздухе пар на лету от замерзающего дыхания превращается в прозрачные осколки, искрящиеся на солнце и тут же исчезающие. Упруго и звонко скрипит снег под ногами. Спускаемся с горушки в центр поселка, проходим мимо магазина и держим путь к Умбе-деревне, что за крутолобой лесистой сопкой, за угором да за речкой Умбой в тишине стоит. Там уж был прежде Д. М. Балашов, и нас туда сейчас уверенно ведет. Быстро бежит, мы не успеваем, сзади «корюпа́емся» (потом мне скажут с доброй улыбкой о Балашове на Терском берегу: «Сколь не быстро-то бегаёт! Долги-ти полы у шубы — хлоп-хлоп. Гляди, углы у изб срежет; до́мы-ти дь́бятся, пасть до́лу готовы, дак... Сколь не поворотко́й, легко́й на ногу мужик-

¹ О н б а р — амбар (диалект.).

от!»). Потом и совсем теряем его из виду: убежал вперед... Идем. Догадываемся, куда идти. В розовой заводи залива (в незамерзшей его части с клубящимися завитками пара и радужными отражениями огромного стылого солнца), у деревянной рубленой пристаньки гравюрно четко чернеет большой кáрбас — рыбацье судно, терпеливо дожидаящееся летней рабочей поры. Говорливая, по-горному норовистая река Умба не замерзла и при сорокаградусном морозе торопится к Белому морю. Вода в реке пенится, брызжет, кипит ключами на каменных порогах. Через шаткий мостик идти даже боязно. Но вот и Умба-деревня (как здесь говорят, отличая ее от поселка Умба-Лесного). Идем, чувствуя пристальные взгляды из-за занавесочек, из-за пламенных и зимой цветущих на окнах гераней, «огоньков», «ванек-мокрых»... Как неловко! Бросил вот! Куда идти? И только это подумалось, как впереди, на крыльце осанистого бревенчатого дома возникла грузноватая, пышущая хлебным домашним теплом хозяйка: «Голубушки-белёюшки! Сюды подьте, да... Котомки скинывайте, дак. Заморились, божоны¹, поди. В избу пожалуйте, чаю кушать. Приходите-ко, да проходите-ко, дорогí гостí, гости желáннай!» — завывоваривала-завысказывала, будто песню пропела, круглолицая, ясноглазая, немолодая женщина. В доме за столом, у пузатого самовара Балашов уж чаевал с шанежками (стоило спешить!). И сразу окунулась я в теплый, добрый мир, где испокон веку человек человеку брат, где удобно и уместно живут рядом не только люди и животные, но и вещи, где всему — свое место и время, где люди смеются часто и по-детски заливисто. «Андели! Куды ты, котйшко, под ноги лезёшь? Опрúжил² свое молоко, скотинка. На те, лешой, ката! Доцерь, корми гостей, не зевай! Одиннадцету заповедь знай... И все-то вы, бедны, места не находите, ездите. Да и то сказать: преже были дóлги времена, а нониче все боле — моменты. Люди-то за моментами и гонятсе, суета тут и родитсе, дак... Ну, а мы живем, бывает, не пышно, да далеко слышно... А можно сказать и по-иному: живем не пышно, дак далеко и не слышно... Напроизволящо... У нас ведь без пословици и слово не молвитси (оно навроде побасчэй слово с присловицей да с пословицей)» — Пиама³

¹ Б о ж о н ы — желанные (диалект.).

² О п р ú ж и т ь — перевернуть, перекинуть (диалект.).

³ П и а м а — мать (древнеегипетское имя, давно узаконенное русскими святыми).

Степановна Девяткина, расторопная хозяйка дома, как бы между делом, без видимого усилия накормила-напоила, обласкала и развеселила всех: гостей в первую очередь, детей, глядящих на мать пронзительно голубыми глазами из-под прямых льняных волос, кота-котовая, собаку в конуре, овец и корову в стойле. Вот и хозяин пришел, незаживный, нетолстой, потирая с морозу находевшие щеки. Обрадовался гостям. Как и хозяйка, не стал выспрашивать, почему да зачем пожаловали (пожаловали — и ладно, и хорошо!). «А подай, дедко, «Нарцыз», — сказала Пиама Степановна. И Николай Кузьмич взял со своедельных полок и подал... термос — ярко-красный с букетом пронзительно пунцовых цветов на боку. Мы воззрились, молча вопрошая. «А тут был у нас в школы учитель приежкой. Нарцызом Ивановицом звали, — пояснила готовно хозяйка. — Дак никак, никакой уж моготы не было запомнить имечко. Бывало, приду на родительско собранье, уж вся вымучаюсь, коли надо назвать его, сердешного. Ну, однако же, не враз, но запомнила погодя... Тепере привозят на веку перьвой раз в лавку ети самые термоса. Жоночки говорят, — ловко таково: цаю зальешь, — горячей пей хоша ночью, самовар не ставя. Принес хозяин и мне. Опеть беда: не упомню, как назвать теперя ету штуковину. Одновa говорю хозяину:

— Дедо! Подай... (а це — не выговорю).

— Це? — спрошат.

— Да етта, на полицки стоит... (несет соль, ложку).

— На те, лешой, — говорю, — етого... подай! Нарцыз...

— Видишь, термос не замогла сказать, а сдумала сама себе: тоё трудно слово, которо сказать ниощо не замогу. Тут Нарцыз и выскоцил. Так теперя всё и смеемся, завсегда термос Нарцызом зовем (а Нарцыз-от Ивановиц уехал уж давно, — дак не обидно, бывает)... Ну, как, хозяин, набобилсе, рыбки добыл?

— Да уж, замерз... Неплохо б сейчас после ётого два стаканчика цаю согретого» — по-новгородски твердо выговаривая «г» в окончаниях и цокая, смеясь ответил Николай Кузьмич. И пошло-пошло с прибатурями, да с приговорами чаеванье. Спать легли поздно. С повети тянуло духмяным запахом развешанных березовых веников банных. Мерно тикали ходики, словно пробивая каждым ударом теплую избяную тьму. Хозяева себе постелили на чистом крашеном полу. Мы с Шурой — на кровати,

на перине («Как же! Гость-от с собой постель не носит, дак...»). Дмитрий Михайлович — на кушетке. А утром проснулись — нет Дмитрия Михайловича. «Где?» — «Улетел, дак...» — «Куда улетел?!» — «В Варзугу, дальше, дак...» — «Что же не сказал?!» — «Как не сказал,— сказал ведь. Передать велел: пушай, мол, сами работают». Вспомнилось, как учат иногда плавать: из лодки в воду бросают на глубоком месте. Ничего не поделаешь, придется работать. Пошла я собирать знатоков на вечер к Пиаме Степановне петь. В «нижний конец» деревни прошла, к фактории рыбной, где живет признанная запевала — Платонида Алексеевна Дурынина. Тут передо мной впервые ширь и сила Белого моря вся открылась, как мощный оркестровый аккорд зазвучала. Снег сиял и искрился под ногами, на камнях, на дальних скалах, а море все еще не замерзало. Лениво, как бы засыпая, катило на берег волну, стынущую, тяжелую от мелких льдинок — тертúхи. Тут и дом Платониды Алексеевны. Слева Умба-река, кипит на камнях, спешит в море влиться. Справа — «Окиян-море синее». Не пришлось мне долго уговаривать хозяйку: тут же охотно согласилась, услышав ссылку на Балашова. А вот и муж ее вышел из лодки, где распутывал сети. Очень советовала Пиама Степановна его уговорить («голос, што твой колокол, и песни знат»), но не согласился ни за что. «Зубы-ти вси вытащил... Окомéлышей¹ и то не осталось. Не старóй, а шмакаю. Куды уж мне с имá, с песнями!» Подымикова Зинаида Алексеевна, сестра Платониды, тоже, не чинясь, согласилась. Попова Анастасия Анатольевна, Фекла Макаровна Клемéшина — всем, включая наших хозяев — едва за пятьдесят. Только Егolóевой Фекле Тимофеевне, худой, быстрой в движениях, черноволосой женщине, было ни много ни мало — семьдесят восемь лет. Собиравшийся ансамбль единогласно требовал «мужского фундамента». Им должен был стать односельчанин, мужчина за пятьдесят Герасим Константинович Тáлых. «Кру-ут!.. Крутоват,— предупредили женщины.— Ишшо придет ле... А бывает, тебе его и не сговорить». Герасим Константинович — большого роста, сильный, стройный мужчина (волосы как смоль, лицо сияет румянцем) — выслушал мое приглашение без удивления, словно каждый день ходили здесь фольклористы,— ничего, мол, особенного. Не отказал. Но и не пообещал. «А вот как

¹ О комéлыши — корни (диалект.).

ишше поправлюсь с делом... Бревны тут лажусь качать да волоцить саными. Быват, приустану, дак и не пойду». Я стала объяснять, как нужен мужской голос «подсобить» женщинам, и, раскинув умом, вызвалась в помощницы «бревны таскать да волоцить», чтобы закончить с этим делом пораньше. Герасим Константинович предложение мое принял серьезно и лишь в глубине зрачков мелькнуло что-то похожее на необидную усмешку: разговаривая с ним, мне надо было смотреть вверх, чтобы видеть его лицо. Однако принял «во товарищи». Ну, и намучилась же я! То бревна катились на меня, ударяя больно по ногам, то сани не «волоцились». Часа три отработала. «Чего уж! Поди, дѣушка, отдохни. Приду, дак».

Только недавно поняла я, какой урок трудолюбия, терпения, нравственности и целеустремленности сознательно преподал мне этот человек, и сейчас низко кланяюсь ему за это. Задыхаясь от непосильной тяжести, я утешала себя тем, что честно зарабатываю право на личное время этого человека. Теряя надежду, снова ее приобретала; сопоставляла свой интеллигентский труд с повседневным крестьянским. Недаром древний мудрец сказал: «Надежда и терпение — искусство есть». Много было думано-передумано и понято (но только сейчас, повторяю, поняла я, что Герасим Константинович сознательно проверял меня на крепость, на человеческие качества — стою я его внимания или не стою).

Но вот отпыхал короткий полярный зимний день. Наступил вечер. Собрались к Пиаме Степановне гости званные. Пришел позднее всех (проверив крепость нервов приезжих) и Герасим Константинович. Магнитофон прилажен. «Декабрь 1962 года. Деревня Умба Терского берега Белого моря. Исполнители (перечисляю в микрофон всех присутствующих). Звукозапись ведет Красовская. Запись текста — Тупицына-Степанова»... Что это? От усталости, от бревен или от волнения мелко дрожат и прыгают руки, не слушаются рычаги управления? Веду первую в жизни самостоятельную фольклорную запись. Мой первый шаг длинного и трудного жизненного пути по призванию, по свободному выбору. «Какую старинную песню хотели бы вы сами спеть?» — спрашиваю я «для затравки». Отзывается первым Герасим Константинович. Он спост. Один сначала. Звучит мощный баритон, и сразу становится в просторной горнице будто тесно от такого большого человечества с огромными трудовыми руками, с «голосиной, што твой колокол».

8. Трехмачтовая шлюпка, оснаще...
 О-ой, да оснащенная,
 О-ой, да плисом-бархатом шлюпка обколо...
 обколóчëнная.
9. Плисом-бархатом шлюпка обколо...
 О-ой, да обколоченная,
 О-ой, да ишше нос да корма да позоло...
 позолóчëнная,
10. Ишше нос да корма позоло...
 О-ой, да позолоченная,
 О-ой, да вокруг весёлышками шлюпка приобкла...
 приобкладëнная.
11. Вкруг весёлышками шлюпка приобкла...
 О-ой, да вот обкладена,
 О-ой, да вокруг гребцами-молодцами приобса...
 приобса́жëнная.
12. Вкруг гребцами-молодцами приобса...
 О-ой, да приобсажëнная,
 О-ой, да на кормы-то стоял да атама...
 ой, атаманушко с ружьем.
13. На корме-то стоял да атама...
 О-ой, да атаман с ружьем,
 О-ой, да на носу-то сидел есау...
 Ой, есаул с копьем.
14. На носу-то сидел да есау...
 О-ой, да есаул с копьем,
 О-ой, да посередке той шлюпки бел-полó...
 ой, бел-полóтяной шатер.
15. Посредине шлюпки бел-поло...
 О-ой, да бел-полóтяной шатер,
 О-ой, да што й в шатёрке в том да белодú...
 ой, белодúбов стол стоял.
16. Штой в шатёрке том да белодú...
 О-ой, да белодúбов стол стоял,
 О-ой, да за тем столиком сидела красна де...
 ой, красна дëвица-душа.
17. За тем столиком сидела красна де...
 О-ой, да красна девица-душа,
 О-ой, да говорила девушка да таковы...
 ой, таковы она слова...
18. Говорила девица таковы,
 О-ой, да таковы она слова:
 «О-ой, да што-то мне-ка ночесь¹ мало спалось,
 ой, много виделось...

¹ Ночесь — в прошедшую ночь (древнерус.).

исчезает. «Штой-то не упомним. Как-то тут дале она, эта девица, хвастает, будто сон, видишь, к тому, што «атаману живу не быти, а есаулушку в тюрьмы сидеть, а мне, мол, красной девицы, золотой казной владеть. Тут атаманушку-батюшке Степану Тимофеевичу за обиду его показалосе, за обиду великую. Розгоряцилсе он, могучи плечá его да разходилисе, удаль молодецкая розыграласе. Тут как-то ему ишше добры мóлодцы-гребцы говорят, што ты сам, отаманушко, коли только не бабой стал, што ей слушаешь. Он и розгоряцилсе боле того, да взял ей и шарнул-кинул в волну. А сам закручинилсе (видишь, любил ей крепко,— ну, дак ведь не перечь мужику, себя-то повыше его не ставь). А спеть-то уж до конца никак не замóжём: из памяти нынче выронилосе, слово на слово наскакиват, не бежит, с мотивом не ладит, вздóрит, дак. Забыли».

Велик был мой первый самостоятельный «песенный улов» в тот далекий декабрьский вечер. Вспомнили и древние свадебные песни, и исторические, и протяжные лирические и хороводные игровые...

В тот же вечер впервые сверкнули передо мной страницы истории Терского берега. «Мы — новгородчи, вековечны рыбаки да охотники,— сказали мои новые друзья-учителя.— Из Новá-городá пришли сюды наши праотци на лодках-ушкúях. Где — реками сплывали, где — волоком тащили. Незанятых земель, видишь, искали: тесно́ им было во Новé-городé. Сколь далёко зашли! Крепостного права здесь на веку не бывало (верно, холодногато помещикам показалось сюды забираться! — сказали со смехом). Больша воля тут была. Всякой люд и бежал к нам на Терськой берег жить: погнал царь скоморохов — они к нам прибежали, потом уж пугачевци, разинци от розправы прибежали хорониться опосля розгрому, казаки всяки опальны ссылали опять сюды же. Всем места достало. А то ишше какá-то чудь белоглаза, деды сказывали, жила тут же».

Через несколько лет познакомлюсь я в Мурманске с видным советским историком, впервые выделившим Терский берег как особое место в истории освоения Севера русскими землепроходцами,— с Иваном Федоровичем Ушаковым, а затем буду изучать его труды... А пока сейчас записываю из первых уст... Это потом я узнаю летописное утверждение о том, что уже во времена Ярослава Мудрого пришли сюда первые ушкуйники-новгородцы. Узнаю о разногласиях историков в вопросе опре-

деления времени первого появления русских на Терском берегу. Узнаю, что хотя наиболее скептически настроенные и утверждают, что лишь в XV веке появились русские на этом северном пустынном побережье, богатом строевым корабельным лесом, пушным зверем, боровой дичью, царь-рыбой семгой, речными жемчугами скатными, ловчими соколами, быстроногими оленями, тем не менее одна из древнерусских летописей сообщает, что в междоусобной Липицкой битве под Суздалем в 1216 году наряду с другими знатными воинами погиб Семьон Петриловиць (Семен Петров), «терский данник» (сборщик податей). Из этой скупой записи явствует, что уже в начале XIII века Терский берег хорошо был знаком русским, посещение его было делом обычным, и подати взимались регулярно.

Саамское слово Тре (Тьре) означало лесистый берег, землю, покрытую лесом. В грамотах Великого Новгорода южное побережье Кольского полуострова именуется Тре, Тере, Терь, Тренес. Впоследствии русские стали называть последним именем весь Кольский полуостров...

Потом я узнаю, что нынешние особенности говора терчан — это особенности древней новгородской речи. Потом обратит мое внимание И. Ф. Ушаков на то, что терские поморы называют юго-западный ветер шелбником — так же, как его называли древние новгородцы по имени реки Шелони, впадающей в Ильмень-озеро с юго-запада... А сейчас я делаю первые шаги по Терскому берегу, даже не предполагая, как много я узнаю завтра...

«В поселок Умбу-Лесной завтра сходи,— советует мне Герасим Константинович,— там Петро Иванович Пирогов, кузоменьской родом, историю нашу пишет. Тот много знает, тебе расскажет». «Бабку Катарику тебе в поселке каждой укажет,— подхватывают женщины,— она така уж проходимка, така проходимка, первобытна старуха — все знает...» — «Как проходимка?! — безмерно удивляюсь я. И тут же записываю изначальный, древний смысл слова: «Она уж на веку кругом в людях жила, весь Терьской берег прошла-проходила, все вызнала. Стара, а шибко памятлива,— все обскажет, споеет тебе».

Ночью не спалось от радостного волнения первой встречи с творцами и хранителями народного искусства Тихонько скрипнула дверь — и после избяного тепла плотно охватывает меня сорокаградусный мороз полярной ночи. В тишине явственно слышен бег Умбы-реки. Вся д ревня спит. Ни одного огонька в окнах. Только

непривычно огромные искристо зеленые звезды светят так ярко, что на голубоватом снегу видны прозрачные тени изб. Тоненько повизгивает снег под валенками. Иду к рыбной фактории у моря. И вдруг будто кто-то слегка толкает меня в спину, подает тревожный сигнал: что-то случится сейчас, берегись!.. Останавливаюсь и гляжу назад. И впрямь сейчас что-то случится. В недвижной бездонности черноты неба «что-то», еще пока не видное глазу, но уже присутствующее незримо, зарождается, оживает, движется и вот-вот воочию, зримо представится. Мгновенно (только что в этом месте ничего не было, кроме черноты) проявляются разноцветные сверкающие очертания гигантского инструмента, похожего на орган. Глаз не может уловить мгновений движения, но уже через считанные секунды очертания органа становятся фасадом невиданного дворца, полыхающего радужным, зловеще холодным огнем. Вот чудища какие-то застыли в судорожном изгибе то ли пляски, то ли поединка. И вдруг все исчезает. Миг исчезновения так же неуловим, как и миг возникновения. Так вот она, первая моя встреча с грозной, пугающей красотой сполохов таинственного полярного сияния, с его загадочной цветомузыкой...

«ПРОХОДИМКА» БАБКА КАТАРИХА

Наутро мы с Шурой идем в райцентр Умбу-Лесной. «Проходимка» бабка Катариха (Анастасия Ивановна Катарина) оказывается необыкновенно приветливой, непритворно доброй, одновременно хитровой и мудро откровенной старушкой. Каждая морщинка ее лица излучает улыбку. Узловатые пальцы натруженных на веку рук не перестают пряхть шерсть и наматывать нитку на веретено. Маленькая казенная комнатенка кажется тесной от шума радио. «Проходите-ко, девки, проходите-ко, красны! Откуль идете, куды путь держите? По каким делам к нашим берегам? О-о! Из Москвы, к нам за песнями? Преже говаривали — «в Москву по песни», а топерича — из Москвы. Вона их сколько в Москве песен — от них и ящик тесен», — смеется бабушка Катарина, указывая на радио, прикрытое салфеточкой с вышитой птицей. — Я вот сколь лет уж слушаю радиво, а все не пойму, кто там сидит, поет, играет да гудает, да про што баёт... Только привезли впервой до войны эти радива, стары люди первобытны говорили: нечиста сила там сидит. А дети розломали — и нет там ей, нечистой силы.

Я думаю: бес
Давно на кобылу влез,
Да взá морё поскакал,
Да там и запропал...

Невелика росточком, «незаживная»¹, темный платочек повязан узелком под подбородком, длинный темно-синий сатиновый сарафан. Лицо правильное, легко представить его молодым и красивым: удлинённый овал, ровный, не короткий нос, мягко закругляющийся подбородок. Необыкновенно живые орехово-карие глаза смеются, остро испытующе, с прищуром глядя на нас. Вдруг лицо ее принимает нарочито серьезное, чуть не сокрушенное выражение, даже углы тонко очерченных губ опускаются. И это противоречие сбивает с толку. Не понять: то ли бабушка Кáтарина над нами посмеивается, то ли, наоборот, нас забавляет, то ли не хочет с нами вовсе дела иметь, дурачит, то ли своими признает...

Примерно так, поначалу непонятно, с хитринкой, ведет себя да стихотворными приговорками разговаривает в русских народных сказках баба-яга... Но не та, что ездит в ступе, летает на метле и норовит изжарить на обед кого-нибудь. А та, что обычно прядет шерсть, до времени прикидывается самой обыкновенной бабушкой и, жалеючи добра молодца, собравшегося в дальний неведомый путь искать свое счастье, дает ему в руки заветный клубочек ниток. Бежит этот клубочек — разматывается, безошибочно указывая герою путь-дорожку. Но вдруг вспомнился вчерашний вечер и слова: «Погнал царь скоморохов — они к нам прибежали...» А и впрямь — не скомороший ли артистизм в потомственных терчанах играет? (А может, и «с другого конца», как говорят терчане? Именно потому неизбежно появилось скоморошество, что искони в русском народном характере рука об руку идут вместе трагические слезы и облегчающий душевную боль смех, серьезная мудрая простота и неложная «театральность», святое слово — и слово острое, за которым в карман не лезут?) Потом сотни раз буду я встречаться с этим удивительным народным умением на ходу сочинить короткий стихотворный монолог или разыграть ослепительное диалогическое рифмованное состязание в остроумии. С умением в смеховой форме (как будто походя, шутя) коснуться иной раз даже фило-

Незаживна (я) — худенькая (диалект)

софских проблем бытия, найти смешные стороны даже в трагических обстоятельствах (и тем значительно облегчить их)... Через много лет, на пороге своего одинокого девяностолетия (которое, казалось бы, обязательно должно было быть безрадостным, а поди ж ты — вот и нет!), Анастасия Ивановна Катарина скажет мне с тем же смехом в глазах и серьезностью в лице:

«Сижу у окна, старуха, одна.

Гляжу — молодёжь по юлици пошли...

Вси ходят парами, парами,

А я одна верчу шарами¹.

Скоро уж сто лет мне в обед...

Быват, меня уж с фонарями ищут на том свети,

А я все ишше на етим...

А куды деваиссе?

Преже смерти живком в могилу не запехаесси.

Вот и живу маленько,

Брёдаю² тихенько,

А никто ведь за мной с лопатой нейдет,

За мною мой-от песок не гребет...

(Не сыпетсе, быват, ишше из меня песок-от, никого не затрудняю, дак...)»

И, как в первую встречу, взглянет искоса, как бы проверяя, правильно ли я воспринимаю предлагаемую игру. А увидев мой карандаш, летающий по страницам ученической тетради, поспешающий в точности записать блистательно разыгранную бабушкой сценку, засмеется широко, открыто. Так приобщает меня бабушка Катарина к «тайнствам» жизни, которую она (как и многие представители крестьянства) воспринимает отчасти как бесконечно длящееся импровизационное театральное действие на миру. Неудачных, нежеланных, «несыгранных», ролей, положений, сюжетов в этом театре народной жизни не предусмотрено. Полагается всегда и всякому (в отдельности и вместе, артелью) найти нужные и уместные действия, слова, поступки, выход из самого, казалось бы, безвыходного положения; заново выстроить события или снабдить их таким разъяснением (со стороны), чтобы всякий слушатель и зритель стал действенным соучастником этих событий. Элементы театральности, воспринимающейся монументально на фоне крупных исторических событий, вообще характерны для поведения терчан. Так,

¹ Шары — глаза (*шутл.*).

² Брёдаю — брожу (*диалект.*).

например, в 1850-х годах, в период Крымской войны, участились случаи разбойничьих нападений англо-французских эскадр на Терский берег Белого моря. Изустная память об этих событиях жива и сейчас. Старики рассказывают, что у большого поморского села Кузомени английские корабли стали на якорь и высадили десант. Кузомлянские мужики увезли женщин и детей на лодках вверх по реке Варзуге и спрятали в лесу. Вооруженный пятьюдесятью тремя винтовками и ружьями отряд кузомлян пошел навстречу врагу. Вот что пишет об этом со слов старожилов краевед Е. Двинин (сам потомственный кузомлянин)¹: «...когда оба отряда сблизились на ружейный выстрел, англичане остановились, и от них вышел с белым флагом парламентар. Навстречу ему выступил вооруженный старинным кремневым ружьем кузоменский староста Павел Абросимов. Англичанин показал рукой на корабль, где у орудий стояли с зажженными фитилями пушки, и надменно произнес: «Нам надо корофф!» В ответ Павел Абросимов показал рукой на изготовившийся тем временем к бою отряд кузомлян, стукнул о землю прикладом и громко сказал: «А не надо ли вам комаров?!» На этом дипломатические переговоры завершились. После короткого совещания англичане довольно поспешно отступили к лодкам и отчалили на корабль».

В этой короткой традиционно рифмованной «перебранке» русский народный юмор оборачивается одной из своих многочисленных смысловых граней, выступая в роли грозного оружия, могущего устроить даже организованную вражескую силу.

...Но возвратимся к бабушке Кáтариной, живой свидетельнице вчерашней старины. И она в этот раз откроет многое множество таких «чудес», о которых иные старожилы и не слыхивали. Например, споет рекрутскую песню эпохи Петра I: «Свет ты наша прешспектива»².

Уж ты свет ты наша пре... ой, да,
Прешспекти... ива³, а да путь,
Путь-то наша ли да доро... вот дорожка!

¹ Двинин Е. Край, в котором мы живем.— Мурманск, 1966.— С. 50—51.

² См. приложение 2.

³ Прешпектива — так (в числе прочих европейских «языковых нововведений») стали в эпоху Петра I называть дороги. В частности, Невский проспект первоначально назывался Прешпективной дорогой.

Доро... ожка! Знаю век (ы) по тебе (э)
Моя доро... ожоцька¹ да бу...
Будёт мне больше не быва... ох, не бывати.

Не быва... ати, да отца с матушкой, ой, как
Во я... ясны оци бу...
Будёт мне больше не вида... ох, не видати.

Вида... ати, эх, да вы не дуйте-ко,
Ве... ветры вы бу... буйныя да ве...
Ветры вы буйны не бушу... ох, не бушуйтё.

Не бушу... уйтё, не мешайте-тко мне, эх,
Добру мо... молодцу, да думу...
Думушку мне-ка поду... ох, вот подумати.

Думати... Моя думушка с кре... со кре... ой,
Со крепким разумом да ду... ой,
Думушка моя помеша... ох, помешалась.

Ох, помешалась, да не час-то тоска... а,
С горём-круци... инушкой, ох, сей...
Сей год-то мне-ка привяза... ох, привязалась.

Привяза... алась... Никому-то моя... а-ой,
Тоска-круци... инушка, да сей,
Сей год-то была неизве... ох, неизвестна.

Неизвестна... Только известна та моя, а-ой,
Тоска-круци... инушка да зло...
Злому-ретивому сердце... ох, вот сердечку.

Серде... ецьку... Все закрыто-то зло... оё
Моё ре... етивоё да за...
Закрыто оно грудью бе... ох, грудью белою.

Бе... алой, запечатано, а-ой, да
Ведь оно, злоё, кро...
Кровию оно моёей горя... ох, вот горящейей.

¹ Терчане до сих пор «цокают», выговаривая «ч» как «ц». Это является одной из отличительных особенностей древнего новгородского говора, сохраняющегося в речи терчан и сегодня.

Горя... яцёй... Пойду-выйду я ведь как,
Доброй-то мо... олодец, да на круто...
На круто красно-то крыле... вот крылецико.

Крылецико... Посмотрю я-то, до... оброй-то
Мо... олодец, во все...
Во все-те стороны цеты... ох, во цетыри.

Цеты... ыри... На цистом-то поли... и
Лежат тума... анушки, да, лежа...
Лежат туманы с маревó... ох, с маревóю.

Маревó... ою... На синём-то мори... и
Стоят пого... одушки, да стоя...
Стоят погоды со волно... ох, со волною.

Волно... ою... Скрозь те и то глухи... не да
Тума... анушки(ии)... ничего
Было не ви... ох, вот не видно.

Не ви... идно... Только видно скрозь те... е
Глухи тума... анушки, да одна бе...
Бела береза кудрёва... ох, кудрёвата.

Эта протяжная песня имеет ряд явных признаков народной музыкально-поэтической культуры времени Петра I, однако корни ее происхождения теряются в еще большей глубине веков. Никто ни на Терском берегу, ни где бы то ни было, уж не споет никогда эту песню, которую когда-то сложили рекруты-новобранцы. Тягучая, кажущаяся бесконечной песня — как дорога из родной деревни в дальние чужие края, по которой гонят новобранцев невесть куда (и по которой, может быть, многие из них никогда уже не вернутся назад). Нет в этой песне действия, развивающегося сюжета (в том плане, как их принято понимать в профессиональном искусстве). Но зато в совершенстве выражена свойственная русскому народному искусству высокая культура эпического умения длительно пребывать в одном состоянии духа.

Перед мóлодцем дорога — невозвратная дорога длиною в жизнь, расставание навечно с отцом-матерью. Растет, ширится печальная крепкая думушка, глубоко скрытая сердечная кручинушка. По-былинному широко видны мóлодцу с «красного крылечка» все четыре стороны света. Но ни одна из них не предвещает ничего радостного:

На чистом поле лежат туманушки с маревóю,
На синем море стоят погодушки со волною.
Скрозь глухие туманушки ничего было не видно.
Только скрозь те глухи туманушки
Да одна бела береза кудревата.

Почти во всех рекрутских песнях присутствует как символ провожающей молодца родины эта «бела береза кудревата», которую он будет вспоминать всю жизнь со щемящей болью, временами похожей на радость... Ты заметил, конечно, мой читатель, что в поэтическом тексте этой песни многие слова как бы разрываются? Этот прием, называющийся в фольклористике внутрислововым распевом, один из самых характерных, отличающих именно *русскую протяжную песню*, в которой поэтическое слово распеваётся, длится, повторяется, утверждается, заполняя порой большие временные пространства и создавая реальное ощущение существования образа, слова, чувства народного, их начертанности... В протяжной песне средствами музыкально-поэтического народного искусства выражается изначально особое качество русского национального характера: негромкая и скромная, но постоянная естественная необходимость расширения и прорастания своего «я» до соизмеримости со вселенскими стихиями, до границ «четырёх сторон света» и в то же время необходимость действенного творческого слияния, отождествления себя с окружающей средой, пространством жизненного обитания народа.

Если очень вслушаться, вчитаться, впеться именно в эту песню, постепенно сам для себя открываешь, насколько глубинны внутренние (а отнюдь не внешностные) приметы народной песенности в творчестве великого Пушкина, в лермонтовской «Песне о купце Калашникове»...

Да! В это первое «быванье» наше расскажет бабушка Кáтарина многое: и как осиротела, и как «зацяла роботать по цюжим людям с девяти годов (мать померла, дак)», и как отец отдавал ее замуж «шестнадцатигодóву за незнаемого да за нелюбого» только потому, что «у жениха боран был». Споет бабушка байки (колыбельные), плясовые, кружальные песни, горочные («зимой на масленицу-ту с гор катались, тут же на горках кружались, плясали — горки водили»). Споет бабушка редкостный, забытый уж всеми плач невесты перед баней, причитание жены по мужу своему, рыбаку, шуточные песни... Через несколько дней приду я ночевать сюда,

в маленькую комнатушку, где всего-то обстановки, что русская печь, большая деревянная кровать, у окна — лавка, на ней прятка резная да небольшой стол, а в углу потемневшие образа. Мы будем без сна лежать на широкой кровати, и во тьме, чуть колеблемой бессонным огоньком в «красном углу», бабушка шепотком расскажет мне (впервые в моей жизни!) таинственные «былички» о... нечистой силе.

УРОКИ ИСТОРИИ. ПЕТР ИВАНОВИЧ ПИРОГОВ

И в этот же день идем мы с Шурой знакомиться с Петром Ивановичем Пироговым. На высокой горюшке над заливом в уютном бревенчатом одноэтажном доме встречает нас приветливая, нешумная семья: Петр Иванович, его жена Мария Кириковна и застенчивая девушка, их дочь Эля. Петр Иванович — довольно высокий, плотный, кряжистый, не старый еще, спокойный мужчина с гладко зачесанными назад прямыми темными волосами — после традиционных на Терском берегу радушного угощенья и чаеванья уводит нас в свой кабинет, где все шкафы, тумбочки, полки, ящики большого письменного стола заставлены аккуратно папками с материалами по краеведению. Петр Иванович — майор в отставке, партийный работник. Краеведение — неугасимая любовь, дело всей его жизни. Кажется, невозможно придумать такого вопроса (если он, конечно, касается Терского берега, его людей, жизни, истории), на который у Петра Ивановича не нашлось бы ответа. Недаром сам он называет себя «ученым-самоуком». Однако ложной, наносной учености — никакой. Речь Петра Ивановича, как у всех терчан, быстрая, но распевная, с оканьем, твердым «г» в окончаниях и древнерусским «цоканьем». Под рукой — папки, тетради, но хозяин мало в них заглядывает (все помнит): «Наш Терської район расположен там, где Кольской полуостров омывается студеными водами Белого моря, и линия Полярного круга пересекает его. Еще на заре основания края терчане были мастерами судостроения и судовождения. В летописях упоминается знаменитый кораблестроитель Микула Варзужанин (примерно XV—XVI века). На своих парусных судах поморы плавали не только в Белом и Баренцевом морях, но и ходили к Новой Земле, ко Груманту и к берегам многих западноевропейских стран. В ряде крупных поморских населенных пунктов были свои судоверфи.

Так, до первой четверти XX века в селе Кузомени (родина моя, заметь) строились большие трехмачтовые корабли. Соляны варницы были в Порьей губе, в Умбе, Кузреке. Варили соль не только для себя, но и тысячами пудов вывозили в Каргополь, Вологду и другие места. Наши села насчитывают своей истории — кто 400, кто 500, кто 600 лет — не меньше трехсот. А вообще-то новгородцы строили первые поселения у моря, в устьях рек уже с XI—XII веков. А вот Иван Федорович Ушаков считает, что значительно позже. Тут у нас с ним разногласия. К примеру, «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов» отмечает, что в 1419 году на Белое море пришли норвежцы и разграбили на Терском берегу Корельский погост¹ Варзугу. Ушаков делает вывод, что погост Варзуга был выстроен и заселен карелами, которые жили там в этот момент, в 1419 году. А я спрашиваю: зачем карелам свое же селение называть порусски корельским? Вот Кандалакшу, к примеру, действительно основали и назвали карелы. По-карельски это название и означает «начало, основание залива». Значит, Варзугу называли Корельским погостом русские, жившие к тому моменту там. Может быть, и в честь бывших первых поселенцев — карел — назвали...

Уверен, что первые поселения на Терском были у моря, в устьях рек. А после ослабления Новгорода, когда опустошительные набеги норманнов на Терский берег участились, жители, спасаясь от погромов, переселялись в глубь берега, поднимаясь вверх по рекам выше порогов. Так образовались села Умба, Варзуга, Вялозеро, и ныне удаленные от моря. А в XVI—XVII веках начался обратный процесс: переселение к морю, к рыбным местам. Например, село Тетрино возникло в 1660 году; Кузомень — приморский выселок Варзуги основан в 1665 году. Приморские села Кузрека, Чаваньга, Чапама и другие существуют также более трехсот лет...» (Потом, значительно позже, я буду читать об этом же в газете «Терский коммунист», в серии исторических очерков П. И. Пирогова, буду работать в Мурманском областном партийном архиве с рукописными материалами Петра Ивановича под заглавием «Из истории партийной организации Терского побережья». Но сейчас происходит нечто более значительное: передо мной раскрываются тайники непрерывающейся устной памяти народной, происходит

¹ Погост — селение (древнерус.).

передача сведений от сердца к сердцу, из уст — в уста.)

«В летописях писали, что новорожденные векши¹ и малы оленцы тучами падают на Терьском берегу с неба и, подросши, разбегаются стадами по всему краю. Вот какое впечатление на наших предков-новгородцев произвели не тронутые человеком богатства Севера! Жемчуг (зеньчуг по-прежнему) в реках скатный, рыба в озерах, рыба в реках, рыба в море, лес строевой — то ли не богатства!» (И круто «модулируя» — разговор ведь, а не исторический очерк у нас!): «Вот где-то опосля понешней войны, годов с 1950-х, все воюю с местными властями, со своими же, за Терьской район. «Нерентабельный. Бесперспективный. Закрывать его надобно», — только и слышишь от них. Как «бесперспективный»? Люди, однако (праотцы наши), тысячи верст шли на лодках, пеши, волоком волокли, край етот открыли, — не был перспективной?» И, высказывая свою крепкую заветную думушку, уже горячася, едва не заикаяся от волнения за любимую свою землю: «Искать надо причины надения рентабельности. Находить их. Искать, находить и осуществлять новые пути развития края. Что же значит: пожил — использовал — бросил? Подадимся еще не опустошенную землю искать? Это же ведь — родина наша, Терьской берег-от!.. Преже искали пути развития. Вот, к примеру, до революции никаких овощей, кроме редьки и репы, у нас не выращивали. А после революции первый урожай картофеля получила в 1918 году Елена Ивановна Пирогова. Посадила два мешка, а собрала сам-сорок. Тут и все стали садить в других деревнях. Картошка положительно сказалась на борьбе за рождение новой отрасли экономики — за сельское хозяйство. В 1929 году первые были колхозы созданы (в Кузомени и Кашкаранцах). Если раньше овощи привозили на Терьской берег купцы и килограмм картофеля стоил дороже килограмма семги, то сейчас терчане сами обеспечивают себя капустой, картошкой, свеклой, морковью, луком и другими овощами. И так уже было в колхозах перед войной. Молочное и мясное хозяйство высоко стояло у нас перед войной. Опять бы можно поднять.

Говорит начальство: «Рыбы не стало». А я, потомственный терчанин, уверен: поведи дело по-хозяйски — и рыба появится. Опять же новые методы ее разведения

¹ В е к ш а — белка (*древнерус.*).

и ловли можно найти. Вот я тут предложил (сам изобрел и разработал) новую методику ловли семги. Ни да ни нет от них не услышишь. Сидя-ат... Свое: «Нерентабельный»... Известно, под лежащий камень вода не течет. А ведь терчане на веку такими не бывали. Голова у них варила, миром все дела решались. Возьмем то же крестьянское самоуправление (в котором я лично вижу исторические предпосылки для сегодняшнего ведения социалистического хозяйства). В селениях сообща, миром решали многие экономические вопросы. Причем в каждом терском селе были свои особенности этого самоуправления, соответственно особенностям жизни и труда людей. Так, в ряде селений траву на пожнях косили, сушили и убирали сообща, артелью. А потом сено (в единице измерения «заколина», то есть стог) делили по душам.

Тони¹ были общественной собственностью, сдававшейся или продававшейся на сезон ловли семги. На сходах (собраниях мужчин) сами устанавливали порядок продажи тонь на сезон и порядок их использования: применение соответствующего типа сетей, установка заборов² (или их запрещение), время их обязательного открытия для прохода части семги к местам нерестилищ и т. д. Установленные порядки (независимо от того, соответствовали они государственным законам или нет) жителями данного села строго соблюдались. А если появлялся изредка нарушитель, то независимо от того, кто это — богач, бедняк или середняк, по решению схода строго наказывался... В промысле рыбы и морского зверя (тюленя) применялись коллективные формы труда. Работали на промыслах артелью от 8 до 15 человек. Члены артели называли друг друга товарищи.

На тороса — зимний промысел тюленя — уезжали артелями лодками по 5—8 человек. Вся добыча поступала в общий доход. Доход распределялся поровну между участниками артели.

В Кузоменской волости, например, при продаже тони в аренду на сезон при оценке исходили из «ловистости» тони. После продажи тонь собирали волостной сход. На нем решалось, каким образом распределить деньги. Скажем, из губернии на деревню 5 тысяч налога на год. Его платили из общих денег. Каждый в отдельности мог

¹ Тоня — промысловая изба в месте нереста семги, куда выезжали надолго артелями или семьями в период ловли семги (*диалект.*).

² Забор — сеть, перегораживающая реку в месте хода рыбы.

даже не знать, сколько он платит. Из этих же денег выделяли сумму на содержание школ: постройку, ремонт, отопление, освещение, зарплату учителю, библиотеку, содержание уборщицы. А еще — на содержание фельдшерского пункта и другие общественные цели. На все это тысяч 10—15 в год уйдет. Остаток, примерно 10—12 тысяч, распределялся сходкой подушно (в расчет принимались только мужские души, начиная с новорожденных). Приходилось примерно по 10 рублей в год на душу. Вот как самобытное управление все регулировало! Настолько сильны были у нас демократические традиции самоуправления, что, естественно, революционные идеи нашли моментальный отклик у терчан. Например, Кузомень в конце XIX — начале XX века становится одним из мест политической ссылки в царской России. И уже в 1906 году именно там создается первый политический кружок на Терском берегу. Есть основания утверждать, что в деле организации этого кружка главную роль сыграл выдающийся революционер Виктор Павлович Ногин. Он был в Кузомени в ссылке в августе 1905 года и очень быстро наладил контакты с рыбаками-поморами. По просьбе Ногина рыбаки спрятали его в карбасе под брезентом и переправили на Большую землю. Всего через две недели после побега Ногин уже встречался в Женеве с Лениным...

Ну, а песни? А как же! В дни отдыха от тяжелого труда, в праздники жители побережья заполняли время коллективными развлечениями. Поздней осенью, возвращаясь в деревню с промысла рыбы, из плавания на торговых судах (в ноябре — декабре), собирались на беседы вечерки, вечерины, посиделки, супрядки. Тут уж от песен рот бывал тесен! В зимние месяцы, после Нового года, ходили водить горку. Днем с горок катались на санках детишки, вечером — молодые парни и девушки. Одни катались, а другие тут же на площадке, на вершине горы, водили хороводы, кружальные песни играли, плясали под гармошку, пели протяжные, «долгие» песни.

В весеннее время, обычно в мае месяце, устраивали на околице деревень качели — отдельно для детей, отдельно для взрослых. Оттуда также разносились по всему селу протяжные песни. Их «подымали и разводили на голоса». Играли весной в мяч, лапту, луночки, городки (у нас их звали рюхи), в «попа». В игре в лапту (у нас звали хлюптá) принимали участие даже пожилые бородатые мужчины.

Перед выездом на промыслы, перед отходом судов в море (в мае месяце) собирались кружания — хороводы, в которых пели и плясали неженатые парни и девушки, а пожилые люди присутствовали в качестве зрителей, иногда включаясь в общий хоровод.

Пели и плясали везде, где условия позволяли: на рыбных промыслах, на тонях, на невоженье (ловля неводом), во время уборки сена и конечно же в праздничные дни.

Все эти, можно сказать, массовые мероприятия проводились по собственной инициативе поморов, при полном отсутствии каких-либо культурно-просветительных учреждений (не считая школ и библиотек, которые у нас были).

Новы¹ считают: северяне-де раньше были — темнота. А ведь неправда. Я вот в 1920—1930 годах при работе в партийных и советских органах в волостях Терьского берега неоднократно знакомился с некоторыми архивными материалами волостных правлений. В этих архивах хранились протоколы сельских и волостных сходов и другие документы, из которых видно, что во второй половине XIX века и в начале XX века почти во всех селениях выносились решения, возбуждались ходатайства перед губернскими чиновниками о разрешении открытия начальных школ (а в некоторых — даже об открытии мореходных и ремесленных училищ)... Уже в XIX веке в наиболее крупных селениях побережья были открыты начальные школы. Например, в Варзуге — в 1884 году, в Тетрине — 1890-м, в Кашкаранцах — 1891-м, в Умбе — 1892-м, в лесопильном поселке — 1900-м, в Чапоме — в 1895 году. А в Кузомени в 1862 году было открыто сельское училище (второе по масштабу и значению на Кольском полуострове после Колы). Как правило, все хозяйственные расходы по строительству и содержанию школ были за счет и по инициативе крестьян.

Но и до этого среди поморов широко распространена была грамотность. Сохранился рукописный «Варзужский сборник», составленный неким Ондрианом в период царствования Бориса Годунова (1598—1605). В этой книге тридцать шесть литературных произведений. Среди них — «Сказание о яйце», дающее картину представления о мироздании, соответственную тому времени. Притча о календаре: «О некоем царе, которому служат четыре

¹ Но в ы — иные, некоторые, кое-кто (*диалект.*).

правителя, двенадцать князей и триста шестьдесят пять домочадцев». Повести о нашествии татар на Рязань и о защите Пскова от войск Стефана Батория. Здесь же и житейские наставления и поучения... Многие поморы Терьского побережья постоянно вели записи событий местной жизни. Накопленный большой опыт мореплавания — сведения о морских путях, течениях, ветрах, о явлениях природы (погодных приметах) — и в связи с этим о приметах скопления морского зверя, рыбы. Все это и многое другое поморы вносили в свои рукописные книги. Так, составлялись лоции — пособия для плавания по морям, житейские «поучения», записи исторических событий, хроника жизни села. В 1960 году экспедиция Института русской литературы АН СССР нашла на Терьском берегу несколько десятков старинных книг...

Ну, вот,— сказал, снимая очки и будто виновато щурясь,— две жизни, почитай, дочушка, нать просидеть со мной, штобы мне хоть часть нашей истории порассказать, а тебе — записать...»

Впереди у меня еще много встреч с Петром Ивановичем Пироговым, с Анастасией Ивановной Катаринной, с районным поселком Умбой-Лесным. Я побываю здесь и осенью, и слепяще солнечным летом (будто нарочно выдалось, чтобы опровергнуть устоявшиеся представления о Севере), и весной, которая сюда приходит в июне.

Но не сразу осознаю я, что ответственный партийный работник Петр Иванович Пирогов с его постоянным стремлением написать полную картину народной жизни со времен возникновения первобытной человеческой культуры на беломорских берегах до разгадки звучания, смысла и значения всех диалектных терских слов («роканкофтан прежде был мужьской. Терчане носили. Так терчан роканами и прозвали. Дразнилка была: роканá, роканá! У вас непарны рукава»). От древних обрядов, поверий, сказаний, игр, песен, сказок, способов лечения грыжи, ловли рыбы, постройки домов до демократических принципов сельского самоуправления, до истории партийной организации Терьского побережья и до истории социалистического строительства — не сразу пойму я, что человек этот, по существу,— все тот же прирожденный, потомственный народный историк-летописец, что и его далекие предки. Только на новом, современном уровне. Летописец, постоянно чувствующий себя в неоплатном сы-

новнем долгу перед десятками и сотнями поколений отцов и дедов и перед будущими поколениями. Летописец, протягивающий животворные нити кровных связей между прошлым, настоящим и будущим. Такой человек всем существом своим твердо знает диалектическую истину: без корней истории угасает, сохнет жизнь древа настоящего; без истории, без вчера не могло бы возникнуть и сегодня; всякое настоящее в свой черед необратимо станет прошлым, дав корни будущему...

А сейчас здесь, на Терском берегу, не покидает нас с Шурой постоянное радостное ощущение, что мы нужны, что нас долго ждали, что чуть ли не все местные понимают значение и нужность нашей работы и стремятся нам помочь от души.

На третий день пребывания в деревне и поселке Умбе отказывают наши электробатареи, рассчитанные то ли на кабинетную работу, то ли в лучшем случае — на мягкую московскую зиму, но не на трескучие заполярные морозы: видимо, не переносят контрастов температур. Казалось бы, конец нашей работе в этой экспедиции: не записывает магнитофон. Но двое электриков из районного почтового отделения, случайно узнав о нашей беде, за один день сооружают «электроподстанцию питания», запаковывают ее в большой фанерный ящик и приделывают две ручки для переноски.

Но через день «расконтачиваются» невидимые волосочки — проволоочки в магнитофоне — и он снова замолкает. Те же электрики с учителем-физиком из поселковой школы находят эти предательские волосочки и снова их «законтачивают» накрепко, на всю экспедицию, движущуюся еще целый месяц.

Спустя двадцать пять лет после начала этой экспедиции (которая длится и по сей день) не могу я, к сожалению, вспомнить лица, имена и фамилии этих наших веселых помощников-доброхотов. В то время встреча с ними показалась мне, вчерашней студентке, менее значительной, чем встреча с народными мастерами слова и песни. Поэтому сведения о наших случайных помощниках мною не записаны. Сегодня же, понимая свою ошибку, приношу им, хотя и поздно, свои извинения и глубочайшую благодарность за помощь...

И вот на четвертый день едем в деревню Кúзреку¹.

¹ Кúзрека — вероятно, от финно-угорского куз, означающее ель, слилось с русским словом река, то есть Еловая река, река среди елей.

Едем с оказией, любезно устроенной для нас работниками Терского райкома партии. Оказия — это гнедая лошадь, запряженная в сани-рѳзвальни с веселым возчиком (имени его тоже не упомяну). Нам тепло: мы напялили какие-то шерстяные шали, теплые тулупы, ноги укрыли мохнатыми шукурами. Это — тоже одно из явственных проявлений заботы... Как нечто невероятное, «недочеловеческое» вспоминается нам, как всемогущий «владыко» хозяйственной части Карельского филиала Академии наук СССР всего неделю тому назад на письменные и устные мольбы об «утеплении» нашей зимней заполярной экспедиции ответил уныло, с брезгливым выражением на скучном лице, закрывая перед нами дверь в хранилище с меховой одеждой и тыча пальцем в параграф какого-то отпечатанного в толстой книге устава: «У геологов, работников института леса и биологов — экспедиции. Им полагается утепление. У филологов и фольклористов — не экспедиции, а ко-ман-ди-ров-ки. Им утепление, а также полевое довольствие не полагаются». — «Так ведь на деле-то мы будем работать в условиях именно экспедиционных, полевых, в отличие от геологического стационара — с дальними пересздами и переходами!» — «На деле! На деле! А мне нет дела до вашего дела. Видите?.. У геологов, лесников и биологов — экспедиции, у филологов и фольклористов — ко-ман-ди-ров-ки...» («Не может быть! Страсть какая! — сказали нам в Терском райкоме. — Нешто мог двух жоноцок на холодную смерть в дороге послать? Тиран какой!» — И мигом нас утеплели.)

ДЕРЕВНЯ КУЗРЕКА. КУДА УБЕЖАЛИ СКОМОРОХИ? ЧЕМУ УЧАТ БЫЛИНЫ?

Сейчас, спустя время, вспоминается Кузрека как пульсирующий многоголосый поток вод, сбегаящий к морю по огромным камням и делящий деревню надвое; шум моря, тут же, рядом с деревней, сверкающие на солнце, пляшущие в брызгах крошечные радуги, веселое гудение яркого огня в русских печах, запах шанёжек¹, взрывы звонкого смеха, ребячьей воробьиной трескотни, предновогодние домашние заботы и быстрые шутливые пере-

¹ Ш а н ё ж к а, ш а н ё г а — круглый плоский пирожок из недрожевого теста с открытой начинкой на выбор: кашею, ягодами, вареньем, творогом.

палки-приговорки, упруго цокающие, словно несущиеся вприпрыжку

— Сказывают, а Стрельни ономенне¹ байна² сгорела.

— А! Полдела, що байна сгорела! Кабаки горят — и то ницё не говорят Или: «Говоришь ей про Тараса», а она: «Чертей полтораства». . «Знашь, поговорим потом»... «Потом да потом, а отрубите топором!..»

И еще вспоминается высокий-высокий, чистый и ясный голос (как говорят на Терском берегу, «лебединым тонким голосом издосель-досельны³ настоящи старухи умели петь») нашей хозяйки Офимьи Трофимовны Никифоровой — очень худой, высокой, недоверчиво улыбчивой, не слишком гостеприимной старой женщины с пронзительно светлыми глазами и золотистыми, кудрявящимися на висках волосами, стянутыми на затылке в тугой узел-косу. Она поет былинку (или, как в народе говорят, «старину») ⁴.

Пошел Митрей-князь да ко заутрени,
К воскресенькия, ко вознесенския.
Тут бросаласе Домнушка по плечь в окно,
Фалилеёвна-душа по поясу.
«Шой не етот ли, матушка, есть Митрей-князь,
Да не етот ли, сударушка, Васильёвиць?
Сказали про Митрея, што хорош-пригож,
Хорош-пригож, и краше в свете нет...
А он сутул, горбат да наперед покляп⁵.
Ище ноги кривы да вси глаза косы,
Ище речь-то его да всё корельская,
А кудёрышка да заонезькия».
Ище Митрий-князь да реци услышал.
Ище ети-то реци да за беду ему стали,
За досадушку да за великую показалисе...
Воротилсе князь да от заутрени,
Приходил он ко сестры своей родимыя:
«Собери-ко стол да ведь почестен пир,
Созови-ко Домну Фалилеёвну,

¹ Ономенне, ономедни, намедни — позавчера, на днях (древнерус.).

² Байня — баня (диалект.).

³ Издосель-досельны — очень давние, древние (древнерус.).

⁴ См приложение 3.

⁵ Покляп — склоненный, согнувшийся.

Скажи про Митрия, що его дома нет,
Уж он в лес ушел да за охотою,
За лисицами, да за куницами,
За медведямы, да за оленямы»...
Ише первы послы ко Домны на двор пришли:
«Отпусти-ко, Софьюшка Микулична!
Пожалуй-ко ты, Домна Фалилеёвна,
На поцестён пир, хлеба-соли ись¹.
Хлеба-соли ись, да сладка меду пить.
Ише Митрия-князя его дома нет».
Шой первы послы да со двора сошли,
А вторы послы ко Софьи на двор пришли:
«Уж пожалуй-ко ты, Домна Фалилеёвна,
На поцестён пир да на девинной»²...
А третьи послы да со двора сошли,
Засряжаласе тут Домна Фалилеёвна
На поцестён пир да на девинной стол.
Унимала ей матушка родимая:
«Не ходи-ко ты, Домна Фалилеёвна!
Мне ночесь седни мало спалось,
Мне мало спалось — во снях много виделось.
Сокаталсе чуден крест у мя да со белой груди,
А злацён перстень да со правой руки».
Не послушала Домна Фалилеёвна,
Ай, пошла она да на поцестён пир,
На поцестён пир да на девинной стол...
Уж как Митрей-князь да во большом углу сидит..
Уж как он крест-от кладет да по-ученому,
А молитву творит по-благословленному.
«Проходи-ко ты, Домнушка Фалилеёвна,
Ко сутулому,— говорит,— да ко горбатому,
Ко глазам косым, да ко ногам кривым».
А взмолиласе Домна Фалилеёвна:
«Отпусти-ко ты меня, Митрей-князь, да домой сходитьь.
Я забыла крест да со белой груди,
Да злацён перстень да со правой руки».
Отправилась Домнушка да во цисто полё,
Во цисто полё, да как во кузенку:
«Уж вы, кузнецы, да добры молодцы,
Скуйте мне да три ножицка булатныи».
Как тут трои кузнецы да добры молодцы
Ей сковали три ножицка булатныи.

¹ И сь — есть, кушать (*древнерус.*)

² Девинной — девичий (*древнерус.*).

Вот ушла ведь тут да наша Домнушка,
Фалилеевна да во цисто полё.
И поставила булатны ножицки
Щой тупым концём да во сыру землю,
А острым концём — себе во белу грудь.
«Не достаньсе, мое тело, тело белоё,
Ни сутулому, да ни горбатуму,
Ни горбатуму, да ни поклапому,
Ни ногам кривым, да ни глазам косым,
А достаньсе, тело, мать-сырой земли,
Щой сырой земли, да гробовой доски...»

Это сравнительно поздняя былина (вероятно, XVII—XVIII век), а точнее — ранняя баллада того этапа, на котором они еще мыслились как эпические песнопения. Академик Б. А. Рыбаков называет былины своеобразным историческим источником. Былины, разумеется, не могут дать ни последовательности исторических событий, ни строго достоверного описания фактов. И тем не менее былины вполне историчны. Историзм былины проявляется в отборе воспеваемых событий, в выборе прославляемых или порицаемых исторических деятелей, в народной оценке события... Определяя время создания былинных эпических циклов, Рыбаков пишет: «Своими корнями героический эпос уходит, вероятно, в тысячелетние глубины родоплеменного, первобытнообщинного строя»¹. Некоторые ученые считают, что слово «былина» «кабинетного» происхождения, однако Рыбаков утверждает, что в «Слове о полку Игореве» впервые в русской литературе появилось слово «былина», переводимое специалистами в данном случае как *действительное событие*... Когда творчество новых былин прекратилось, когда былины стали по существу только рассказами о прошлом, появилось иное название для них — «старинны», но для нас важно отметить, что первое упоминание слова *былина* связано с представлением о только что происшедшем событии»².

Ранние баллады, к которым относится и приведенная нами чуть выше, создаются как эпические песни. Их поэтический строй чрезвычайно близок героическим песням-сказаниям, воспеваящим подвиги славных богатырей — защитников Родины. Эти баллады распеваются

¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII веков. — М., 1982. — С. 142—143.

² Там же. — С. 144.

на мелодии былин. Однако предметом их сюжетов нередко становятся особо яркие частные судьбы, их изломы, хитросплетение случайных обстоятельств, часто приводящее к кровавой развязке. В таких случаях личные судьбы возводятся в степень эпически возвышенного абсолюта. Почему, собственно, баллада укрупняет и возвеличивает значение личных судеб? Потому что в ней утверждаются как образец те или иные положительные характеры героев, их правильные поступки и разбираются, подвергаются осуждению поступки неверные, неблагоприятные с точки зрения народной нравственности и морали. В этом смысле баллады несут функцию воспитующей меры воздействия на сознание, функцию нравственно-моральную. А в чем же мораль, казалось бы, странных, даже загадочных (для нашего времени) событий баллады «Князь Дмитрий и Домна»? Почему этот, вероятно, происшедший в действительности трагический случай удостоился того, что о нем сложили былинно-старину в назидание другим? В чем это назидание?

Молодая девушка вслух высмеивает впервые увиденного ею знатного молодого человека из хорошей семьи, проходящего по улице мимо ее окон. По косвенным признакам мы знаем, что молодой человек внешне привлекателен: «сказали про Митрея, што хорош-пригож, хорош-пригож и краше в свете нет...»

Знакомясь с дальнейшим ходом развития сюжета, мы узнаем, что Дмитрий также и хорошо воспитан, образован (соответственно канонам своего времени): «уж как он крест-от кладет да по-ученому, а молитву творит по-благословленному...»

Однако девица-гордячка в словесном запале осуждения зовет молодого князя сутулым, горбатым, поклопым, добавляя, что у него и глаза косы и ноги кривы.

Можно даже и в наше время представить себе истинные мотивы противоречивого поведения этой девушки: за охульным словом она пытается до времени скрыть тайно вспыхнувший недозволенный интерес к молодому князю; чересчур смелыми высказываниями (к тому же слишком громкими, так что князь даже на улице услышал ее слова) она, может быть, надеется обратить его внимание на себя и, вероятно, ожидает возможного знакомства и брачной развязки... Иначе зачем бы ей, вопреки советам своей матери, по доброй воле идти на девинной пир в дом человека, которого она только что всячески обругала и унизила. Князь мстит Домне за честь свою

поруганную, и месть его обдуманно жестоко бьет в самую цель. В старину считалось абсолютно невыносимым девушке одной, без провожатых из своей родни, войти в дом неженатого человека и остаться с ним с глазу на глаз хотя бы на несколько мгновений. После этого девушка считалась бы навсегда и непоправимо опозоренной, как бы вычеркнутой из течения жизни, стоящей вне ее принятых рамок. Одно могло ее спасти в глазах общества: женитьба на ней того, в дом которого она вошла. Именно это случается с Домной. Девинной (девичий) пир оказывается пиром вдвоем с молодым князем. И хотя, можно думать, именно женитьбу на Домне в качестве достойной развязки предполагает князь Дмитрий, но гордыня не дает девушке смириться. Она предпочитает самоубийство семейной жизни, в которой муж не без оснований мог бы упрекать иногда жену в недостойном поведении их первого знакомства.

При таком объяснении урок морали, преподанный народом в этой старине-балладе, достаточно ясен: не лукавь с самой собою и не расставляй хитроумные сети другим, а то попадешь в них сама и погибнешь от того, чем хотела наказать других.

Есть здесь еще более прямолинейные открытые нравовучения: не злословь (даже если втайне лелеешь конечную добрую цель), так как зло порождает еще большее зло и ничего другого и ведет человека к гибели. Не перечь матери, не поступай в молодости по-своему. Не ходи одна в незнакомый дом ни при каких обстоятельствах и обещаниях.

Что ж, не так уж наивны и прямолинейны поучения наших предков своим дочерям и, пожалуй, во многом применимы не только к нашему времени, но и ко всем временам. А почему же все-таки этот частный случай вознесен до эпических высот, монументально укрупнен? Почему он стал поводом для создания именно эпического песнопения (а эпические песнопения часто имели ритуально-обрядовый смысл и назначение)? Думается, потому, что поднятый в этой старине вопрос воспитания дочерей имел всегда не только узкосемейное, но и общенародное значение и был отчасти тождествен вопросам достойного продолжения жизни самого народа. Ведь девушка-невеста — это будущая мать и воспитательница своих детей. И от того, в каких принципах воспитана она сама, зависит возможность воспитания ею достойной смены.

Едем примерно за 40 километров от Кузреки в глубь материка, в деревню, носящую название Вялозеро, у которого она стоит. Четверка оленей впряжена цугом в двое саней. На первых санях — возчик с грузом (письма, посылки, газеты), на вторых — мы с Шурой, рюкзаки и ящик с «электростанцией». Ощущение такое, будто едем по бездорожью: пофыркивающие олени вздымают копытами целые облака сверкающего пушистого снега. Оседая, он слепит глаза, лезет в рот и нос. Но ощущение неверное: под полозьями низко посаженных широких саней — скрытая недавно выпавшим снегом наезженная дорога, хорошо известная и вознице, и оленям. Утро ясное. Солнце громадным алым шаром низко и медленно движется над тундрой и низкорослыми перелесками. Необъятные снежные пространства окрашиваются то в золотисто-желтый свет, то в розоватый, незаметно переходящий в бледно-зеленый, то на мгновение вспыхивают огненно-оранжевым, то, словно устыдясь роскоши своего цветового великолепия, скромно переливаются от чисто-голубого к бледно-сиреневому, то внезапно поражают глубиной светящихся фиолетовых теней в складках бегущих навстречу сопки, густо поросших елями. Пар от нашего дыхания взлетает маленькими клубочками-облачками и тут же, замерзнув, осыпается сотнями, кажется, хрустальных нитей. Чудится, что эти нити слегка позванивают — мелодично и нежно. Дробный топот четырех пар копыт и всхрап оленей не заглушают повизгивания полозьев саней. Пройдя низко над окоёмом¹, солнце начинает прятаться. Вот запылала неподвижным пожаром сопка, щетинящаяся елями. Зримым толчком, словно взорвало ее светом. Еще вспышка. Еще одна... И побежали фиолетовые и синие шали теней по снегу. Солнце ушло за сопку. Короткий полярный день кончился. Незаметно, очень быстро стемнело. И пошла пугать-завлекать обманчивая красота северного сияния. То сзади вспыхнет, то спереди, то в сторону от пути поманит. И когда совсем уж мы перестали радоваться, «заколели» и примолкли, сиротливо приникнув друг к другу и изотчаявшись добраться до жилья человеческого, когда показались себе никчемными букашками, навсегда

¹ Окоём — исконно русское название горизонта: сколько может охватить око, сколько око емлет.

затерянными в грозной снежной пустынной черноте, сани резко остановились, по привычке проехавши еще немного и уткнувшись в передние сани. «Выходи, девки!» — раздался голос возницы. И будто в ватной ледяной темноте чудом отворилась заветная дверь в иной мир, и оттуда пахнуло неярким светом, теплом печным, сладчайшими хлебными запахами и непритворным состраданием и материнской добротой:

Проходите-ко-ся, заходите-ко-ся,
Гостыюшки божоны желаннаи!
Чай, в дороги истомѣли с голоду,
Поди, в дальней ознобилисе с холоду?
Вы розуйтеся-розбокайтеся.
Чайку пейте-розогревайтеся.
Шаньги кушайте — не чинитеся
На печь-матушку повалитеся...—

заговорила, словно запела былинным складом еще не видимая в темноте хозяйка. И уже крепкие, сильные, но мягкие руки то ли внесли нас, то ли мигом ввели в неяркую живительную светящуюся мглу деревянного избыного тепла, по-матерински споро помогли раздеться, забрасывая на жаркую печь наши заледеневшие до стука одежды. Вот уже в руках у нас кружки с ароматным чаем, а перед нами в ладках¹ жареная рыба, горка томящихся сладким паром шанѣжек, источающих запах сметаны, прихваченной печным жаром... «Шанѣжки впору поспели: вас дожидалисе. Мы с внуцкой спать не легли: мѣтно² сдогадалисес...»

Только теперь, словно спадает с моих глаз мертвящая снежная пелена, я начинаю видеть. Перед нами — небольшого роста, худенькая, быстрая в движениях немолодая женщина с жилистыми трудовыми руками, с отливающими золотистой желтизной карими глазами, на обветренном морщинистом бронзовом лице, с крупно кудрявящимися каштановыми с проседью волосами, убранными в косу на затылке. Радостно улыбается, потчуя нас, словно долгожданных дочерей встречает. Я спрашиваю: «Вам разве звонили из Кузреки или из Умбы? Предупреждали о нашем приезде?» — «Ни! — смеется хозяйка. — Какй тут звоны! Мы за горы-ти да за лёсы забрались, сюды не дозвониссе ни в жись»...— И, словно для нас, для пущей понятности, переводит на городской

¹ Ладка, ладочка — глиняная миска для жарки рыбы.

² Мѣтно — удачно, с попаданием в цель, как раз (*древнерус.*)

скучный язык: «Нетутка телефона в Вялозери». — «А как же вы узнали, что мы приедем?» — «Как вызнали, да как узнали!.. Не знали вовсе, а вот наехали — тут в очи и увидали...» — «А что же вы не спрашиваете, откуда мы, кто такие, зачем?» — продолжаю удивляться я. «А што спрашивать, дак? Надо будёт — сами скажетё, а не надобно — не розскажетё. Не обидимсе, дак. Ну, а кто такая — и так видать: люди, целовеки, как мы. Ваше дело — по своему делу ездить, наше дело — принять, отогреть, накормить, розвеселить душу гостю, спать повалить... Бывало, издосель-досельны старики скажут: «Подорожнóй целовек с собой, однако, дом да место¹ не носит».

Было что-то в Клавдии Григорьевне Никифорковой, что делало ее похожей на ласточку, то взмывающую вверх, то стремительно кидающуюся к гнезду. Вдруг неслышно и легко бросалась она к печи и, чуть грохнув ухватом, вынимала оттуда что-нибудь отменно вкусное (продолговатый, по форме рыбы, пирог-рыбник или озерного налима, зажаренного в сметане) — и уже через мгновение ставила на стол, ласково заглядывая в глаза, приговаривая-припевая, словно убаюкивая малых детей...

«Тутотко на Вялозери преже пятнадцать дворов было. Боле — не бывало. Я-то — природна вялозерка. Отець-мати — тоже. Коль не любо-то² было тута жити! Кругом лесы. В озери рыбы-то, рыбы — неприступно! В лесах голубель³, морошка, брусница — всяка ягода, грибы-ти. Восенях⁴-ти, глухари, тетёры, мошники⁵. Лисицю, куницю, соболей мужики добывали, векшу. Медведи живут. Да их убивать нехорошо... Видишь, нреже говорили старики, що медведь — ето целовек, безобидной целовек. Цегой-то там с ним прилуцилосе — шкура-та и выросла, дак. И правда, не тронь медведя — он сам худа не сделает целовеку... Тато (отець мой) сказывал: «Цюдь кака-то тут ишше в лесах жила, пугала. Тамотки, на тим берегу озера, немец жил. Я ишше застала. С семьей, с жонкой. Так ведь «немцями» звали у нас всякого, кто не умел по-нашому говорить. Видишь, быдто он немой, немец, сказать не заможёт, молцит, дак...»

¹ Место — постель с постельными принадлежностями (*диалект.*).

² Коль не любо — как хорошо (*диалект.*).

³ Голубель, гонобель — голубика (*диалект.*).

⁴ Восенях — осенью (*диалект.*).

⁵ Мошники — разновидность глухаря.

Диво дивное — устная, неписаная память человеческая, не устану я тебе поражаться, глубине твоих неиссякаемых тайников!

«А песни-ти?.. Ну, песен у нас было — що ты! И дитящей прибайкиваешь — поешь, и зимой, бывало, прядем — поем, в лес по ягоды запоходишь — поем, дитяши играют — и ти поют, на свадьбы — поют, на работи — поют. Так жизнь в радости и проходит... Ну-ко-те, спою пречну плясовую песню¹, кружальна, дак:

Ивушка, ивушка зеленая моя!²

Што же ты, ивуш(и)ка, невесёло стоишь?

Невесёло стоишь да невесёло шумишь?

— Как же мне, ивушке, весёло стоять?

Ехали бояре из Новá-города,

Секли они ивенку под самой корешок.

Сделали из ивенки два новы́х весла.

Да два весла, третью — лодочку.

Сели они в лодочку — поехали домой.

Да приехали домой — да здоро́во ле живешь?

Или вот ище на свадьбах-тих дети уж беспреренно бывали. Да к припевают которых там — девцоночку да мальцишочку — шутя, как жониха к невесты:

Кыс-кыско́, побежал(ы) кыско́³

По прутышкам, по осинышкам.

Прибежал кыско к ореховой жоны.

— Орехова жона, напой кыска́,

Накорми кыска́, спроводи кыска́

До полулеска...

Широка река розливайтсе,

Володимер на кони розъезжайтсе,

Зоя о́кол ножки овивайтсе,

Шолковым платоцком отирайтсе,

Каты-покаты, жонихи были богаты,

С лавки ставай, да спасибо воздавай.

Кат-катышок, Володимер-женишок...— вся!..

Казалось, так «вкусно» и радостно-беззаботно спалось мне только в детстве (да и то раз или два)... Уже проваливаясь в сон, слышала я, как пришел с работы сын Клавдии Григорьевны Виктор, потом немного погодя — его жена. Спокойно осведомились, что за люди незнаемы в парадной горнице на праздничной кровати с

¹ См. приложение 4.

² Каждая строка песни поется дважды, кроме последней (1 раз).

³ См. приложение 5.

пуховыми перинами спят (под фотопортретами большими, традиционными: хозяйин и хозяйка в молодости... Хозяин-то с войны не вернулся).

На другой день Клавдия Григорьевна к вечеру собралась целый хор: пришли Мария Михайловна Нестерова да ее совсем молодая сестра Ульяна Михайловна, Александра Савельевна Бүторина. Не обошлось и без мужичка — смешливого старичка Ондrejaна Филаретовича Нестерова («А мы, видишь, тутотка через одного Нестеровы, да Никифорковы, да Бүторины, так уж в нашей деревни ведется. В каждой деревни, видишь,— свой род-племя, свои и фамилии»). Начали с частушек (а пели еще долго и много за полночь, при свечах и при керосиновой лампе: электродвижок умолк, электрик пошел спать, а магнитофон наш «питался» от переносной «электростанции» в ящике):

Вялозерская деревня¹
На красивом мести.
Запоют девчата песни —
Слышно верст за двести.

А вялозерську молодежь
По лётам дома не найдешь:
По лесам, по елочкам, да,
Все по заготовочкам.

У меня на сарафани
Косолапы петухи.
Я сама не форсовата —
Форсоваты жониhi.

А миленькой, миленочок,
Построил новой домичок,
Домичок, колецико —
Болит мое сердечико.

Шла о речку, о реку,
Колечко бросила в реку:
Чем нелюбому дарить,
Дак лучше в речке утопить.

А миленькой отчалилсе,
Да не велел печалиться.

¹ См. приложение 6.

Велел смеяться, хохотать,
Почаще письма присылать...

Кудри вьются, кудри вьются,
Кудри завиваются, да,
Есть по семь годов гуляют —
Тоже розставаются...

Мне не пуд гороха нать¹,
А хоть одну горошинку.
Мне не сорок девок нать,
А хоть одну хорошеньку.

А у кого дроля какой —
У меня тальянщик,
Да у подруженьки моёй
Дроля балалайщик.

Пойдемте, девушки, домой,
Довольно насиделисе.
Моёго милóго нет —
На ваших нагляделасе.

Еще через день возвращаемся в Кузреку на оленях с местным, вялозерским возницей. Клавдия Григорьевна провожает нас с приговорами, смехом, непрошеными слезами, как родных. Дает на дорогу (будто неделю нам ехать — не меньше!) горячих шанежек, калиток² ягодных, чистую наволочку, до отказа набитую крупными вялозерскими рыбинами («Налим озерської, да окунь, да хариус, щука да... Бывает, у хозяйки хозяина нет, рыбу некому заловить. Пушай готовит божона, да вас, белеюшок, кормит, да...»). Между тем что-то объясняет мне возница, а я все никак в толк не возьму, но на всякий случай поддакиваю. «Хйгну³ поддернешь в каку сторону, туды передовой олень, гйрвас-от⁴, и повернет. Коли нешибко бежит, вот — хорей⁵, бери, легонько тыкнешь взади оленю-то в ногу (повыше), он резво-хорошо

¹ Нать — надо (диалект.).

² Калитки — круглые ржаные пирожки с открытой начинкой, похожие на шанги. Северяне отличают их от шанг: «У калитоцьки края внутрь загнуты, у шанёжки — ни...»

³ Хйгна — а) оленья узда, б) вожжа оленьей упряжки, повод оленьей узды (финно-угор.).

⁴ Гйрвас — взрослый олень-самец (финно-угор.).

⁵ Хорей — палка-шест примерно от 3 до 6 метров для понукания оленей в упряжке (финно-угор.).

запобегает. Знаешь-понимаешь, цугом двои сани, почитай, вдвое медленней поедут. А так, гляди, за два часа и там будём, приедём». Я соглашаюсь и поддакиваю, снова не очень понимая. «Ты с ума сошла?!» — испуганно говорит Шура. «А что? Видимо, он просит, чтобы я подгоняла вожака пары оленей, запряженных в наши сани. Что ж такого?!» Но Шура — северянка, карелка, филолог финно-угровед. И все незнакомые мне слова — ее родные. Она-то уже все поняла. «Я не сяду в твои сани! Не поеду!» — нервничая, заявляет она. Но уже поздно. Возница издает какой-то резкий гортанный звук, и первая упряжка мгновенно срывается с места, обдав нас облаком снежной пыли, и мчится «во всю голову» по равнине. А наша упряжка стоит на месте. Только сейчас до меня доходит, что возница спрашивал, не побоюсь ли я сама управлять своей парой оленей. Но сейчас уже поздно бояться... «Эге! Ой! Гей! Ух!» — наперебой кричим мы все вместе (отъезжающие и остающиеся) на оленей. Я отчаянно дергаю справа и слева за хигну, неумело тычу крупному норовистому оленю хореем в ногу. И сани трогаются. «Не буду с тобой ехать!» — слышится последний крик Шуры. Затем наступает что-то невообразимое. Кося в мою сторону огромным наливающимся яростной кровью глазом, вожак то несется вправо, когда я команду хигной влево, то влево при команде вправо, то останавливается как вкопанный, тяжело, со всхлипом дыша, то без всякой команды несется вперед оголтело, не разбирая дороги. Сани прыгают по пням вырубки. Прыгают рюкзаки, грозя вывалиться и потеряться, угрожающе подпрыгивает, норовя сломать нам ноги, тяжеленный ящик с «электростанцией». Подпрыгиваем мы — и, кажется, мозги перебалтываются в голове, как месиво в мясорубке. «Дого-ня-а-аай!» — доносится окрик возницы спереди. Наконец вожак умудряется перекинуть наши сани набок и так их и волочит несколько метров влево — в чащобу леса. Но тут откуда-то появляется хозяин и что-то говорит оленю на ухо. Тот останавливается, вздрагивая всей кожей (как коровы и лошади от укусов оводов), храпя и косясь диким миндалевидным глазом навывкате (мне даже видны его жесткие, густые, очень прямые ресницы)... Как дальше доехали — не помню. Знаю только, что хозяин не перепрягал, и в Кузреку мы так и приехали — двумя упряжками порознь, в каждой по паре оленей...

Через семь лет на «аэродроме» у терского села Тет-

рино (на расчищенной песчаной площадке у моря), ожидая самолетик, разговорилась я со случайным попутчиком, также ожидавшим самолет. На мой вопрос, как поживает деревня Вялозеро, он ответил, что озеро с таким названием есть, а деревни — никогда не бывало. «Как не бывало?! — изумилась я. — Я ведь там была, сама ее видела, с людьми говорила. Свадебная песня вялозерская в сборнике только что опубликована среди других терских песен...» — «А я вам говорю, что такой деревни никогда не было, — упрямо-уныло возразил попутчик. — Однако я в районном руководстве работаю, все знаю. А вы — ошибаетесь. Стоит там одна изба. Рыбаки выезжают туда на лов рыбы озерской, там и ночуют. Видимо, вы избу за деревню в темноте приняли», — сказал уже с насмешкой. Уловив что-то чужое в говоре, в отношении к здешней земле, к людям, словно невзначай спрашиваю: «Вы, вероятно, не местный?» — «Да, не местный, временно»... И я замолкаю. Думаю о том, что, может быть, изба, в которой иногда ночуют рыбаки, — и есть дом Клавдии Григорьевны Никифорковой, ее родовое гнездо, привычное к нелегкому подвигу странноприимства. Ведь странными людьми, странниками на Руси испокон веков называли путешественников, ходящих, едущих, плавающих из стороны (или страны) в сторону по своим неотложным разнообразным надобностям. «А подорожной человек, как известно, дом с собой и место не носит»... Вот и надобно его принять, накормить-напоить, обогреть и развеселить. И в душе я низким-низким земным поклоном склонилась мысленно перед домом Клавдии Григорьевны и его ласковой до людей хозяйкой...

...А еще через четыре года буду я ехать по берегу моря августовским теплым вечером на автобусе (с okazji — рабочей строительной бригадой и несколькими местными женщинами) из деревни Оленицы в поселок Умбу. Автобус вброд переезжал какую-то неглубокую, но норовистую речку, с шумом несущуюся к морю. «Что за река?» — спросила я. «Кузрека», — последовал ответ. «Как — Кузрека?! А где же деревня?» — «Приказала долго жить»... На взгорье по обе стороны реки стояли два бревенчатых дома. «А люди где?» — «Кто где. Кто к детям в город поехал, кто — в гробовську губерню¹, кто — в поселок. Закрыли деревню, дак...» На мгнове-

¹ Грoбoвcькa гyбepнiя — тoт cвeт (шyгл.).

ние будто донесся до меня издалека явственно шум незамерзшей предновогодней реки, детский воробьиный щебет, треск жарко пылающих поленьев в русских печах, шуточные прибаутки-перебранки, высокий голос Офимьи Трофимовны: «Пошел Митрей-князь...» «Наша тутотка изба осталасе и ишше одних... Приезжаем на лето из Мурманьского, отворяем свое родово гнездо и красуёмсе»,— сказала одна из попутчиц. «А у вас што, родня, свои кто жил тут?» — «Родня... свои»,— односложно ответила я и отвернулась к окну, чтобы скрыть закипевшие слезы горячей обиды.

ДЕРЕВНЯ ОЛЕНИЦА. БАЙКИ. БЫЛИЧКА. КОЗУЛИ. ШЕЛЮХАНЫ¹-КУКОЛЬНИКИ

Но это было позже, а пока эта печаль мне еще неизвестна, и мы (не помню как) приехали в приморскую деревню с названием Оленица. Остановились «жировать» у моложавой, статной, но худенькой женщины с ярко-голубыми глазами и с роскошными пшенично-золотыми волосами, туго заплетенными в толстые косы, уложенные короной вокруг головы. Хозяйка застенчиво улыбается, будто стесняется своей улыбки. Ее зовут Павлой Никитичной Кожиной, она военная вдова. Младшая дочь Лиля живет с матерью. Она тяжело больна. «Переуцилась, чеё ле, перетомилась, дак, в десятом классе... А быват, и «добры» людешки испортили... Кто знат»,— со спокойной печалью говорит Павла Никитична. Старшая дочь Женя живет по соседству, но часто забегает к матери: у Жени недавно родился первенец, сын, и мать помогает ей «водиться». В отличие от всех встреченных мною терчанок, Павла Никитична певуче-плавна, нетороплива (даже чуть замедленна) в речи, в движениях, но дело в ее руках спорится быстро, тихо. Я впервые в жизни записываю байки незаметно: поют не для меня, не для магнитофонной записи, поет молодая бабушка для внука:

Бáйки-побáйки²,
Бáйки-побáйки...
Котик ходит по болоту,
Нанимаетсе в роботу.
Уж ты, котинька-коток,
Котя, сренькой хвосток(ы),

¹ Ш е л ю х а н ы, ш е л ю х а н ы — ряженные, кукольники.

² См. приложение 7.

Приди, котя, ночевай,
У нас Сашенику качай.
Баю, баю, баю, бай...
Кто даст коту красную бумажку¹,
А кто — ситцю на рубашку,
А кто — кринку молока,
Кто даст свежего сига.
А я дам(ы) тебе пирог,
Ты покушай-ко, коток.
Сам кусочок откуси,
А м(ы) не целой принеси.
Пирог(ы) Саше подарю,
Саше песенку спою:
Баю, баю, баю, бай!
Баю, баю, баю, бай!

«А-андель!»² Колько робот я выробила, сколь горюшка приняла без мужа-та (с фронту не вернулсе, дак...). Наравни с мужиками в Отлантике селедку ловила, сенó-косила, гребла, строила. Ноци, бывало, проплацёшь, — вот тоска-то, вот тоска. Ды наревиссе, да, не сыпáвши, этима же глазами на роботу тенесси. А никто ведь мово горюшка не знаёт, только де-ка печь-матушка да грязна робоча фуфайка. А молоды были, дак... Налётаисси, выбегаёшь всюды. Горюшко невидимо все и пройдет. Запобегáшь на сенокос пятнадцать верст — только коробка мáшутьсе за спинами (со стряпней). Нарóбиссе, наломаиссе. Назад ишше пуще бежишь. А топерича: повезут, как барынь, на сенокос на машины. Да, пожалуйста, на ней же — назад. А молоды скажут: «Ох, я вся на роботы избиласе, прямо тоска одна!..» Ну, а какá тут, нонешним молодым «битва», какá тоска?! Нынце вот дояркой в колхози обряжаюсе³. Можно бы и жить не тужить, дак вот Лиля шибко болет... Всяко, всяко быват. В пословици слово молвитсе: «На векú, що на волоку: всего навидаесси, всего узнаешь»... Вот я не застала того целовека, а моя тетка жила в Варзуги, его знала. Жила она (как тебе правду сказать — не соврать): дом ейной быдто повыше Олёксандры Капитоновны, в верхнём конце, прямо реки, во перьвóm ряду, где-ка рúцей спротекáт. На здешной стороны... Вот що за целовек

¹ Красная бумажка — бумажные деньги.

² Андель, андели — восклицание, по смыслу сходное с «Батюшки!» (диалект.).

³ Обряжаться — делать по очереди, работать.

был. Бог послал ангела, чтобы у роженицы душу вынеть. Чтобы умереть ей. Ну, ангел его не послушался: пожалел жонку. Бог послал его вдругорядь. Тот снова не послушался: не замог, пожалел жонку-ту да дитя мало, да и други дитяши у ей. Вот бог ангела и наказал. Крылья у него отнял. Спустил его на землю без крыльев. От Варзуги за одиннадцать верст, на Сиговец, на остров. Тут покосы, пожни: Поповщина, Микольщина, Ширковщина, Пальцовщина. Ну, спустил на никольщину в зарод (стог.— Ю. К.) сена. Люди утресь пришли зимой за сеном (на оленях приехали) и нашли в зароде голого целовека. Молчит. Вроде как немой. Привезли его. Была избушка старая, ныча на втором ряду от реки, от почты третей дом, на левую-ту руку от дома Олександры Капитоновны. Туды его привезли. Там и жил один три года. Всё Богу молилсе, утром и вечером в церкву ходил. В подпорогу стоял и «Отче наш» цитал (дело, видишь, до революции было). Потом ему Бог как-то уже сказал, што о Петровом дни выстань на крылос (Господь, видишь, простил его). Он и вышел из подпорогу, встал на крылос. Как запели:

«Вострубим трубою песни,
Взыграёт рабственная
(коли уж он раб, дак...) —
И ликовствует праведная
Хвалебное торжество
Богоносного отца...»

Как его пропели, так и не стало того целовека. Знать, Господь ему крылья вернул. Я ишше видела (девцонкой была) ту избушку, попелищо от ей. А звали его Михаил Соболя (орхангелá, видишь, больше всё Михаилы бывают)».

Так впервые услышала я от довольно молодой женщины настоящую классическую бывальщину, быличку, в которой самая смелая народная фантазия переплетается с действительными фактами, событиями, с упоминанием действительных лиц. Народная доброта сердечная возвысила безродного юридивого бродягу-калеку до чина ангела, вышедшего из повиновения Богу из жалости к многодетной крестьянке. Абсолютное добро (независимо от того, дозволенное оно или недозволенное, узаконенное или незаконное, поощряемое или наказуемое) всегда побеждает в устном народном творчестве...

Удивительно уютно было в скромном, не ахти как

обставленном доме Павлы Никитичны. Это был один из немногих встреченных мною в те годы домов, где бревенчатые стены еще не были оклеены обоями. До желтизны вышорканные бревенчатые стены при вечернем освещении теплились глубоким янтарным цветом, выпукло круглились, создавая ощущение одушевленности, дыхания. Ситцевые занавесочки с красными цветами на окнах, над печью яркими пятнами вырисовывали жилое пространство. На лавках вдоль стен — клубки спряденной белой, серой, коричневой и черной овечьей шерсти, старинная прялка с тонкой графической резьбой, напоминающей гравюры Фаворского: громадный солнечный диск-колесо наверху, ниже — многолистное древо на холме (потом спокот мне в Варзуге свадебную песню «На солнышном восходе, на угреви, стоит белая береза кудревата»)... Ниже, под холмом — снова солнце. Самые старые люди иногда называют луну ночным солнцем. В древности считалось, что днем, когда светит солнце, луна светит на том свете — под землей. Вот почему на прялке Павлы Никитичны два солнца: одно — вверху, второе — внизу...

На другой день собрался небольшой дружный Олений хор в деревенском клубе: Павла Никитична, Таисия Изосимовна Кожина, скромная женщина с тонкими, живыми чертами лица, ее подруга Валентина Александровна Телицына, Христина Егоровна Кожина, Евстолия Арсеньевна, Мария Михайловна, гармонист Макар Макарович, Олена Макаровна, Мария Макаровна — все Кожины, все колхозники. Совсем молодая Ульяна Семеновна Кожина — секретарь сельсовета.

Звучат радостно торжественные свадебные песни, протяжные лирические. И вдруг — морозным заполярным вечером — как чудесное творение белых ночей у моря возникает переливчатая, деликатно нежная девичья песня-мечта:

Куда милой скрылсе?..¹
Где буду тебя искать?

Заставил крушиться,
Плакать меня, горёвать.

Болит мое сердце,
Режёт белу мою грудь.

¹ См. приложение 8.

Пойду с горя к морю,
Не пловет ли с моря што.

Пловет с моря судно,
Рбнит бёлы паруса.

Судно голубоё,
Персийський на ём ковер.

Зеленяя трали,
Светят оне над водой.

Серебряны цепи,
Якорь на них золотой.

По судну гуляёт
Роздúшочка — милой мой.

Пинжачок военной
Одетой-от был на ём.

Пиджачок рублей во тыщу,
Фуражечка — во пятьсот

На руке было колечко —
Милому ли я дала.

— Подай, милой, корету,
Тройку вороных коней,
Сядем, миленькой, поедём
Во дальния города.
Где солнце сияёт,
Луна — никогда...

С тех пор, как услышала я эту чудо-песню, каждый раз, когда бываю летом на Терском берегу и гляжу на такое разное Белое море — то опалово светящееся, замершее в неподвижности, похожее на жемчужный туман белой ночью, то радужно-искристое на заре, то с шумом приливающее почти вплотную к деревьям, то убегающее в отлив и оставляющее большие пряно пахнущие морскими водорослями, похожие на крутолобых тюленей, блестящие черные камни, среди которых копошится в ожидании прилива всякая живность: морские звезды, крабы, маленькие рачки, заблудившиеся рыбешки, — всякий раз откуда-то приходит ко мне эта песня (то ли

из далей морских доносится, то ли с береговых сопок, поросших пахучим можжевельником, низкорослой елью, духмяным чабрецом, ярко-сиреневым иван-чаем, белым оленьим мхом ягелем)... Вот-вот из морской мари покажется голубой корабль с блистающими, как полуденные облака, белыми парусами, с перезвоном серебряных цепей и солнечно сияющим золотым якорем — корабль девичьей мечты, девичьего счастья...

Пловет с моря сүдно,

Рõнит бёлы паруса...

И вдруг, словно сбрасывая с себя сказочный полусон-полудрему, выплескивая ширь характера и без стеснения выказывая прямогу и силу, стать недюжинную, «во весь голос да во всю голову», с приплясом да с притопом:

Уж ты мати, ты мати моя¹,
да люли-люли,

Ты Настасья Васильёвна,
да люли-люли².

Ты зачем меня, хорошу, родила?

Хорошу, меня, щáсливую,

Удалую да таланливую?

Мне нельзя-то к обедни сходить,

Нельзя богу кланяться:

Все народ-люди зарятсе.

По деревенке гулять пойду,

Все мне встречу попадаются,

Над рецами ухмыляются,

Над походкой удивляются,

Холосты в гости даютсе³,

А женаты влюбляются...

Приду в праздник на йгришшо гулять,—

На меня все повёрнутсе,

Старики, старухи шепчутсе.

У меня коса до пояса,

Лента алая шелкóвая,

Брови цёрны, как у соболя,

Оци ясны, как у сокола,

Лицё белое, румяное...

У меня ли тальянской плат

¹ См. приложение 9.

² Припев повторяется после каждой строчки песни.

³ Д а в а т ь с е (с я) — проситься куда-либо, навязаться кому-либо.

Со кругамы, со серебряныма,
С каймамы спозолочонныма.

Как «пляшущее» на рассвете солнце, выбрасывающее протуберанцы — языки пламени, разлилась игрищная плясовая. Может быть, донесла она до нас осязаемый, зримый, слышный отголосок всенародных празднеств Господина Великого Новгорода, который К. Маркс называл «величайшей демократической республикой средневековья»?..

...Следующий вечер был предновогодним. Нас с Шурой водили из дома в дом наши хористы. Здесь «всплыла» еще одна, вернее, даже две поговорки: «гость с собой стол не носит» да «гость с собой печь не носит». На этом основании взялись нас угощать в предновогодний вечер все наши добрые друзья по очереди. Отказы и объяснения не принимались. Каждый кормил по всей форме: чаем, шаньгами, калитками, рыбниками, солеными грибами, пивом собственного производства, свежешареной рыбой, соленой рыбой... После гостеванья в третьем доме нам уже «занехорошело». Но пришлось обойти все десять домов, в каждом доме отведать всего, похвалить неложно, поблагодарить сердечно. До сих пор не знаю, как удалось нам выдержать это нелегкое испытание сверхгостеприимством.

* * *

В тот же вечер почти в каждом доме в русских печах хозяйки пекли козули¹. Я впервые видела их: в печах на противнях, на деревянных чистых столешницах «паслись» целые «стада» — олени с ветвистыми рогами, неуклюжие тюлени, собаки, лисицы, лоси и лосихи, коровы, быки, бараны, петухи, уточки... Это потом я узнаю из научной литературы, что до сравнительно недавнего времени обычай выпекания этой удивительной съедобной хлебной скульптуры был распространен во многих странах мира; что в России, на Украине и в Белоруссии, независимо от того, какое животное или птица изображается, все фигурки называются козулями в честь святочного козла — жертвенного животного, участника зимних игрищ и ритуалов времен далекого язычества. Узнаю, что советский искусствовед Л. А. Динцес² убедительно

¹ Козули — вылепленные из ржаного недрожевого теста фигурки животных и птиц.

² Динцес Л. А. Русская глиняная игрушка: Происхождение, путь исторического развития. — М.; Л., 1936.

доказывает связь смысла, содержания и назначения игрушек и хлебной скульптуры с древнейшими дохристианскими религиозными представлениями славян. Что набор перечисляемых Динцесом тотемических животных (то есть животных или птиц — покровителей данного племени, рода; животных, сливающихся в сознании членов этого рода с образом далекого обожествляемого предка, родоначальника) достаточно полно представлен в настоящее время в терских козулях. Что происхождение фигурного печенья, почти утратившего к настоящему времени свой изначальный магический смысл и ставшего предметом детской игры, восходит к обычаям славянских ритуальных трапез, братчин, «питий молебных пив», с поеданием жертвенных священных животных или их изображениями...

Это все я узнаю потом. А пока удивляюсь коричневатым теплым фигуркам, загадочно глядящим на меня. Собака, баран, бык, олень, петух, гусь — все равны по размерам и умещаются на ладони руки. Если бы не ощутимая рукой теплота только что испеченного хлеба и духмяный его запах, можно бы принять козули за культовые фигурки, только что найденные археологами в каком-нибудь из древних курганов. Я — неопытный пока еще собиратель и потому непозволительно стесняюсь попросить у приветливых хозяйшек козуль. А между тем сегодня-завтра их раздарят ребятишкам, а те будут сначала с ними играть, потом — разломают, съедят, скотине бросят. И хотя потом я соберу целую коллекцию терских козуль (с почти полным набором животных) и слепят их мне лучшие мастера по моей просьбе, не забудутся мне те впервые увиденные олени с пуржистыми¹ рогами, тюлени, доверчиво вытягивающие длинные шеи, и быки с рогами, похожими на древний струнный инструмент — лиру.

Сейчас мне в Оленце рассказывают:

— Славишь хозяина с хозяйкой о Новом годе, бегам преже робятамы. Козуль надавают полнехоньки мешки. Уж играм-играм има. Всяко володим, санки из лудины сделаю, впрягём, на веревочки козули возим. Опосля уж беспременно игра така: «зарезать быков» называлася.

— А как же! Голову тогды примерно у козули об-

¹ П у р г а — отросток оленьего рога; пуржистый — имеющий большое количество отростков; пуржисты кучери — крутые завитки, локоны (диалект.).

ломим, тогда — ноги. Ножиком ли, луцинкой ли живот розпорёшь. Тогда уж едим. Да запляшём. Да скрищим: — «Зарезали быка! Зарезали быка!»

Нечто похожее рассказывала и Клавдия Григорьевна в Вялозере: «Возят дети быков на веревочки (называли всех быками, а так ведь и олени, и борашки, и петухи-ти, и гуси, и лоси, и зверь-тюлень-от — всякой живот). Возят. У каждого свое полно стадо козуль. Невдолги¹ один скричит: «А нать быка заколоти!» — разом тутотка захватят вси дитяши по одной козули в руку. Кусают голову, рвут ноги. Едят. Тогда скричат разом: «Я оленя заколов!»

Новой: «Я — борашка!» И вси тут запляшут несамовито², изъяряться, скричат на рёзны голоса неведомо и що»...

Опять-таки потом, значительно позже, я пойму, что в рассказах терчан о детских играх с козулями сквозь пелену веков отчетливо просвечивают следы изначального ритуального смысла этого обряда, описывая который, одна из летописей говорит о том, что еще в XII веке наши предки лепили из теста фигурки быков и коров и, «убивая», ели их, а затем «рикали, аки волове»... Так пришлось нам реально прикоснуться к одному из древнейших обрядов новогоднего символического «заклятия» на плодородие, размножение скота, благоденствия рода-племени.

В терских козулях проявляется специфика особого народного искусства, которую выдающийся советский литературовед М. Бахтин называл гротескным реализмом, присущим древнейшей народной «смеховой» культуре во всех ее проявлениях. «Нет тех резких и инертных границ, которые разделяют... «царства природы» в обычной картине мира: здесь, в гротеске, они смело нарушаются. Нет здесь и привычной статики в изображении действительности: движение перестает быть движением готовых форм, а превращается во внутреннее движение самого бытия, выражающееся в переходе одних форм в другие, в вечной неготовности бытия. В этой орнаментальной игре ощущается исключительная свобода и легкость художественной фантазии, причем свобода эта ощущается как почти смеющаяся вольность»³.

¹ Невдолги — вскоре (*древнерус.*).

² Несамовито — буйно.

³ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле. — М., 1965. — С. 38.

В терских козулях в абсолютном большинстве случаев повторяется обобщенная форма туловища некоего животного вообще. Почти одинаковым громоздким туловищем на четырех конечностях наделены конь, олень, тюлень, лиса, заяц, корова, лось, баран и даже петух. Небольшие, чуть заметные подробности делают туловище более легким — как у оленя, приземистым, грузно ползущим — как у тюленя, придает телу стремительность бега — как у зайца и т. д. Однако низ — канонично «животен». Верх (голова или даже головы) индивидуализирован. Это как бы вынуждает зрителя организовать свое творческое воображение для участия в таинстве оживления конкретного животного в образе козули. Наиболее тщательно реалистически проработаны оленьи рога, в отдельных случаях являющиеся шедевром миниатюрной скульптуры. Обтекаемая шея и голова — признак тюленя. Напряженная и чутко вытянутая шея отличает лисицу. Разнохарактерность изгиба рогов не дает возможности перепутать корову и барана (при сходстве целого ряда остальных деталей). Лось увенчан «кокошником» рогов. Гребень петуха настолько ярко характерен, что, даже будучи помещенным задом наперед и практически заняв место всей головы, он становится безусловно «петушиным» признаком причудливого животного о четырех ногах («Как же! Петушок-от ведь. Нешто не видишь?! Гребень у его — и все тут! Петух и есть, дак...»).

Через несколько лет в деревне ЧапOME потомственный чапомлянин Алексей Митрофанович Чеченин, не старый еще мужчина, за напускной грубоватостью неумело скрывающий почти отцовскую нежность и заботу о слепой жене, Калиосфении Евдокимовне, слепит мне нескольких чудо-олений и наградит их не только пуржистыми рогами, но и тонко, миниатюрно сработанной упряжью. А Калиосфения Евдокимовна слепит собачку, которая, кажется, вот-вот зальется истошным лаем, чуть присев на все четыре лапы... И пока пекутся козули в печи, расскажет мне: «В Рожесьво рано пекли козули. Нынце и в Новой-от год тоже пекут. Преже всё боле мужики-ти козули лепили. Напуржят оленями рожки таки баски ветвисты понавыврезавают, дак... Гусей преже делали тож. Помалюхне¹ оленей. Нынце що-то не замогли гусей-тих ладить: больно трудно кажет. Бывало, жонка-

¹ П о м а л ю х н е — поменьше.

та взади за хозияном козули делат, он уж перьвой. А нынче мало кто из мужиков можёт ладить козули. Вот мой хозиян еще оленей делат, как же! А так все боле старухити да жонки лепят... Вот наладят их, полну печь насадят. Тесто-то круто из самой цёрной да грубой муки, без сахарив, пресно, дак, нехожало¹. Испекуться — вытенут. На божницю преже ставили перед иконы и за иконамы. Пощойно²? Щобы, видишь, олени у хозияна в дому велись бы, борашки, теляты, птица — всякой живот плодилсе бы. Имена козулям надавают: Беляна, да Белёк, да Цёрныш, Цёрнуха да другі всяки. Так они там козули, на божници, и стоят полной-от год. А через год нобы испекут, а ти там, стары не бросят. Ни! Шо ты!.. Скотине в пойло складут, птицам розкрошат (хорошо уж, щобы скотина да птица съела). Да и не вси ставят к божницам. Тут их полна столешница излажена. Да детишки ходят, славят хозияна и хозиянку (так по всёй деревни и идут), сулят им добро, лад, богачесьво; тут детишкам и отдавают козули. Они их уж тягают-тягают, играют с има, едят, дак. А уж к цёму ето всё — сказать не замогу. Не нами заведёно: первобытны старики досельны заводили, нам не сказали...» Этот рассказ еще раз подтверждает древнее ритуальное происхождение обряда выпекания козуль, безусловно, имевшего отношение к целому ряду новогодних заклятий на плодородие будущего лета. В частности, об этом говорит и то, что часть козуль стояла целый год у икон и за иконами (здесь мы встречаемся с моментом примирения, смешения двух вер: языческой и поздней христианской — с двоеверием), а потом отдавалась в пищу скотине и птице.

Еще была у нас в этот раз с Алексеем Митрофановичем беседа о ветрах и их названиях: «Преже у стариков на окна, которо глядит на морё, компас был ножицком вырезан. Баско-хорошо розкрашóной красками. Вси стороны света, вси ветры вырезаны-написаны. Часов-тих прежь не было. Прежни люди знали, що ежли, к примеру, влетку на знак «Лето»³ сонцё гледит — так и знай: полдень, двенадцать часов дня. На знак «Шелоник»⁴ сонцё передвинулось — три цаса дня. На «Запад» — шесть цасов вецера (это всё влетку, зимой — иначе). На «Побе-

¹ Н е х о ж а л о тесто — не перебродившее, без дрожжей (*диалект.*).

² П о щ о й н о — для чего, зачем (*диалект.*).

³ Л е т о — юг, южный ветер (*севернорус.*).

⁴ Ш е л о н и к, ш о л о н и к — юго-западный ветер. Название пришло из древнего Новгорода: ветер с реки Шелони.

режник» сонцё глядит — три цаса утра (летом же). На «Север» — то двенадцать цасов ночи. «Полуношник»¹ — то девять цасов вечера летом, «В'сток»² — то шесть утра летом, «Обѣдник»³ — девять цасов утра летом. Летом-то сонцё у нас не заходит. А зимой как-то время узнавали по Большой Медведице (сонцё-то коротко время ходит зимой)...

Ветры примеца́ли как дуют, знали уж прежны люди, цего ожидать. К примеру, Шелоник «голодным ветром» зовут (он тянет со стороны Кандалакши). Как потянет — никака тут уж рыба в сети не запоходит. Пословица: «Шелоник задул — вытягивай лодку, суши снасти». А «Север» — тот рыбный ветер. На Мурманском берегу он с моря тянет, дак его «Моряной» зовут, а у нас — «Север». «Обѣдник» — тот ветер долго не живет. С им тоже много рыбы не наловишь. Со «В'стоков» и с «Обедников» все больше дожди прибегают. С «Побережника»⁴ дожди живут мало. «В'сток-ветер живет широк», — говорили старики. Оногды⁵ «В'сток» дожди несет. «Запад», — говорили, любит жонку: вно́ци, видишь, не па́дат, не тяне́т, нет ёго»...

Четыре оленя и собака — еще далеко не коллекция терских козуль... И как-то зимней экспедицией в славной Варзуге (о ней речь впереди) стала я просить Христину Николаевну Rogozinu излепить мне козули. На нее варзужане указали как на мастерицу этого дела. Христина Николаевна отнеслась к моему заказу совершенно серьезно: «Козули-ти можно изладить. Почему нет? Только уж муки надо настоящей, аржаной, самой грубой, ежли даст тебе наш пекарь. Да, поди, не даст, дак...» Но пекарь тоже отнёсся к этому делу серьезно и ржаной муки дал. И вот я сажу в горнице столетнего двухэтажного, с «вышкой»⁶ дома Христины Николаевны и с волнением слежу, как рождаются козули в ее пальцах — негнущихся, натруженных, похожих на узловатые корни. Сначала кусочек теста, еще не приняв определенной формы, как будто на глазах одушевляется, становится теплой плотью. Большие серо-синие глаза Хри-

¹ Полуношник — северо-запад, северо-западный ветер (*севернорус.*).

² В'сток — восток и восточный ветер (*древнеслав.*).

³ Обѣдник — юго-восток, юго-восточный ветер.

⁴ Побережник — северо-западный ветер (*диалект.*).

⁵ Оногды — иногда (*диалект.*).

⁶ Вышка — чердачная неотопливаемая комната.

стины Николаевны — совсем молодые на добром, морщинистом и чуть одутловатом лице («сердце да астма замучили, дак...») по-особому светятся, как у женщин, обиходящих телят, ягнят, козлят, дитяшей домашней скотинки. Руки работают споро и ласково. Кажется, сами по себе появляются немного неуклюжий крепкий торс животного, четыре ноги, голова. Работа идет поэтапно, как в профессиональном творчестве: крупный, средний планы и, наконец, проработка деталей. «Вот мы тебе ножки... ножки изладим. Рожки... гла́зы наместим. Пушай глядит — не слепому ведь жити... Кто родилсе? Не знашь? Ан-лось, лось, голубеюшка!»

Конь с всадником, лось, бык, корова, тур-баран — златы рога (и это сохранилось в памяти народной, хотя туров давно уже нет), турица златорогая — все эти изображения некогда символизировали солнечное божество древних славян. Мне удалось сфотографировать достаточно подробно процесс лепки лося. С оригинальным искусством Христины Николаевны познакомились тысячи зрителей: выполненные ею козули экспонировались в Москве на I Всесоюзной выставке народного творчества.

* * *

А пока пекутся козули в печах у оленичьих хозяек, ведут меня к уютному дому Марии Павловны Кожиной: «Запиши нашу «ленинградку». Таково цюдно-удивленно поет, не по-нашему... Бывает, уж скоро сорок годов живет тутотка замужом, а по-нашему не запела. Да и мы по-ейному не споем». С этим явлением я потом не раз встречаюсь в своей собирательской работе: живя «на чужбине», человек сохраняет песни, обычаи, нравы своей родины и не перенимает чужие. А местный народ не перенимает у «чужаков» их искусство, отдавая ему дань уважения с легким оттенком необидного насмешливого удивления... Чудо, как пела Мария Павловна, застенчивая, скромная женщина с тонкими чертами светлого лица, как будто изваянными скульптором. Она и пела как-то особенно: почти не открывая рта, совсем незаметно шевеля губами, а лицо никак не реагировало мимикой на пение. Голос у Марии Павловны невероятно высокий, чистый, звонкий, «поставленный», напоминающий по тембру голос А. Неждановой. Конечно, я сразу же спрашиваю у Марии Павловны, ее ли это личное свойство

(и талант) — петь именно так, или так принято было петь в ее деревне. И получаю ответ: «Девушки да жонки пели высоко у нас в деревни, как жаворонки»... (Мария Павловна не только поет, но и говорит совсем по-иному, не так как здесь, более «литературно».)

Ах! Как у столичка, у стóльнова,
Как у зерькальца хрустальнова
Николай-от чесал кудри,
Да свет-Иваныч чесал русыя.
Он чесал-перечасывал,
Своей сестрице наказывал:
— Уж ты, Марьюшка, завей кудри,
Ты Ивановна, русыя...

Это — свадебная величальная песня молодому неженатому гостю. А вот совершенно невероятный жанр: частушки с сопровождением «под губы». Исполнительница объясняет: «Гармони да балалайки не в каждой деревне были. А уже мы слыхивали, как на них играют, да как под них частушки поют. И нам будто хочется так же. Так мы языком да губами — будто на гармошке (либо на балалайке) играем. Трое-четверо девок тенькает да тренькает музыку — вот те и балалайка. Одна-две частушки поют... От бедности придумали, видишь, выход из положения (а я не устаю удивляться безмерной талантливости народной, умению даже бедность претворить в богатство).

— А тан-на-на, на-на-на-на-на-ны, та-на-на-на (непостижимо быстро, виртуозно), — затенькала да затренькала, совсем как на балалайке, Мария Павловна.

Та-на-на-ны-на, на-на-на-на, ты-ны-ны-на¹

И вы поверьте, сердцу больно,
Если влюбиссе в кого... (Ох!)
И в полчаса влюбиться можно,
А расстаться тяжело... (Ох!)

И милой знал, в кого влюблялся,
Не в богатую — в меня... (Ох!)
А он три года отдалялся,
Думал, стану плакать я... (Ох!)

Я по деревенки иду,
Да про себя слышу беду. (Ох!)

¹ См. приложение 10.

И про молодую меня
В кажінном доме говоря(т)... (Ох!)

Про девчонку люди судят,
Хоть судил бы человек... (Ох!)
А то такая люди судют,
Про которых судят век... (Ох!)

И пойду-выйду за ворота,
Погляжу на островок... (Ох!)
И где-то черненькия глазки
Провожают вечерок... (Ох!)

Дом Марии Павловны (весь в вышивочках, салфеточках, оборочках, с традиционным «иконостасом» фотографий хроники семейной жизни двух-трех поколений семьи под стеклом в большой раме рядом с большим, тоже в раме, зеркалом) полон народу. Слушают иронично-уважительно (и ведь не впервые слышат, но удивляются, словно только-только услышали: «Ишь, выфантавывает как, вывяртывает коленця!»).

«Уроженка деревни Бередниково Лужского района Ленинградской области,— старательно выговариваю я в микрофон для магнитофонной записи. Затем то же записываю в тетрадь и, сделав для себя радостное открытие, заявляю вслух: — Мария Павловна! Давайте мы с вами сговоримся и съездим вместе на вашу родину, в Бередниково, там ваши замечательные песни от хора запишем». «Ни-ни! Што ты,— возражает с грустью Мария Павловна, и в углах губ ее впервые проступает что-то похожее на скорбные морщинки.— Нет деревни, голубеюшка, нету ведь! Сожгли в эту-то, в последню войну. Фашисты сожгли дотла. Людей перебили... Может, кто и сохранился где, убежал, да мне неведомо. А я — тут смолоду замужем. Так и сохраниласе... Там ведь и место пусто, заросло»...

В этот вечер я записываю песни русской деревни Бередниково, которой уже нет на свете. Песни, которые, кроме Марии Павловны Кожиной, может быть, уже никто на белом свете не поет. (Через много лет, «услышав», как пепел сожженной деревни стучит в мое сердце, запою их я.)

Вот и Новый год наступит через несколько часов. Спрашиваю запевалу Марию Михайловну Кожину («А мы вси тутотка, в Оленици, Кожины, Телицыны да Талых. Так уж от веку ведеться: у каждой деревни свои имена

да прозвища») полную, смешливую, бойкую женщину со скуластым, саамского типа, лицом: «А как прежде встречали Новый год?» — «О-о! Шелюханами, маскированными, кукольниками — всяко наряжаться, измажут лицо, всяко выворотню навертят на себя, чтобы неужно узнать. Ето уж беспременно — чтобы не узнать никак! Из дому в дом идем, да... Пляшём, всяко выфантываем. Тут и угощают, и козуль надавают, и чару поднесут. Тут поют всяко. Всю ноченьку-ту, бывало, проходим, дак. Молоды были, дак...» — «А нельзя ли, — спрашиваю с неуверенной надеждой я, — вырядиться и пойти сегодня маскированными?» — «Зацем нельзя? Всё можно, Юльюшка».

Собираем подростков, молодежь, даже несколько хористов среднего возраста. Идем в клуб. Там много реквизита школьной самодеятельности: петрушечные колпаки, маски магазинные, какие-то костюмы. «То все ненадобно, — говорит Мария Михайловна, — пойдем к нам, там и изладимсе». — «А что же надевать будем?» — удивляюсь я. «А напроизволящо, чего ни попадет под руки. Повыворотней, посмешней будёт, пострашней — дак полюбей».

И вот идем какой-то невероятной дикой толпой. Я уже запуталась и никого не могу узнать из тех, с кем только что переодевалась. Какой-то мальчишка (я запомнила, что девушки и женщины рядились мужчинами, а мужчины — женщинами) одет кокетничающей тощей девицей в нелепом драном платье. Лицо густо набелено и нарумянено. На голове какое-то сооружение — шляпа из... мужских брюк. Розовощекая девица одета дряхлым бородатым старичищем (борода из непряденой шерсти, кудели) с клюкой... Медведь в вывороченном наизнанку тулупе (вспомним слово «выворотный»); чертик с бараньими рожками на голове и с физиономией, вымазанной сажей... Две неимоверно толстые бабищи (обложенные спереди и сзади подушками) в каких-то невероятных сарафанах, драных передниках. Лица ряженных завешены обрывками материи, кусками кружев, полотенцами, платками. Открытая часть лица вымазана разноцветными красками, сажей, нарочито грубо размалевана: если губы, то втрое толще, усы — так до ушей. В сооружении импровизированных костюмов и масок соблюдается один главный принцип — неузнаваемость. Костюм состоит из чего угодно, лишь бы почудней, повыворотней, вопреки обычному, привычному. Вероятно, харак-

терные терские слова «выворотный», «выворотно», означающие сегодня в их разговорной речи нелепое, бессмысленное, уродливо-смешное и даже неприличное, когда возникли первоначально как эпитет, относящийся к ряженым: выворотный (то есть вывороченный) тулуп, выворотная одежда, выворотное (вопреки обычному) поведение, движения и так далее — как отрицание обычного, принятого, будничного. А именно это, как отмечает М. Бахтин, является существом народного карнавального действия. «Празднество (всякое) — это очень важная **первичная форма** человеческой культуры. Ее нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей общественного труда или... из биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе... Никакая «игра в труд» и никакой отдых или передышка в труде сами по себе никогда не могут стать праздничными. ...Празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека...»¹ А чуть ниже М. Бахтин пишет о смысле переодевания во время этих празднеств: «Одним из обязательных моментов народного праздничного веселья было **переодевание**, то есть **обновление** одежд и своего социального образа. Другим существенным моментом было перемещение иерархического верха вниз... От надевания одежды наизнанку и штанов на голову и до избрания шутовских королей и пап действует одна и та же топографическая логика: **переместить верх и низ**, сбросить высокое и старое — готовое и завершённое — в материально-телесную преисподнюю для смерти и нового рождения (обновления)»².

В новогоднем ряжении в деревне Оленице присутствовало большинство этих определяющих моментов: переодевание (молодых — стариками, пожилых — молодыми, мужчин — в женщин и наоборот), артистическое психофизиологическое перевоплощение, перемещение верха и низа... Я очутилась в самой гуще древнейшей формы проявления народной празднично-смеховой культуры. Да и праздник в переломный момент в жизни природы, общества и человека — Новый год.

Стучим в первый попавшийся дом. «Да! Приходите-проходите...» Дверь настезь. Клубы пара вырываются, как из бани, в морозную звездную ночную тьму. Вва-

¹ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле. — С. 11—12.

² Там же. — С. 91—92.

ливаемся беспорядочной толпой. Но беспорядочность эта кажущаяся, «срежиссированная» по ходу действия. Соблюдается ряд правил: ряженные молчат, шум, гам и пение — привилегия сопровождающих нас не ряженных (которые, может быть, переоденутся тоже и пойдут после нас). Ряженные разыгрывают только что пришедшие в голову пантомимы. Например, медведь ухаживает за козой и пляшет с нею. Или комическая пара — неимоверно толстый, совсем низенький мужичок нарочито неумело пляшет с жеманничающей высокой, худой и плоской, как жердь, девицей. Медведь пытается поехать верхом на олене. На все лады разливается гармошка. Поются плясовые шуточные песни. Поведение хозяев дома тоже не случайно, хотя и может показаться таковым:

Пóдьте, пóдьте отсель!..

У мя сварён квас,

да не про вас.

Хлеб-соль подán,

да не для шелюхán...

Хозяйка хватает ухват и делает вид, что хочет побить ряженных, выталкивает нас в сени. Мы сопротивляемся. Свалка. Визг. Целая цепь маленьких импровизированных, по-скоморошьи угловатых, гротескных сценок. Кто-то из сопровождающих нас «лиц» возражает, с поклоном обращаясь к хозяевам:

А мы к вам в дом

Не с худом, а с добром...

Хозяин со хозяйшкою,

Дозвольте вас повеличать.

А нам немного натъ:

Хлеба краюшку,

Да денёг — полушку,

Печку шанёг,

Рыбный пирог,

Мясну кулебаку,

Браги бочонок,

Брусници моченой...

Хозяин говорит своей жене:

Хозяйка, волóги¹ не жалеи!

Принимай нежданных гостей.

Пушай их поиграют

Да нас с тобою звеличают...

¹ Волóга — еда, пища (древнерус.)

Жена еще для порядку не соглашается, куражится. Но вот уже бренчат стаканы, летят горячие шанёжки, пироги, конфеты в наш широко открытый мешок. Все пляшут «русского», с пляской вываливаются на улицу под гиканье, посвист и улюлюканье сопровождающих. И так из дома в дом, с бесконечными вариациями разыгрываемых сценок, стихотворных перебранок.

Казалось, только давным-давно, в далеком моем детстве, то ли при игре в казаки-разбойники, то ли в заветной, тайной игре в морской корабль охватывало меня точно такое же чувство совершенной свободы, радости бытия, веселья без оглядки, всеобщей взаимной доброжелательности, душевной открытости и полного отдохновения, как в тот вечер. Когда же он — далеко за полночь — окончился, Мария Михайловна Кожина преподавала мне еще один урок ряжения: «Ты, Юльюшка, вырядилась-изладилась больно баско (хорошо). А вот ведь узнали тебя люди, узнали. По ногам ведь узнали. Сразу знать твою походку. А нать, щобы уж низа́що не можно признать. Так уж: не дозволяетьсе шелюхана-кукольника признать. Ты хоч криво ходи, хоч прямо, хоч скачи, хоч па́ползой ползи — не узнали бы, главное дело що. И ище: ты за́веску с лица охотела приподнять у мян... Що ты! Неможно! Люди осудют. Неможно маскированных открывать».

Через несколько лет я буду слушать доклад о ряжении замечательного советского ученого Петра Григорьевича Богатырева. В том месте доклада, где он будет говорить о том, что сама маска давала маскирующемуся человеку импульс психофизического перерождения, перевоплощения, так как была не простым, а магическим атрибутом ряжения, имевшим целый ряд табу — запретов, сразу же вспомнится мне новогоднее ряжение в Оленице и строгие уроки Марии Михайловны в серьезном деле веселого новогоднего ряжения.

Еще щедрая Оленица подарила нам после Нового года супрядки¹. Евстолия Артемьевна Кожина собрала в свой дом подруг, позвала и нас. В просторную светлую горницу с вымытыми до блеска крашеными полами, сквозь кружевные занавесочки щедро лились потоки алого света полярной зари. На окнах цвело и благоухало лето: пламенели герани, хрупкие розоватые и

¹ Супрядки — зимние вечерки (прежде молодежные), на которых девушки прядут, вяжут, шьют и «играют» песни (*древнерус.*)

белые цветы, по форме напоминающие укрупненные снежинки, расстилались как невестин наряд. «Красный угол» задернут занавесочкой. На столе пылает-плавится пышущий жаром самовар. В кадлушке — огромный глянцеволистный развесистый фикус. Тихо жужжат колесные прялицы: женщины прядут шерсть. Тихо звучит песня (Мария Михайловна Кожина попыталась было внести свой темперамент в запев, но ее мягко осадили), слаженно льется любовно украшенная многоголосными распевами песня:

Ой, сохнёт (ы), вянет в поли травонька, да¹,
Сохнёт, вянет без дождя.

В поли травонька, дак, сохнёт, вянет без дождя, ой,
Частой дождик мне-ка не помога, да,
Со востоку ветерок.

Не помога мне со востоку ветерок, да,
Долго будёт мне дожидатсье, да,
В гости милого дружка.

Будёт дожидатсье мне в гости милого дружка, ой,
Теперь все прошло у нас, минулосе, да,
Мил другую сполюбил.

Минулосе... да мил другую полюбил, ой,
Меня горьку, бедну, несчастливую
Он тяжким вздохом наградил.

Наградил... да много вздохов, девушка, вздыхала я,
Да ни один вздох не дошел,
Ни один вздох не дошел.

Не дошел... да много слез я sproливала, ой,
Во слезах мил не видал, ох,
Во слезах мил не видал.

Sproливала... да во слезах мил не видал, ой,
Много писём я к ёму писала, да,
Никакого не примал.

Писала... да никакого не читал, ой,
Не читаёт писём, не примаёт, да,
Кабинет свой замыка'т

¹ См. приложение II.

Не примаёт... да кабинет свой замыка'т, ой,
Пойду с горюшка во зелён садичок, да,
Розгуляюсь во саду.

Во зелён садичок, да, розгуляюсь я в саду, ой,
Розгуляюсь в садике зелененьком, да,
Розгоню я грусть-тоску.

Зелененьком... да розгоню я грусть-тоску, да,
Ничего я в садике не видала, да,
Только пташи во кустах.

Не видала... да только пташи во кустах, ой,
Сидят пташечки все по парочкам,
Оне поют, как соловья.

По парочкам, оне поют, как соловья, да,
Сидят девушки да все с дружочками, да,
У меня дружочка нет.

С дружочками... да у меня дружочка нет, ой,
Извините вы в том, подружки,
Што я-то невесёла сижуч...

«Это, видишь, в досельны времена запоезжают миленьки дружоцки где ле не в знакомы дальни города роботу искать. Девушки и тужили — выпевали свою тоску, дак», — поясняют мне происхождение песни. Вечер был тихим, задушевно-доверчивым. Девичьи протяжные песни и баллады просветленно печальные (вспомнилось: «Мне грустно и легко, печаль моя светла...»), кажется, бесконечные и привольные, как полет морских чаек над необъятными морскими просторами...

**ТЕРСКИЕ БОБЫШКИ¹. ДЕРЕВНЯ ЧАПОМА.
ПАРОВОЗ И ДЕДУШКОВ СВОЕДЕЛЬНЫЙ КОНЬ.
ЕФИМ ГРИГОРЬЕВИЧ КЛЕЩЁВ И ПАНОЧКА²**

Каменные, глиняные, деревянные, соломенные, меховые игрушки в глубокой древности тоже были культовыми, ритуальными изображениями тотемов. Л. Динцес справедливо отмечает, что с самого возникновения игрушки ей свойственна двойная функция — культовая

¹ Б о б ы ш к и, б о б у ш к и — игрушки (диалект.).

² П а н о ч к а, п а н ь я — своедельная деревянная кукла (независимо от того, «мужчина» это или «женщина») (диалект.).

и игровая. Причем культовые обряды взрослых и детские игры даже сегодня у многих так называемых примитивных народов имеют много точек соприкосновения и пересечения. Дети часто бывали участниками культовых действий взрослых. Во многих детских играх пережиточно воспроизводятся древние, давным-давно ушедшие культовые действия (мы это уже видели на примере рассказов терчан об играх детей с козулями). Поэтому речь идет не о наследовании детьми в качестве игрушки культового предмета, уже утерявшего свой первоначальный смысл и назначение, а о сохранении его игровой изначальной функции гораздо дольше, нежели культовой.

На Терском берегу повсюду вспоминают о традиции вырезания деревянных игрушек, которые здесь зовут бобышками или бобушками: «Мужики-ти зимой запоезжают на тороса, в станы, становища-ти зверя (тюленя, дак) бить. Вецера-ти зимою долги. Оны тут и вырезают при луцине (потом уж при керосинках, лампах-тих, сидели) бобышки, да веретёны, да прялки. Розкрасяг разнолисыными красками — андель! То ли не баско-хорошо, красиво! Вырезают, а сами песни да старины поют, сказки сказывают вецорами. С торосов едут — андель! тут жоночок да дитяшей встречу бежит! Дети уж знают: им напасёно бобышок, руцонки тянут. Я молода ишше была да запоезжала в Мурманско, сыну тамотки торгового коня игромого и купила. А привезла до дому. Все возил, возил. А потому повалилсе спать. Да гледит. Гленёт глазом на торгового коня, да на своедельного (у отца моего, у дедка, на торосах делан). Опеть гленёт на того. Опеть — на другойкого. «А ведь дедушков конь-от лучше кажёт,— говорит.— Порато баской!» Да так и забросил коня торгового. У дедушки мого была, помню, панья (по-нонешнему дак кукла) сделана. Из дерева вытоцёна, розкрасёна. В кофтани роканском — веришь ли? Помню, бантоцьки (ныне пуговицами зовут) чорни, кофтан — красный. В сапогах, с усам, с бородой. Мужик был сделан. Интересный такой болванчик, истуканчик, дак...»

Но ведь в древности болваном, истуканом на Руси повсеместно называли любое изображение языческого божества! (Вспомните в «Слове о полку Игореве»: «Болван же Тьмутараканский...») И только потом, когда крещеная Русь отказалась от прежних своих богов, стали слова «болван» и «истукан» нарицательными, бранными

словами. Вряд ли в рассказе терчанки эти слова применены к деревянной игрушке мужику-паночке случайно. Вероятно, в глубинах народного подсознания теплится историческая «сверхпамять» об изначальном культовом назначении игрушки. Рассказов о деревянных игрушках, о способах их производства, окраске, размерах, предметах изображения записано мною много. Притом рассказы настолько живые, образные, с точными и емкими характеристиками, что, кажется, можно восстановить саму игрушку. Однако на все просьбы показать хотя бы обломки своедельной игрушки на всем Терском побережье неизменно отвечали: «Що ты! Вси давно приломаны, брошены, в печи сожганы. А нынче их и не ладят: мужики на тороса́ не ездят, дак... Да и куды их, ети бобышки — дрянь таку? Детям порато любы торговати игрушки». И тут же, немедленно опровергая самих себя, начинали вспоминать какого-нибудь красного петушка, который так «баско сидел на конце ручки мутовки». В августе 1967 года в терском селе Чаваньге произошли события, поколебавшие уверенность в том, что дети предпочитают синтетические магазинные игрушки. В ответ на мои вопросы об исчезнувших своедельных игрушках хозяйка молча полезла на чердак и долго там чем-то гремела. Потом, спустившись, так же молча поставила на стол красавца — деревянного коня с повозкой. Мы с подругой, археологом Ириной Поляковой, ахнули. И было от чего. Казалось, конь дышал древностью, хотя, как выяснилось, был сделан мужем хозяйки Всеволодом Александровичем Клещёвым, в начале 1920-х годов, на тороса́х.

«Сыну ище делал. Обрадел¹, помню. Хвост, однако, у коня был сделан из конских волос. Вырванной. Ты уж чего там ему приделай. Не без хвоста коню жить в Москве... Думал, ёго-то, коня, давно уж нет, а он, гляди-ко, тутотка», — смущаясь, сказал хозяин. Из смежной комнаты вышел белоголовый синеглазый городской внучоночек, волоча на веревке синтетический красный паровоз. Глаза малыша округлились, рот открылся, и... через мгновение паровоз был брошен. По идеально вымытому крашеному полу (на Терском берегу всегда так: можно провести носовым платком по полу, и платок будет совсем чистым) тихонько ездил, носился галопом, возил седоков, выносил внука из сражений, мирно пасся и весело

¹ О б р а д е т ь — обрадоваться (диалект.).

ржал «дедушков своедельной бесхвостой конь». Вскоре прибежала стайка соседских мальчишек, и конь стал центром внимания, предметом спора. Маленький внучок оказался моим грозным соперником. «Ан-нет ведь. Не дам коня-та в Москву. Пушай внуцок играёт... А потом що?.. Ну, изломаёт -- сожгаем, дак... А уж не отдам!» Однако в конце концов взяла верх жалость к коню: «Пушай живет в Москве».

«Античная» плавность линий и загадочная отчужденность общего настроения этой деревянной скульптуры, роднящая ее с древнейшими тотемическими изображениями, впоследствии не раз вызывала восхищение специалистов-игрушечников, коллекционеров.

«По песни» нас посылают к Ефиму Григорьевичу Клещёву («В Чапومه мы, почитай, вси Клещёвы»), до пенсии — многолетнему бессменному председателю сельсовета. Это могучий, стройный, седой семидесятилетний мужчина, к которому как-то совершенно не подходило слово старик. Глаза ярчайшей голубизны, лицо широкое, открыто ясное, вдумчивое. Ефим Григорьевич в высоких сапогах-бахилах и в брезентовой куртке занят все тем же мужским делом: «здымает да катает бревны» от моря к своему дровеннику. Вспоминаю первый свой опыт в деревне Умбе и сразу же пытаюсь «навязаться во товарыши», в помощницы катать бревна. Но хозяин unbedingt отказывает, назначая нам встречу на вечер. Первое впечатление не обмануло: Ефим Григорьевич оказывается грамотным, очень начитанным, широко мыслящим («Весь век с людьми, да в делах, дак...») человеком, без малейшей тени иронии (а с нею поначалу все же встречаешься), относящимся к интересу современных молодых горожан к крестьянской старине. Отнюдь! Он понимает, как важно знать свои корни и сохранить их живыми. Он все расскажет, споет и покажет, что в его силах: «Солдатских песен, деушки, вам кто-либо пел у нас? Вот я и спою. Видишь, ета песня, говорили, со времен ище батюшки Суворова складена, а мы ей пели и в перьву миру войну, и во втору:

— Солдатушки, право, ребятушки¹,
Где-ка ваши (в)отцы?

— Наши (в)отцы — славны полководцы,
Вот где наши (в)отцы.

— Солдатушки, право, ребятушки,

¹ См. приложение 12.

Где-ка ваши матки?
— Наши матки — белыя палатки,
Вот где наши матки.
— Солдатушки, право, ребятушки,
Где-ка ваши жоны?
— Наши жоны — ружья заряжены,
Вот где наши жоны.
— Солдатушки, право, ребятушки,
Где-ка ваши братцы?
— Наши братцы — за плечами ранцы,
Вот где наши братцы.
— Солдатушки, право, ребятушки,
Где-ка ваши сестры?
— Наши сестры — штыки, сабли востры,
Вот где наши сестры.
— Солдатушки, право, ребятушки,
Где-ка ваши детки?
— Наши детки — пули в врага метки,
Вот где наши детки.
— Солдатушки, право, ребятушки,
Сам Суворов с нами.
Везде пройдем, врага разобьем,
Коль Суворов с нами.

Или вот издосель-досельна песня (тоже ей солдаты
преже певали). Быват, при Петре I складена:

Как на матушке, да на Неве-реке¹,
На Васильевськом (ы) славном острове².
На Васильевськом (ы), на славном острове,
Штой у пристани корабельныя.
Штой у пристани да корабельныя, да,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати да тонких пáрусов,
А тонких-белых, да полотняных...
Из високаго нова терема,
Из окошечка да из косящата
Глядит дэвица — душа красная.
Поглядев, она да пошла нá берег,
На Неву-реку воды чёрпати.
Почерпнув, ведро она поставила,
А поставила — призадумалася,
Призадумалася, слово молвила:

¹ См. приложение 13.

² Каждая вторая строка стихотворной строфы, повторяясь, становится первой строкой последующей строфы.

«Ах, ты душочка, молодой матрос!
Ты чего ж рано корабли снастишь
О двенадцати да тонких парусов,
Тонких, белых, да полотняных?»
«Ах, ты душочка, красна девица?»
Не своей волей я корабли снащу,
По приказу я государёву,
По указу я да адмиралову».
И, подняв ведро, ко двору пошла...
Из-под камешка да из-под серого,
Из-под кустышка, куста ракитова
Не огонь горит, не смола кипит,
А то бьется сердце молодецкое
Не по батюшке, не по матушке,
А по душечке, по красной девице:
Пришла весточка, что больна лежит.
А за весточкой — да скоро грамотка:
Красна девица уж скончалася.
Вот я пойду-схожу на конюшной двор,
Я возьму себе коня доброго,
Уж поеду я к церкви божией,
Привяжу коня к колоколёнке,
Сам ударюся о сыру землю:
«Расступися ты, да мать-сыра земля!
Расколися ты, гробова доска!
Выйди ты ко мне, красна девица,
Ты простися со мной, с добрым молодцом».

Вот сколь не долга-та песня, прямо настояща старина...»

Несколько дней записывали мы от Григория Ефимовича. На наши вопросы о куклах-паньях ответил подробно, но показать ему тоже нечего. Собираемся улететь. Погоды тихие, спокойные, жарко-солнечные. Но синоптики, по выражению здешних старушек, «не дают добра» крошечному самолетику на вылет (им, синоптикам, конечно, виднее, что там делается в горах, по дороге к Мурманску). И вдруг вбегают ребятишки с утра: «Тетья Юлья! Тетья Юлья! Ходите! Дедушко Ефим вам панью делат...» Бежим с Ириной со всех ног к дому Ефима Григорьевича. («Неужели, неужели все так глубоко и верно он понимает, что среди нелегких мужицких — да и стариковских! — забот нашёл время для такого, как кажется обычно крестьянам, несерьёзного дела, как любопытствующим приедем панью сделать?» — спрашиваю себя на бегу...)

Пахнувшая березовым листом изба полна детворы. Мы опоздали к началу... Горящие ребячьи глаза. Никакой суеты, шума. Молчание, прерываемое еле слышным шепотом: «Гли-ко! Голова... Голова тут, поди, будет». — «Валь, а Вальк! А ноги у ей где?..» — «Робяты! Интересно, мужик будёт или жонка?» На табурете восседает торжественный Ефим Григорьевич с небольшой березовой чурочкой в одной руке и с охотничьим ножом в другой. По комнате неспешно и неслышно ходит его жена, споро поднося гусиные перья, кисточки, краску, олифу и устанавливая все это на табурете перед мужем. Царит чувство горячей заинтересованности, серьезности и — без преувеличения — вдохновения. Прозрачные пахучие стружки, кудрявясь, из-под ножа с шелестом слетают на пол, как бы постепенно обнажая тайну фигурки, до времени скрытой в чурочке. Уже в том, как уверенно и красиво работают большие и умные руки Ефима Григорьевича, как ловко, осторожно и бережно двигались пальцы, будто очищая фигурку от ненужных оболочек, было нечто от торжественности ритуала, священнодействия.

«Руки мы паночки сделаём. Барыня городьска — дак шляпу пирожком ей наденём, как преже носили. Глазы, нос, рот да уши нужны ведь: не немой, глухой да слепой жить, дак... Ног-тих под долгим платьём не видать. Кофту розкрасим в красной-от жаркой цвет. Юбку сделаем цорну. Прическа у жонки беспрременно должна быть — сделаем черны волоса», — негромко, сосредоточенно приговаривает Ефим Григорьевич, не обращаясь ни к кому — то ли сам себе поясняет этапы работы, то ли разговаривает с паночкой, словно чудом из ничего появляющейся и оживающей в его руках. (Потом я не раз буду встречаться с тем, как, делая игрушку, народный мастер ласково разговаривает с нею, примерно так, как хозяйки разговаривают с дитящими своей домашней скотинки, обихаживая ее: с телятами, козлятами, ягнятами. Словно вкладывают тем самым часть своей души в игрушку, отправляя ее в жизнь. По комнате волнами ходит восхищенный ребячий шепот. Час и два сидели, не трогаясь с места, по доброй воле те самые дети, которые обычно не могут усидеть на месте и пяти минут: их увлекло настоящее, неподдельное творчество. «Ну, вот вам, барышни, паночка настояща досельна чаванська. Краски высохнут — в Москву едет жить»... Вытянувшись в струнку, под женской одеждой конца

XIX — начала XX века (будто случайно наброшенной для прикрытия наготы) на нас с загадочной строгостью глядел истуканчик со скуластым лицом саамского типа. Фигурка чем-то неуловимо напоминала больших каменных половецких баб из Киевского исторического музея. Сосед Клещёва, некогда вырезавший панок, а нынче — полуслепой старик, придирчиво оглядел игрушку, близко поднеся к глазам, и ворчливо сказал: «Быват, не саамской истуканчик у ты родилсе, Ефим Григорьевич?» — невольно и точно подтвердив мои ассоциации с древними культовыми изображениями. Так загадочная утерянная игрушка-панка обернулась зримой сегодняшней реальностью и встала рядом с конем, вырезанным в 20-х годах на торосах...

«А много ли вы панок вырезали на своем веку, Ефим Григорьевич?» — спрашиваю я, полагая, что только очень поднаторевшие в этой работе руки могут «вспомнить» что-либо после долгого перерыва. И получаю неожиданный ответ: «А две всёго паночки и сделал. Перьву — примерно сорок годов назад, а другú — вот она». Это еще раз убеждает меня, что только генетически заложенная сверхпамять многих поколений может помочь человеку включиться в пение родной песни, которой он не знал прежде и слышит впервые, или сплясать «русского» (до этого упражняюсь только в диско-танцах), обнаружить в себе знание того, что прежде точно было ему неизвестно, — память умных рук, память сердца, память слуха, глаз — память народную...

**КОГДА-ТО БОЛЬШОЕ СЕЛО КУЗОМЕНЬ.
«КОФЕ ФЕЛЯ». ПЕТР ПАВЛОВИЧ КОРЕХОВ И УРОКИ ЭКОЛОГИИ**

Идем вместе с Ириной Поляковой пешком из Варзуги в Кузомень. Никто точно не знает — то ли двадцать верст, то ли двадцать километров. Сначала дорога идет лесом. Терпко пахнет грибами, морошкой, ягелем. Не по-северному жарко до изнеможения (такое уж выдалось необычное лето на Севере, мы даже сумели искупаться в Белом море). От жары и комары присмирели. Видимо, прячутся по болотам. Не докучают. По дороге заметно, что почва в глубине песчаная, прикрытая сверху не столь уж толстым слоем дерна: все труднее и труднее идти, ноги утопают в песке, с рюкзаками и вовсе невмоготу. Впереди Кузомень. Финно-угроведы говорят, что слово это означает еловый мыс. Я иду туда впервые,

хотя, думается мне, знаю о Кузомени немало. От краеведа Петра Ивановича Пирогова, из книг И. Ф. Ушакова, Е. Двинина... Вплоть до 1920-х годов Кузомень считалась по масштабам Севера чуть ли не городом. Даже имела свою судоверфь.

Кузомень... Лес кончился, и мы остановились, онемев от удивления. Перед нами расстилалась как будто знойная песчаная пустыня, а за ней — ярко-синее море. Малейший ветерок вздымал видимые глазом смерчи. Их движение было похоже на шествие джиннов в страшных восточных сказках. Мгновенно песок засыпал глаза, забился в уши, захрустел на зубах, стал мешать дыханию. Мы даже не сразу поняли, где же селение. Ближе всего к нам было кладбище с гигантскими деревянными крестами (иные, вероятно, достигали десяти метров в высоту). Кресты как бы перечеркивали все видимое пространство. Присмотревшись, разглядели мы в отдалении, за песчаными, медленно передвигающимися дюнами ряд бревенчатых изб. Отсутствие деревьев, травы, вообще каких бы то ни было красок, кроме белесо-золотистого песка, густо-синего моря и голубого неба, создавало странное искажение перспективы: дома казались близкими и крохотными рядом с монументальными крестами. Увязая почти по колено в песке, мы побрели в сторону домов, пересекая кладбище. Я чуть не упала, споткнувшись обо что-то торчащее из песка. Нагнувшись, увидела, что это угол совсем истлевшего гроба. Ветры постепенно сдули толщу песка, и гроб оказался почти снаружи.

С трудом добираемся в центр Кузомени. В бывшем двухэтажном торговом доме — гостиница для приезжих. Оттуда несется ругань пьяных. Здесь же столовая. С отвращением хлебаем какую-то непонятную жижу. За стойкой немолодая женщина маленького росточка, худенькая, с ярко накрашенными губами, нарочито показным весельем, прибаутками, претендующими на городскую «культуру». Она немного навеселе. В основном покупают у нее спиртное. «Эй, Феля!» — «Чего, голубеюшко?» — «Полбанку»... Спешим выйти. И тут замечаем, что под входом большими буквами мелом намазовано: «Кофе Феля» (надо думать, писавший имел в виду кафе, а не кофе). Поди ж ты! Кафе имени хозяйки. Велика честь...

Идем спрашивать-искать песенниц. Но в первом же доме, на хозяйку которого указали как на знатока-пе-

сенницу, нас ожидает неудача: «Кого?! Песён им... Я те покажу песён! Варзужана, голодранцы прежде были, поголёнщики, а их топерича заподымали. Хор ихний всюды возят, кинофильмы сымают. Тьфу! У нас голосистей, пофартистей прежде пели», — набрасывается на нас хозяйка. «Так вот вы и соберите своих. Мы запишем, может быть, сумеем и кузоменский коллектив достойно продвинуть», — возражаю очень вежливо я. Но в ответ слышу: «Пóдьте, пóдьте! Сами розруху сделали нам, а теперь — пойте»... И нас буквально выставляют за дверь (впервые и «впоследние» за всю мою собирательскую практику). Примерно то же повторяется во втором, третьем, четвертом доме. Наконец, встречаю человека, с которым можно хоть говорить спокойно. Он не песенник. Его зовут Петром Павловичем Кóреховым. «В нашей-то Кузомени по роду ведутсье Обросимовы, да Богдановы, да Кóреховы, Пироговы да Тарабуевы, да Конёвы, дак... Преже у нас песен было! Закатя́т — только ой! В сундуках у жоночок сарафанов было! По двадцать-тридцать у новóй. Кашемирники, да шолковикí, да просты, да... Не то што нынешни платья: задницю-ту подтягают кверху. А нынче наши бабки стараи, как сотоны лукаваи... При моей бытности, скажём, стали у нас кружанья, да игрища, да горки, да свадьбы отмирать. Уже наши дети их не водили. Я сам топерича старой. Уши стали плохи, попуталисе.

По моим-то годам
Пора и к праотцам.
Скоро уж сто лет,
Дак пора и на той свет...
А ведь бывает и так:
Поживешь-поживешь,
Да ни к цёму и придешь...

Што робóтано на веку, скотины дёржано, оленей, карбасóв, домов строено! А топерича живем тутотка ровно в мареви, в тумани. Не то жизнь нашу — память засыпает песком... Видали могильники? Дак задуют ветры, могилы-ти ходом-водоm переносит... Дак цё уж говорить! Одна розруха тутотки теперича. Дедко мой, быват, застал, що лес о само морё был. Еловой лес... (Вот оно! Название Кузомени раньше полностью соответствовало ее облику. Верно говорят филологи: Еловый мыс.) Невысока сосна тоже была. Дед говорил, ягоды, грибы в лесе собирали омóряно¹. Я ище застал сухи пеньки

¹ Омóряно — у самого моря (древнерус.).

с километр от села. При моей бытности травы тута были, по́жни; сама Кузомень то ли не в зелени баска была! Старики говорили: народ заленился подале в лес ехать сосну да ель рубить (ну, там дома строить ле, карбаса, корабли — лес-то строевой нужен). Пovyрубили окол села. Не думали не гадали, щобы так солучилосе, беда така. Лес проредилсе, да сколько ле постоял-постоял. А дале — корёньё стало розвъяртываться да вывъяртываться из земли, да остальной-то лес пал. Земля-та-матушка розступиласе — и песок пошел, пошел, поше-о-ол. Где сейчас на буграх кладбище, могильники-ти, я ище недоростком брусицию собирал...»

Так вот она, экологическая трагедия Кузомени! Мне больно, но я ничем не могу помочь кузомянам, предки которых когда-то поленились съездить подальше за строевым лесом и вырубили его «окол села». Поистине ни в чем не повинные сегодняшние кузомяне расплачиваются за грехи своих праотцев.

Торопливо уходим мы из Кузомени, не оглядываясь. Песок засасывает, затягивает. Засыпает самую память о ней. И сейчас мне вспоминается Кузомень только как перечеркнутые гигантскими крестами необъятные пустынные пространства песка, морской воды и неба.

ДЕРЕВНЯ КАШКАРАНЦЫ

В Кашкаранцы впервые прилетела я самолетиком одна в конце зимы. Никто меня здесь не знает, никто не встречает на аэродроме (аэродром-то — пожня среди леса). Выхожу из самолета. Самолетик знобко вздрагивает, взывает — и мигом уносится дальше вдоль Терского берега. Иду по лесной дороге, хорошенько не зная, сколько идти до деревни, куда, к кому... Наконец, изнывая под рюкзаком, выхожу к околице деревни. У самого моря стоит «большынськой», почерневший от времени, ветров и дождей амбар, как-то нелепо, боком закрывая свет божий стоящей за ним избе. На снегу чернеет перевернутый вверх днищем большой карбас. Опираюсь на него всей тяжестью рюкзака. Отдыхаю, повернувшись лицом к морю. Сколько же солнечного света в конце зимы в Заполярье! Воистину весна света. Льдины на море застыли в причудливом изломе. Это и есть торосы — следы борьбы морской стихии со сковывающим ее морозом. Чего только тут не нагорожено! Вот будто терем причудливый. Вот, кажется, горы, про-

пасти. Там — целый город. И все это во всю мочь поливает солнце таким щедрым светом, что глазам тяжело вынести это искристо-радужное сияние, вспыхивающее огнем то в одном месте, то в другом, то перебегающее с места на место, то разом воспламеняющее все эти немые громады льда. До самого горизонта — торосы, торосы, торосы. Кашкаранцы стоят на остром мысу, косо выдающемся в море. Вот оно и не сдается, брызжет, пока не замерзнет... Поневоле закрываю глаза и ощущаю, как солнечные лучи, словно ласковые пальцы, ощупывают мое лицо. Время останавливается, и как будто только и есть свет, торосы и я. В этот миг, словно из другого мира, раздается голос, во сто крат усиленный тишиной: «Цё стои́тэ? Замерзнете, поди! Приходите в дом».

Стряхиваю с себя счастливое наваждение, оборачиваюсь и вижу одетую по-домашнему женщину (видно, из дому выскочила, завидев меня) с непокрытой головой. Здравуюсь. Знакомлюсь и иду в дом Анны Петровны Кузнецовой. Это и есть дом, которому свет за́стит амбар. Сразу чувствуется — сиротский дом. С большой фотографии смотрит Анна Петровна — юная красавица с двумя толстенными косами. Замуж пошла за вдовца совсем молоденькой. Погиб на фронте. Растит двоих детей. «Служил тут один рядом в части. Демобилизовался. Сын родился, Валерий... Написала. Вот прислал фотографию свою с надписью «Анне Петровне и ее сыну Валерию на память». Нет-нет, отвечать не стала: зачем? Наш ведь адрес хорошо известен, дак...

Еще надеялась. С той надеи вот рошу Оленьку. Смеюсь, говорю: ты у меня белоруска. «Нет! — говорит. — Я не баба русска, я твоя девочка». Красивые, умные дети, славная хозяйшкa.

Анна Петровна — не певунья. Зато речь ее — колодец живой воды. Все в ней по-язычески живо. Все неодушевленные предметы живут, глядят, говорят, имеют свой характер, свои повадки.

«Так стоял бы у мя дом глазами-окнами на морё, жил бы весёло, а онбар большынськой все закрыл...

Андели! Пошодённо Валерке на штаны-ти заплату приплачиваю. Ономенне две приплатила, дак. Бегаёт, снову штаны-ти проредилисе. Вот изнову пришила. Ладно, живе-от...¹

¹ Ж и в е т — а) сойдет и так; б) помещается; в) достаточно (*диалект.*).

Полы́-ти худы, мать — бедна одна, тоска, дак. Хозяи-на нету-тка. Ладно, живут так.

Ты, Юльющка, тамотки, в заднёй комнате склади место своё (постелю-ту): она там завсегда живет.

Ольющка! Принеси с бучая¹ воды полведра... На чай живет, ладно будет...

Морошка все боле в низинах, в серьгах да семибрат-никах² живет, дак...

Пощойно, Сергунька, дома не ешь, не пьёшь, а сюды взайдёшь — и запьёшь-заешь? Що, дома тонки одонки³ живут? (это — соседскому мальчишке).

Не вси, однако, ягоды вы́сбирали на бору влётку, оставаются, так живут...

Соль принеси. На верхнёй полочки живет».

Заходит соседка. Спрашивает: «Как жись?»

«Хоть за воздух держись,— отвечает Анна Петровна.— Да ты садись на стул (приглашает Анна Петровна)».— «Зацем?» — «А щобы лешой не сдул».— «Которой... лешой?» — «А тот самой, красноплёшой».— «Знашь, я зайду потом...» — «Потом-потом... отрубите топором».

Девятилетняя Оля поет мне детскую песню-игру, очень похожую на скоморошную песню для «представлений»:

Кошка в окошке рубашку шьет⁴,
А кот на печи сухари толкет.
Кикимора в подпóли сметану мешат,
Сова в огороде капусту снимат.
— Поди, сова, домой,
Куручка неможе⁵, робят принесла.
— А как робят зовут?
Тетка, Шепётка,
Офимьюшка, Харитоньюшка...
Склалися на ложку,
Поехали на Вашку
Робят крестить.
А робя усну...
Попа сверну
Об тын бородой,

¹ Бучай — ручей (диалект.).

² Серьга, семибратник — лесные участки для кошения травы возле болот, под горой.

³ Одонки — остатки (диалект.).

⁴ См. приложение 14.

⁵ Неможе — болеет.

За порог ногами,

Об пол зубами...

И снова вдруг как будто до меня из глубины столетий доносится шум и смех новгородских ярмарочных гуляний, побрякивание бубенчиков на скоморошьях колпаках, пиликанье гудков, заунывное пение рожков и жалеек, ритмический топот пляски, мелодичные выкрики разносчиков, пение.

Вечером иду к Платониде Ивановне Дворниковой. Единодушно все указывали на нее как на знатока-песенницу, запевалу. Она не удивляется моему приходу: словно ждала и дождалась наконец. Совсем небольшого роста, незажівна («не толста, худенька, дак...»), лицо чистое, большие серые глаза грустят... В доме жарко: у младшей дочери Платониды Ивановны родился маленький. Нестарой, еще работающей в колхозе бабушке некогда: надо везде поспеть. Здесь же вертятся и еще внуки и внучки (не помню, сколько их тогда было, но знаю, что к 1979 году у Платониды Ивановны было уже 25 внуков, и для всех их находились у нее желание, время, сердечная потребность заняться ими, помочь, понячить, накормить, одарить лаской). Но хозяйка не отказывает мне во внимании. Она просит только немного подождать. И пока Платонида Ивановна поет-убайкивает внука, я записываю колыбельные, в которых заметны следы прежнего их магического назначения:

Бай, бай да побай,
Наша дитятка убай.
Ишше андел-то в ногах,
А хранитель — в головах,
Нашу дитятку хранят,
Нашу маленьку сыпят.

«Божонушка, ести будёшь? (это ко мне так ласково обращается). Запъетé ли молочка? Может, грибков заисте?¹ Я-то ведь беда сурова² была. Топеря не така уж, ни! Бывало, наравни с мужиками лес валю, да рыбу на тонях ловлю, да пашу, да сею, да... Тольки на торосах не рабливала³. Да за словом, за делом, за песней в корман не лезу. Все звали «задорна рыбацька»... Песни-ти наши беда как жалко, що молодежь не поет. Я уж с имá и так и едак: всяки подходы ишу, щобы в само-

¹ Заисть — поесть (диалект.).

² Сурова, суровой — быстрая(ый), все успевающая(ий); беда сурова — очень быстрая.

³ Не рабливала — не пришлось работать.

деятельности хор сохранить. Дел у меня вроде «маловато» (не так ле?), дак я на вси руки от скуки. Так, божо-нушка, так, лебедушка...»

На другой день в клубе собирается семь человек хористов по зову Платонида Ивановны. «Осенюсь¹ не ты, быват, налятывала к нам, слова всяки записывала?» — спрашивают меня. «Нет, не я...» — «Как звать-то тя?» — «Юлия». — «Юлья батьковна... А как тя по-батюшки?» Платонида Ивановна справедливо замечает: «Уж вецер заприходил, а вы всё говорите. Ноць надойдет, да заприходит, да пройдет... Давайте петь, однако, жоночки». И начинает высоким, уверенным голосом:

Ой, поведут в солдатушки, да²,
От отця, от матушки, ой,

(в)От отця, да (в)от матушки, да³,
От своёй сударушки.

И споженят добраго мѳлодца
Во сейгодном году.

В белокаменном дому, да,
На приемном на кругу.

Взяли мѳлодца ли да за руцьку,
Подвели, поставили,

Подвели, поставили, да,
Без кудрей (в) оставили.

— Погодите, не трѳните,
Пускай ронная⁴ моя придет.

Пускай ронная моя придет, да,
Бел платоцик принесет.

Бел платоцик принесет, да,
Жолты кудри соберет.

¹ О с е н ю с ь — прошлой осенью.

² См. приложение 15.

³ В каждой строфе две последние строки повторяются с добавлением в конце второй «ой», становясь первыми двумя строками последующей строфы.

⁴ Р о н н а я — родная (мать).

Пришла ронная ли да моя, да,
Смотрит ронна на меня.

Смотрит ронна на меня, да,
Как утыпали¹ меня.

Без кудрей (в) оставили,
Под мероцьку поставили.

Менна² мера брякнула, да,
Ронна мать заплакала:

— Уж ты дítятко мое сердесье,
Не видать больше тебя!

Тогда вестоцька-то придет, да,
(в) Отець с матерью помрет.

Во сыру землю повалят,
Песком жолтым завалят...

«Ето давнóшна, досельна песня рекрутська,— поясняет Платонида Ивановна,— когда в царську армию, знáшь ведь, брали на двадцать пять годов. Быват, матушка тут и плачет, що уж не увидать сыночка: за двадцать-то пять лет отцю-матери недолго и помереть».

Платонида Ивановна поет увлеченно, истово. Временами возникает ощущение, что каким-то особым сверхусилием воли она как бы вкладывает часть себя, своего знания, своей любви к песне в своих товарок, держит их в постоянной душевной сосредоточенности, в напряжении чувств. Кажется, отпусти она сейчас их внутренне, и один за другим незаметно сникнут, умолкнут голоса и останется один ее голос — высокий, с почти незаметной хрипотцой, уверенный в необходимости «сегодняшности» досельных песен. С Платонидой Ивановной я работаю долго и с удовольствием (по всему судя, с взаимным удовольствием работаем мы обе). Еще не раз приеду я «из Москвы по песни» к ней за свою многолетне длянущую экспедицию.

¹ У т ы п а л и — обстригли.

² М е н н а — медная.

СЕЛО ВАРЗУГА И ЕГО ЗНАМЕНИТЫЙ ХОР

И снова (в который уж раз!) маленькое, дрожащее от напряжения тельце упрямого труженика — шести-местного самолетика — низко и бережно несет нас над гигантской бирюзовой чашей Белого моря, над деревушками, забредшими на край земли, над острыми пиками темных елей, над затейливыми иероглифами заблудившихся в лесных глухomanях речушек и красновато-ржавыми проплешинами болот, над малыми и большими — до невероятия синими — безлюдными лесными озерами, над желтыми песчаными отмелями реки Варзуги и осыпями крутых прибрежных холмов туда — к заветному селу Варзуге, что в двадцати километрах от моря...

Я люблю эту древнюю, просоленную всеми морскими ветрами землю и ее коренных «засельщиков» преданной дочерней любовью. Почти все мои лучшие работы, увидевшие свет и получившие признание, так или иначе связаны с Терским берегом, со славным селом Варзугой, с ее знаменитым народным хором и с Александрой Капитоновной Мошниковой.

Ветеран труда, ветеран фольклорного хора колхоза «Всходы коммунизма», Александра Капитоновна утверждает, что наша первая с ней встреча была немного забавной. Будто бы напившись с дороги чаю с душистыми теплыми шанёжками и «вызнав» достаточно о хоре и песнях, я стала «даваться» на ночлег. А Александра Капитоновна ответила: «Взяла бы ты, приняла бы ты — така ты свóйчата, на выдох говоркá. Да вот Димитрий-от Михайловиць Балашов (знашь ведь его? Песни бывалошны тоже записывает, дак... писатель ишшо сам) пишет вот письмо — «скору грамотку», велит от ёго какуто Красовскую принять. Поди, высокорáтна птица. Приедёт, дак нать ей уж одну принять. Ты уж прости, не серчай. Я отведу тя тут к своим порядовным суседам». И будто бы я ответила, от смеха даваясь чаем: «Так я Красовская и есть». Так говорит Капитоновна. А коли говорит, значит, именно так оно и было. Потому что она всегда говорит только правду. Это известно всем, кто знаком с нею. Что же касается меня, то я никак не могу вспомнить ни одной подробности нашей первой встречи. Потому что мне кажется, будто знаю я Капитоновну всю жизнь. Иногда мне даже чудится, будто мы с нею — одно и то же. Будто это вместе со мною росла кареглазая девочка с толстой каштановой косой,

с непослушно кудрявящимися прядками на висках и у затылка. Будто вместе мы слушали с полатаей, в запечье, песни ее отца, Капитона Федоровича Чурилова, и вполголоса их повторяли, «разводя на голоса». Будто вместе бегали по соседству к подружке Федорушке слушать мудрые сказки, поучения, были и скоморошьи небывальщины ее отца — современного летописца Варзуги, бородатого труженика-силача Николы Ивановича Коворнина:

Жил в губернии Возгудáевке,
Да в деревни Пролетáевке
Мужицок невидной Кузьма,
Из отчества Серафонтовиць.

Жона его была Марина,
А доци — Ирина.

Жили оне — не тужили,
На поле пахать-борóнить,
Сеять да жать ходили.

На хлеб-кашу доставали,
Голоднехоньки не бывали,

С нуждою не знались,
Пощодённо досыта наедались.

...А ведь стал Кузьма Серафонтовиць беситься,
Да ведь стал он пашню пахати лениться.

Вот он пашню-ту в поли однажды пахал
И на едином мести много-множество комаров
да мух увидал.

Шапку-ту снял да розмахнулсе —

На етот раз не промахнулсе.

Стал он маленьких да больших считать,
Да мух-комаров в розные куцьки складати.

Малых насчитал шесть сот,

А больших — осемь сот.

Сам сел да роздивовалсе:

«Мне ли,— говорит,— добру молодцу, пашня́ пахати?
Надобно мне на войны с богатырьми воёвати...»

А у Кузьмы кляча-та была, беда, лихая, рысистая такая:
Един шаг-от шагнет — дак полцаса отдохнет...

Поехал Кузьма до до́му,

Ехал — долгонько добиралсе:

Два дни муцилсе, все с клячей разбиралсе.

Един-от шаг кляца шагнет,

Остоитсе, полцаса отдохнет...

Розказал Кузьма про смелость свою жоны Марине

Да доцери единой любезной Ирине:

«Мне ли,— говорит,— могу́чому, дороднёму пашня́ пахати?! Пришла мне-ка пора на войны с богатырьми воёвати». («Как-то тут, не упомяну, он засбиралсе, шо-то уж складал, дак»)

С жоной да доцерью простилсе

Да на добра́ коня садилсе,

Да поехал во цисто полё...

А у Кузьмы кляча была лиха,

Дородня да рысыста такá:

Как шаг шагнет,

Так остоитсе и полцаса отдохнет.

Уж он ехал ле, а боле ле стоял,

А, не знай как, доехал до перехрётного столба.

Постоял, подумал, да и написал:

«Мимо етого ли перехрётного столба

Ехал сильной, хра́брой, могу́тной

Богатырь Кузьма Серафонтовиць».

(«Ишь, сам собою ишшо выхваляется!»)

Каков кулёма-та, ошо́ша¹ дородня толкова!»)

А ехали взади двое настоящих богатырей руських.

До столба перехрётного доеждали

Да на столбе-то по́дрези²-ти процитали.

«Поедём,— говорят,— скорé догоним Кузьму

Да померяём с ним силушку свою...»

А недолго Кузьму и догоняли —

В той же цас и увидали.

«Здравствуйте,— говорят,— сильной, хра́брой,

Могу́тной богатырь, Кузьма Серафонтовиць!»

(«Прочитали, дак... А к такому богатырю да как не отнесесси по-хорошому!..»)

А Кузьма и шапки не снимаёт

Да гордовито отвецаёт:

«Здорово, робяты!

Поезжайтё позади...»

У Кузьмы ведь кляца была лиха,

Коль не рысыста такá:

Шаг шагнет, а полцаса отдохнет.

Богатыри Кузьмы повиновалисе,

Позади его ехать старалисе.

Ехали да тосковали,

Кузьмы кляцу проклинали.

Долго ли, коротко ли,

А ехали, да ехали.

¹ Ошо́ша — дрянь, мусор, дрянной человек.

² По́дрези (рёзы) — добуквенная система записи по дереву посредством вырезания знаков-понятий (*древнерус.*).

Наконец, и доехали...

(«До какого-то, видишь, царства-государства, уж не упомню...»)

Царь того царства войско собрал

Да навстречу Кузьме и послал.

Кузьма тут из шатра вышел:

«О! — говорит, — мухи летят!..

А поди, брат, передуши,

Щобы не осталось ни души».

(«Говорит он одному богатырю-ту, настоящему, сильному, дак...»)

Богатырь на коня садилсе,

Под ним конь доброй веселилсе.

У коня-та из копыт искры сыплотсе,

Из ноздрей у него пламя мечетсе,

А хвост-от на ветру трубою завиваетсе.

(«Как-то тут дальше она наезжаёт, дак...»)

Богатырь на войско наскоцил

И невдолги все войско и перебил...

Тут царь шибко разозлилсе,

Новоё войско собираёт,

На Кузьму со богатырьми посылает.

Выходит Кузьма из шатра, потягается,

Над етим войском насмехаетсе:

«О! — говорит, — комары летят.

А поди-тко, брат, и етих передуши,

Щобы не осталось ни души».

(«Опеть¹ как другому-ту богатырю говорит»).

Другой богатырь на коня скоцил

Да и опеть все войско перебил.

(«Тут как-то царь на Кузьму разозлилсе, прирозстроилсе весь уж бедной»).

Царь со трону своёго скоцил да скричал:

Самого што ни есть сильно-могучёго своёго

богатыря позвал

Да со самим Кузьмою боротсе наодинку послал.

Богатырь тот у царя под замками много годов сидел

Да буханками целыма много хлеба ел,

Сила уж в ём большынська жила,

Давным-давно с кем ли подратсе хотел.

Тогда сам-то Кузьма с богатырем-то драться и поехал.

А кляца-та у Кузьмы така лиха́,

Дороднё рысыста да баска:

¹ О п е т ь — о п я т ь.

Шаг-от шагнет,
Да полцаса и отдохнет.
Ехал-ехал Кузьма, да и перепугалсе:
Богатыря сильно-могущёго настоящего увидал,
От страху-ту глаза-ти платом завязал.
«А,— бает,— не видать да не струхнуть,
Когды голову отсекуть».
А тот богатырь Кузьму увидал
Да взял плат и тоже глаза завязал.

«Теперь,— говорит,— видно, богатыри не глядя дерутся,

Друг со другом насмерть бьются».
Ехали они друг дружке навстречу, ехали
Да, не выдавши, и проехали.
(«Слепкóм¹-то ехали, дак...»)

Кузьма думат: «Що тако?» да плат приподнимат.

А богатырь уж да в другой конец поля проезжат.
(«А дале вот нипоцём не помню. Как-то тут у Кузьмы была шашка, а у богатыря-поединщика — меч. Как-то Кузьма скоцил с коня, у ёго етот меч выхватил, да создади, со спины ёму голову-ту и срубил... Нечестно, видишь... Ну, а дале — делать-то нецега — царь за Кузьму доцерь свою, царевну отдал да царство ему дал. И стал царствовать, стал царем неправедным, не сильным, не мудрым, несчастным, не добрым, а хитрым. А вот по-настоящему сказать никóлько не замогу. Из памяти выронилося».

Сашенька и Федорушка смеялись над приключениями Кузьмы Серафонтовича — комического богатыря, променявшего честный труд землепашца на сомнительные «подвиги» и сладкую жизнь в иноземных царствах-государствах...

А вот уже выросшие (совсем невесты!) неразлучные подружки Сашенька Чурилова и Фёдóра Коворнина в начале 1920-х годов ходят по вечерам в школу, на репетиции молодежного драмкружка, который ведут учитель Вениамин Николаевич Попов и Ефим Никифорович Коворнин (племянник местного летописца Коворнина Николы Ивановича и дядя Сашеньки)... С упоением играют «Грозу» Островского, «Гамлета» Шекспира... Новая жизнь пришла и на далекое Беломорье. Шире раздвинулись горизонты. Зорче стали глаза. Острее и смелее мысли. Приблизилось пока еще им не известное, но

¹ Слепкóм — вслепую.

конечно же прекрасное будущее. Поздно возвращаясь домой, чуть задерживают девушки-подростки шаг над уснувшей, кутающейся в зыбкие шали тумана рекой. Мечтают. Глядят с крутого берега вдаль, за Успенскую сторону, где неярким жемчужным блеском отсвечивает лемех¹ на воздушной главке созданного крестьянскими мастерами-умельцами чудо-храма, глядят за холмы, покрытые лесом, туда, где незакатная вечерняя заря с утренней встречается...

«Отгадай, Федорушка, що тако:

Зоря-зоряница,
Красная девица
По полю ходила,
Золоты ключи сронила,
Месяц увидал,
Ницё не сказал.
Солнце увидало,
Золоты ключи подняло.

«Що тако?» — «Роса, Олѣксандрушка, роса...» Подружки тихо смеются от переполняющей их пока непонятной им радости и шепчутся о пригожем парне Льве, ладном, работающем, скромном и уважительном... Быть, ох, быть Олѣксандрушке его «женою молодою, княгиней перво-брачною», как поется в свадебных песнях. Неспроста вот уж три года на всех посиделках и беседах Лев возле Сашеньки. Неспроста все чаще и чаще встречается он ее на узких деревянных пешеходных мостках, приглашает на уличных кружаннях-играх в пару себе:

Заюшко, мой серенькой,
Серенькой, мой беленькой!
Где ты, где ты, зайко, был,
Где ты, серой, спобывал?
Заюшко!..
Был я, зайко, во лесу,
Во ракивовом кусту...
Заюшко!..

...Однако завтра рано вставать. Скорей в душистое, пахнущее вянущими березовыми вениками и только что испеченным хлебом тепло родного дома. Спать... А утром за завтраком строгий голос матери: «Лѣксандра! Вечор тебя просватали...»

Вспоминается, к старости особенно, ясно так вспо-

¹ Л е м е х — чешуйчатое покрытие крыши деревянными дранками, имеющими форму черепицы.

минается молодость. Что бы ни спросила я Александру Капитоновну о далеких тех годах и о том, как жили-были, или вот о том, как хор начинался,— все помнит, будто было это вчера.

«Перьвы зачинали ходить в хор в 1935 году я, да сестра моя Клавдея, подружка Федора Николаевна Коворнина, да невестка моя Ольга Мефодьевна, да Настасья Никитишна, да Онисья Рогозина с Катериной Агафоновой, да еще там сколько ле наших. Я запевала. Хор-от организовал дядя мой Ефим Никифорович Коворнин. Сам гармонистом был. Слух у него, беда, хорошей был. Неправильно кто споет словечко едино — перепой! Строгой был. Выступали и в колхози у себя, и в районе, на олимпиадах».

Так и получилось, что жизнь Александры Капитоновны прочно вплелась в историю и судьбу замечательного Варзужского хора.

Многолетняя практика показывает, что лидер всякого песенно-хореографического фольклорного коллектива, как правило, обязательно является незаурядной личностью. Это в полной мере относится и к Александре Капитоновне Мошниковой. Ее стремление к реализации своих наставнических способностей и возможностей проявляется постоянно и многогранно. С каким бы вопросом к ней ни обратились, у Капитоновны всегда находится верный, мотивированный и, главное, практически выполнимый совет — касается ли дело хозяйства или подчас сложных нравственных перипетий личной жизни, выбора ли будущей профессии или реставрации для варзужского хора почти забытой, но очень ценной старинной песни и подлинной народной хореографии. Трудно вообразить такого человека или событие, до которых ей не было бы дела. С отроческих лет была Александра Капитоновна человеком творческим и общественницей, хотя тогда еще и понятий подобных не было. Вот что она сама говорит об этом:

«Люди некоторые прежде стеснялись ходить в клуб, и в драматической кружок, и в хор. Одна пошла взамуж да хор и бросила. Говорит: «Как в клуб похожу? Стыдно». — «Нисколь,— говорю я ей,— не стыдно». А в войну-ту одна соседка на меня заругаласе: «Не стыдно тебе, Олёсандра, песни-ти ходить в клуб петь? У тя хозяин на фронти, под пулями». — «Нисколь не стыдно,— говорю.— Пить вино было бы стыдно, гулять стыдно, сплетни собирать по деревни стыдно, от дела лытать стыдно.

А-петь не стыдно. Плохо нам жить, тяжело. Серьцо болит за народ, за мужовой наших на фронти, тяжко трудимся, а запоешь — сьрцьцо-то радостью и надеждой затеплеет.

А до войны, в 1939 году, ехали в район на смотр, да пришли меня созывать запеть. А у меня уж было пятеро детей, да Сашка маленькой, да Валентиной тяжела была. А муж-от, хозяин, говорит: «Поди ты, поди, Лёксандра. Люди ведь просят. Я уж с робятами справлюсь». Уж не унимал, не обижался, што хожу, запеваю, да уезжать приходится, выступать. И с войны писал письма, тоже писал: «Ходи, пой, душу отогревай...»

Нет у Александры Капитоновны специального образования, но с лихвой восполняет она его природной талантливостью и глубоким умом. Например, не зная музыкальной грамоты, она может разобраться в одноголосной записи незнакомой песни. «Вот я нот-тих так-то не знаю, а ежели дадут мне ноты со словами — сдогадаюсь, какова песня. Спую мотив... Как? А вот гляжу, гляжу и зачинаю понимать, шо тут повыше, а тут — тоже повыше, но поменьше того, а уж тут — пониже. Помучишьсе — всему научишьсе», — смеется Капитоновна.

Руководителем хора и запевалой его она стала перед войной. Потом сменила ее сестра Клавдия Капитоновна Заборщикова, сейчас же запевала — Евстолия Васильевна Гурьева. Но без Капитоновны хор — не хор.

«И чехи сюда в Варзугу к нам приезжали хор слушать, и финны гостили, коли не ошибусь, — рассказывает Александра Капитоновна. — В Ленинграде на годах вторую уж грампластинку наши записали. И все пишут, пишут в газетах да в журналах...» «А вы статьи эти не собираете?» — «Как не собирать! Которы присылают, собираю...» — «А можно посмотреть?» — «Да вон там в горницы, под зеркалом лежат. Гляди — не убудёт...»

В горнице на комодѣ лежит объемистый, из толстой многослойной бумаги почтовый мешок, до отказа набитый документами, грамотами, дипломами, журналами, газетами, медалями и знаками почета в коробочках. Такое количество «прессы» бывает не у всякого профессионала.

«Александра Капитоновна! Что ж вы мне не говорили, что у вас такое количество документов о заслугах?» — «А чѣ говорить? Чай, мы — просты люди, не высокоратничаем, дак...»

И она не говорит ни о грамотах, ни о дипломах, ни

о многочисленных благодарностях за трудовые будни, за клубные праздники. Умалчивает и о бесчисленном количестве статей о ней. Более сотни лежит «под зеркалом», а сколько их еще не дошло до нее!

Лицо Александры Капитоновны спокойно. Ему чужды какие-либо сильные внешние проявления внутренней жизни. Только доброта освещает его. Лишь на фотографиях первых лет замужества в глубине зрачков едва заметна притаившаяся стынувшая душевная боль. Помните: «А утром за завтраком строгий голос матери: «Лёксандра! Вечер тебя просватали...» (Сердце словно подпрыгнуло к горлу, не давая вздохнуть. «Как?! Без меня — и засватали? За кого? Разве... Нет! Не может быть?» — кричит-бьётся молча Олёксандрушка.) И снова твердый голос матери: «За Федора!» («Старшой брат Льва?! Так вот зачем ходил, смотрел, приглашал на кружання, попереk пути становился. Нет! Нет! Нет! Не могу! Не хочу! За что? Пожалейте!..») Всё молча: не положено перечить матери. Нет такого «закону» — своевольничать молодой девушке...

Это произошло в 1925 году. А спустя три с лишним десятилетия фольклорист и писатель Д. Балашов напишет: «На Александре Капитоновне окончился таким образом многовековой патриархальный обычай. Дочери ее все выходили по своей воле»¹. А что за этими немногими строками было? Последнюю в истории села Варзуги выдали замуж насильно, за нелюбого, не спросив ее согласия. Не по расчету, нет. Не за богатство. (Ведь отдали в ту же самую семью, за родного брата Льва). По прихоти властной и своевольной матери. «Пока мой сын младшенькой, Виктор, не народился, я всё плакала, плакала. А в груди ровно камень холонной лёжит, а не сердце. Будто уж мертва я, отречена кака-то от людей, а с живыми еще живу. Почернела, вьхудала вся, не слышу, не вижу ницего и никого. Свекрова-то матушка, бедна, плакала: жалела меня и сына меньшого Льва». Сломал упрямый Федор жизнь любимой девушки, жизнь брата да и свою тоже. Не было настоящего семейного счастья ни у кого из них. Давно уж нет в живых братьев-соперников. Но оба они живы в памяти Капитоновны. Помнится мне, когда-то погожей сентябрьской ночью (лампу и свечу не зажигали: не хотелось) стоит Александра Ка-

¹ Балашов Д., Красовская Ю. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря.— Л., 1969.— С. 23.

питоновна босиком на чистеньких пестрых половиках, невысокая, статная, кажется, совсем молодая в ярком широком снопе лунного света. За окнами, под угóром спит река Варзуга-кормилица, и во все окна дома видны ее острова, разливы и луга... Разживляет Капитоновна самовар у печи, тихо и спокойно рассказывает свою жизнь: «Я на Федора зла никогда не держала. Што уж тут! Жизнь прожита, дак. Шестеро детей подняла. Одну войну вспомнить!.. Мужики вси на фронти. В колхози — одни старики да жонки, да дети, дак. Ниоткуда никакой помóги. Свою роботу рóбишь и мужицьку. И сенá заготовляли, и лес валили, и рыбу лáвливали, и через пороги по Варзуге-реке сами ходили на лодках, грузá возили, и пасли, и пахали, картошку да капусту рóстили — с горя, с тоски да со скуки работали на вси руки. Выжили, однако. Дети в люди вышли. Живем хорошо. Внуки уж растут, дак. Новы́-ти повыросли. Федор-от, муж, хозяин, с войны пришел, а долго не зажил: после фронта заболел, помер. Внуков ни которого не дождал. Топерича уж и правнуки растут. Перед Федором вины моей никогда ни в чем не было. Да и он меня крепко уважал. Пальцем не тронул на веку». И вдруг, всколыхнув волну длинных густых — ни сединки — каштановых волос (просыхают после бани), говорит спокойно, твердо и совсем просто: «Только я ведь всю жизнь издали одного Лёва любила. И он меня. За то и рано помер с горя, не зажил. Его уж давно в живых нет, да я уж прабабушка, а и посеичас люблю. Любовь-то ведь только одна настоящо бывает».

Я спрашиваю: «Александра Капитоновна! Но как же вы могли матери подчиниться?!» — «А што делать?..» — «Ну, не знаю: убежать надо было вместе со Львом». — «Куда?» — «Да хоть куда. Мало ли? В Кандалакшу, в поселок Лесной». — «Не-ет, голубушка! Это у вас, у нынешних: «Хочу. Не хочу. Не стану. Не буду. А это — хочу, буду». А преже знали одно: мать послушаться нельзя, цё бы она ни приказывала. В ум преже не пришло бы поперечить матери».

Личная трагедия Александры Капитоновны на долгие годы стала предметом моих размышлений. Но мне понадобилось почти десять лет для того, чтобы осознать, казалось бы, простейшую мысль: отказавшись от борьбы за свое счастье, Александра Капитоновна проявила не слабость, а силу и мужественность характера. Звал ее любимый даже после свадьбы оставить мужа и вместе уехать. Всю оставшуюся жизнь готов был принять, какова

бы ни была: с детьми, с неурядицами, с горем. И вряд ли не только в Варзуге, но и на всем Терском берегу кто-нибудь осудил бы ее «эмансипированный» по тем временам поступок. Никто бы не осудил, кроме... родной матери. Приобрела бы Александра Капитоновна все счастье жизни. Но, может быть, ценой потери целостности, чистоты и гармоничности своего внутреннего духовного мира, сломав один из его основных стержней: безусловное послушание матери. (Может быть, и не была бы Капитоновна той самой, которую знают и любят?)

Александра Капитоновна оказалась победительницей в тяжелейшей нравственной борьбе, неотвратимо требовавшей от нее выбора между матерью и любимым. Она победила самое себя, смятенную бурю своих чувств (а это почти всегда неизмеримо труднее, нежели побороть самые тяжелые внешние обстоятельства). И когда я вижу прекрасное ее лицо — строгое, усталое, волевое и бесконечно доброе, светящееся деятельной любовью ко всему и всем: к близким своим, к нуждающимся в ее помощи приезжим и к родной Варзуге («Зовут дети, зовут в город. Да нет уж. Остарела, дак. Тоскно, душно, гесно в городах. Будто не хватает чего. Будто вздоху нет. Здесь живу, гостей принимаю»). Когда я вижу это умное, одухотворенное лицо, осиянное какой-то застенчивой любовью к родной природе и к терской заповедной речи, к повседневному труду и к привычному укладу крестьянской жизни, к своему колхозному хору, к соседям, к их детям и внукам, к каждой букашке, былинке и травинке, в сознании моем исподволь всегда оживают некрасовские строки о русских женщинах, и становится легче жить. Трудолюбивой, неунывающей, всегда идущей к людям знаю я Александру Капитоновну. Для нее нет дел или людей своих и чужих. И неудивительно, что любому приезжему, добирающемуся в Варзугу, в дороге могут задать вопрос: «Вы, случаем, не к Капитоновне едете?» Для нее это даже как бы профессия: обрадовать, отогреть человека. Чтобы он почувствовал себя совсем своим, желанным и нужным здесь, вдали от своего дома, чуть не на краю земли.

«Людей-то, народу через мою горницу прошло! Што чаю півано, што сижено-говорено — неприступным светом»¹.

¹ Неприступным светом — по смыслу идентично выражению: ни в сказке сказать, ни пером описать.

В чем же «загадка» характера Александры Капитоновны Мошниковой? Может быть, она человек какой-то особенный и сумела вопреки себе подчинить себя служению людям так же, как когда-то вопреки себе подчинилась матери? Нет, это не так.

Не сделаю никакого открытия, если скажу, что одной из самых острых психологических проблем современности считают проблему исчезновения дружеского «досугового» общения (говоря языком современной науки, проблему некоммуникабельности). Все реже и мы встречаемся со своими друзьями, все меньше знаем об их радостях (пожалуй, о горестях еще как-то знаем и даже стремимся помочь), все меньше разделяем с друзьями часть их жизни, все замкнутее и обособленнее пространство нашей личной жизни... И это несмотря на то, что фактический круг наших друзей, казалось бы, расширился, стал богаче, разнообразнее! Но... чаще всего это «деловые друзья», а не те, что собираются в домашней обстановке за чашкой чая.

Скажете, городская проблема?.. Однако симптомы разобщенности заметны уже и в деревне. Не раз и не два слышала я в той же Варзуге: «Как-то раньше вместе собирались по праздникам. Говорили: будет и на нашей улице праздник, вот как — улицами справляли праздники». Одна из пожилых варзужанок, участница хора рассказывала: «Пьянства етого в обычае не было. Понемногу пили. Жоночки не пили вовсе. Само собой, и молодежь не пила (парни-ти, а про девушек — и говорить нечего). Кум да брат, да тесть, да сват, да шурин, порядовны соседи зайдут, да своя семья. Глядишь — полный «хор Пятницкого» тебе (еще побасчей¹ будёт). Песни подымали долги на голоса. Теперича сидят по праздникам, как суслики-байбаки по своим норам (правда, коли свадьба, тут уж все сбегаетсе). А чего, спрашивается, поодынке сидеть? «Устаём,— говорят.— Робота! Устаём!» А прежде не робота была?! Тяжко робили, машин-тих не было. Лес ле валили, землю пахали, сеяли, жали — все вручную. Нет, голубеюшки, не робота вам вадит² веселью. Нет уж. Не избилесе на роботы, дак. А хор наш народной колхоза «Всходы коммунизма»? Да, да, хор уж другое дело. Эти-то вместе, вместе. Кто приедёт в летнё время хор послушать (самой тут сенокос, страда),

¹ Побасчей — лучше.

² Вадит — мешает.

они уж тут ко Капитоновны идут в дом, поют, не считаются, шо устали опосля работы. Перед домом на ровном мѣстечки, на травки закружajúтсе, «Камку» розвѣрнут в пять кругов с узорами, «Во лузях» хоровод — только шáлями да сарафанами, как цветами отласныма машутсе. Ну, дак ведь это Капитоновна с има...»

Опять Капитоновна. Что ж, может, она и впрямь необыкновенный человек, обладающий чуть ли не магнетическими способностями привлекать к себе людей? Да нет же! Обыкновенная деревенская женщина, слава богу, даже отдаленно не подозревающая о возможности существования этой пресловутой «проблемы некоммуникабельности». Зато точно знает Капитоновна, что люди должны жить вместе. Все так просто в действительности: есть люди и есть я. Без людей нет для меня жизни. Так что и подчинять себя им, следуя некоей высокопарной идее служения людям, Капитоновне нужды нет. У нее все как-то человечнее и проще. Увидела, что в палисаднике соседки Лукии Кузьмовны Алибастровой внучонок один топчется, воды колодезной принесла, в магазин сбегала, картошки из подполу подняла, сварила, шанѣжек своих принесла, избу обиходила: Лукия, оказывается, приболела. Сбегала и телеграмму Лукииной дочери подать. Настояла — и вызвала доктора. Мальчонку-внука пригрела, накормила, лаской не обошла. (А не зайди Капитоновна, все ли бы ладно обошлось?) А попробуй скажи ей, что «постоянное служение людям является основной формой ее жизнедеятельности, духовным смыслом и оправданием ее собственной жизни», скажи ей эти правильные казенные слова — наверняка она удивится. А может, и обидится. Не нужны ей все эти слова. Ее жизнь — непрерывный подвиг любви и труда — вся на мирѹ, перед людьми, с людьми. Вот и выходит, что Капитоновна и хор в жизни сегодняшней Варзуги просто необходимы. Ведь вот не разъедает дружбу хористов ржавчина отчуждения. Они, наверное, и не представляют себя друг без друга, без этого постоянного почти семейного общения, в круг которого невольно вовлекаются односельчане (да и жители других сел и деревень Терского берега, куда хор выезжает по временам «на гастроли»). Общаются люди пожилого и среднего возрастов, часто собираются и дома у Капитоновны, и в клубе. Клуб в Варзуге просторный, удобный. Вот только молодежи там делать нечего. «Ску-ушно!» В самом деле, нельзя же целый вечер гонять бильярдные шары, а потом гля-

деть не раз просмотренную киноленту. Ну, танцы... Тоже надоедает. Вот и заглядывают иногда ребята в щелки да в окна: что там снова за репетиция у хора?

...А хор-то поет один из ранних вариантов великолепной песни о Стеньке Разине «Вниз до спо матушке, ли, да, спо Волге...»¹.

«Подите, подите! Нечего вам тут делать! Не мешайте. Тут старухи занимаются», — бывает, что и одернет молодежь очередная заведующая клубом. Именно очередная: на этой должности здесь долго не задерживаются, да и хором всерьез не интересуются. Одно беспокойство: то в Мурманск их отправляй на телевидение, то в Ленинград, то в Москву. И чего, мол, в них нашли? Тоже мне, арти-истики. Да, пожалуй, и лучше, когда не интересуются. А то ведь бывали такие, что интересовались, так прямо беда, тоска одна: «Что за песни поете? Давайте их петь под гармонь или под аккордеон». И песня разваливается. «Гармонь-то она к частушкам (по-нашему — к кантикам), под пляску, а к долгой, к протяжной песне — никак. Ей надо на голоса розвести, а гармонь ровно и не дает».

Или как-то молодой консультант приехал (ученой ведь, грамотной!): «Не пойму, как это вы дышите? Незаметно. Неправильно! Я вас уже выучу дышать: все разом и по моей руке. Ну, и — р-раз!» Так отдышаться не могли. Думали, не заможем боле своих песен петь...»

1. Вниз (ы) да спо матушке ли, да, спо Волге, да, вот спо
Волге,
По широкому ли, да, роздолью, да вот роздолью.
2. По широкому ли, да, роздолью, как вот роздолью,
Розыграласе ли, да, погода, как вот погода.
3. Розыграласе ли, да, погода, да, вот погода,
Погодушка не малая, вот не малая,
4. Погодушка не малая, вот не малая.
Не малая, волновая, вот волновая.
5. Не малая, волновая, вот волновая,
Ничего в волнах ли, да, не видно, да, вот не видно.
6. Ничего ж в волнах, да, не видно, вот не видно.
Только лодочка ли, да, чернеёт, вот чернеёт.
7. Только лодочка ли, да, чернеёт, да, вот чернеёт,
Паруса на ней, да, белеют, да, вот белеют.
8. Паруса на ней, да, белеют, вот (ы), да, белеют,
На гребцах шляпы ли, да, (г) алеют, да, вот (г) алеют.
9. На гребцах шляпы ли, да, (г) алеют, да, вот (г) алеют.

¹ См. приложение 16.

- На корьме-от сидел (ы), да хозяин, вот хозяин.
10. На корьме он сидел (ы), да, хозяин, вот (ы) да хозяин, Сам-то хозяин во наряди-то, во наряди.
 11. Сам (ы)-то хозяин во наряди, да, во наряди. В черном бархатном кафтани, да, во кафтани.
 12. В шитом золотом кафтани, да, во кафтани. Говорит гребцам да хозяин, да, вот хозяин.
 13. Говорит гребцам хозяин, да, вот (ы) хозяин: «Ну-ко грянемте, робяты, да: «Вниз спо Волге».
 14. «Ну-ко грянемте, робяты: да, «Вниз спо Волге! Вниз по матушке, спо Волге, да, вот спо Волге.
 15. Вниз по матушке ли, да, спо Волге, да, вот (ы) спо Вол (ы) ге,

По широкому ли, да, роздолью, да вот роздолью».

А что это одна из величайших вершин искусства хорового — цепное дыхание в русской народной песне — работникам культуры и дела нет. Их этому не учили. Вот и учат петь «по-культурному». На счету подобных специалистов немалое количество погубленных народных талантов, сельских хоров.

Сегодняшняя Варзуга еще держится. Как и раньше, она экономический и культурный центр края. Жив и ее многославный народный хор.

А когда-то случайный попутчик (приезжий, временный, не терчанин), руководитель районного масштаба (тот, который уверял меня, что никогда не было деревни Вялозера) в ответ на мою откровенность огорчил меня. Я сказала ему, что мечтаю о том времени, когда моя малышка дочь подрастет и я привезу ее с собой на Терский берег познакомиться со «много-множеством» чудес: с людьми сильными, суровыми, веселыми, красивыми и добрыми, погостить среди сказок древних, подстеречь лешего на таежной тропинке, услышать голос Великого Моря (то тихий, невнятно ласковый, то грозный), отгадать загадки мудреные, послушать и перенять песни протяжные, «приговорки» веселые, игры детские исконные, увидеть просторы северные неохватные... «Нет,— уныло сказал руководитель,— лет через пять в этом районе уже не останется ни одного человека. Только в Умбе, в Лесном, в райцентре, будет жизнь. Бесперспективный район, нерентабельный... И хора Варзуги не будет. И песни петь будет некому. И самой Варзуги тоже не будет. Ничего не будет. Море, камни и лес. Как было сначала. Попомните мое слово...»

И вот спустя двенадцать лет после этого разговора

я снова иду (в который уж раз!) по Терскому берегу, а рядом со мной очень серьезно шагает с маленьким рюкзаком моя вторая дочь Аня, большеглазая, внимательная, жадно все запоминающая. Через год пойдет она в школу, и терские сказки, песни, побасенки, бывальщины, загадки, игры и считалки будут для нее не только замечательной книжкой, но и жизненной реальностью. «А помнишь, мама, бабушка Саша спела нам игру «Микóлку-цикóлку» так, как ты меня с Вовой учила, а бабушка Евдокия — немного по-другому! У нее еще там «Ехала лягушка — кинула мякушку». Малышка смеется от удовольствия, удивляя маму умением сравнивать варианты разных записей.

Живет сегодня Терский берег вместе с людьми, не осиротел. И в селе славном Варзуге нынче столько же дворов, как при Иване Грозном: «...сто двадцать пять дворов живуще» и, как прежде, в том же русле, под крутым берегом течет река Варзуга «под дворы». А бабушки, «поваливши» ребят спать, все так же ласково байкают-припевают:

Котик ходит по болоту,
Нанимается в роботу,
Ты, коток, сюды поди,
У нас Олюшку сыпи...

А строптивых шалунов-неслухов до сих пор страшат Мамаем или Басаргóй: «Погоди-ко-се, пострел! Щас ты Басаргá возьмет!..» (Одно из самых больших чудо-чудес — устная память народная сегодня вживе напоминает нам о том, что в 1568 году — ни много ни мало четыреста с лишним лет тому назад! — в связи с конфликтом вольных варзужан и «опричных» двинян Иван Грозный направил на Терский берег целую карательную экспедицию, возглавляемую видным опричником Басаргой Федором Леонтьевым, «править суды»... О «Басаргине правеже» рассказывают и сейчас с подробностями на Терском берегу.)

И все так же стройно и мощно звучит в летние белые ночи и зимними долгими вечерами хор Варзуги. Александра Капитоновна умеет «заражать» своей деятельной любовью к песне (это еще одна из типичных черт ее характера). Не секрет, что дети большинства народных исполнителей не наследуют родительского песенного мастерства. А три дочери Александры Капитоновны (все три здесь же живут, колхозницы, работают очень хорошо) Лия Попова, Клавдия Чунина и Фиона Вопияшина с

матерью в хоре поют. Думается, варзужскому бы клубу дать настоящего руководителя, заинтересованного в судьбе хора, способного пойти в ученики к Александре Капитоновне, — и пошла бы молодежь в хор. «А так у нас кто поет? Старухи-ти да возраст моих дочерей, — говорит Александра Капитоновна. — До войны начинали ходить я, да Федора Николаевна Коворнина, да сестра моя Клавдья Капитоновна Заборщикова, да Онисья Степановна Рогозина, Христина Николаевна Рогозина (козули-ти тебе лепила), да Ольга Мефодьевна Мошникова, Раисья Никоновна Вопиящина. Опосля войны ище заходили в хор Федора Омеляновна Петрашова, Мавра Константиновна Плотникова, Лукия Кузьмовна Алибастрова, Александра Петровна Чурилова (та мне невестка, а я ей — золовка: за моим братом взамужом), Мария Егоровна Чурилова (тож невестка мне), Еликанида Иоакимовна Мошникова да Маремьяна Олѣксеевна Конѣва, Евстоля Васильевна Гурьева (эти вси активисты), Ульяна Степановна Заборщикова, Ольга Ефимовна Заборщикова, Капитолина Григорьевна Заборщикова, Капитолина Михайловна Попова, Федора Петровна Заборщикова, Домна Прокопьевна Чунина, Капитолина Дмитриевна Заборщикова да ище человек несколько — всих не перепишѣшь, дак...» Сколько раз встречалась я с хором Варзуги — осенью, зимой, весной, летом — не счесть. Кажется, не только сами хористки — каждый повойник¹ знаком мне, каждый узор орнамента на вышитых «давношных» рукавах домотканых рубах... Вот этот повойник — алого рытого² бархату (ему больше ста лет), этот — розшивник³. На этом — древнейший образ: фантастическое дерево-цветок, в очертаниях которого угадывается женская фигура с простертыми вверх руками. Здесь — узоры подчеркнуты скатным речным варзужским жемчугом... Эта старинная шаль переливается всеми оттенками пунцовой розы, а та — голубизной весеннего неба, эта оранжево теплится, а та — как сентябрьский закат...

На ярко-зеленой траве, «на ровном мѣстечке» у дома Александры Капитоновны, на высоком обрывистом бе-

¹ Повойник — головной убор замужней женщины, полностью покрывающий волосы (*древнерус.*).

² Рытый бархат — с выпуклыми узорами, которые наносились на материал особым способом — «рытьём» (*древнерус.*).

³ Розшивник — расшитый сплошь узорами золотой или серебряной нитью.

регу Варзуги-реки, откуда отчетливо видны ширь заречных лесных далей, «Успенська сторона» села на другом берегу с древним деревянным храмом (он кажется отсюда то серебряным, то перламутровым, то вдруг вспыхивает от солнечного луча и становится червонно-золотым), запекает хор («заводит» Клавдия Капитоновна Заборщикова высоким, будто девичьим, голосом):

Ой, во лузях, да, ой, во лузях¹,
Таки во лузях, во зéленых лузях, да².

Ой, выросла, да, ой, выросла,
Выросла трава шóл(ы)ковая, да.

Да што й шолкова, да ой, шолкова, да
Шолковá трава, нетоптанная, да.

Ой, понесли, ой, понесли,
Понесли духи малиновыя, да.

Ой, розцвели, ой, розцвели,
Цвели цветики лазурьёвыя, да.

Лазурьёвы, лазурьёвы,
Штой лазурьёвы прекрасныя цветы, да.

Ой, тем-то цветом, тем-то цветом,
Уж я тем-то цветом выкормлю коня, да.

Ой, выкормлю, да, ой, выкормлю,
Уж я выкормлю-вывожу его, да.

Ой, вывожу, да, ой, вывожу,
Напою коня я ключёвой водой, да.

Ой, уберу, да, ой, уберу,
Уберу коня я в золоту узду, да.

В зо... ой, в золоту, в зо... ой, в золоту,
В золоту узду, серебряную, да.

Ой, в серебря... да, ой, в серебря...
В серебряну, позолоченную, да.

¹ См. приложение 17.

² Вторая строка песни повторяется дважды.

Ой, подведу, да, ой, подведу,
Подведу я коня к батюшку, да.

Ой, батюшко, да, ой, батюшко!
Уж ты, батюшко родимой, сударь мой, да.

Ой, матушка, да, ой, матушка!
Уж ты, матушка родимая моя, да.

Ты ли то прими, да ты ли то прими,
Ты прими слово ласковое, да.

Во... ой, возлюби, да, во... ой, возлюби,
Возлюби слово приветливое, да.

Ой, не отдай, да, ой, не отдай,
Не отдай меня за старого взамуж, да.

Ста... ой, старой муж, да ста... ой, старой муж, да.
Старой муж — погубитель мой, да.

Ой, погубил, да, ой, погубил, да,
Погубил мою головушку, да.

Ой, розорил, да, ой, розорил, да,
Розорил мою девóчью красоту, да.

Всю ли то красу, да всю ли то красу, да,
Всю красу ли мою девушкину, да.

Не... негушку, да ой, негушку, да,
Ище негу, негу матушкину, да.

Во... ой, волюшку, да, во... ой, волюшку, да,
Ище волю, волю батюшкову, да.

Ой, лучше бы я, да, ой, лучше б я,
Уж я лучше было дéвицей жила, да.

Ой, туже бы я, да, ой, туже б я, да,
Уж я туже бы русú косú плёла, да.

Я в косú, да я в косú, да,
Уж я в косу ленту алую вíла, да.

Я ли то старá, я ли то старá, да,
Я старá мужá насмёрть не люблю, да.

Со... ой, со старым, со... ой, со старым, да,
Я со стареньким гулять нейду, да.

Во... ой, вот нейду, да, во... ой, вот нейду, да,
Уж я вот нейду, не думала пойти, да.

Со ро... ой, с ровнюшой, со ро... ой, с ровнюшой, да,
Я со ровнюшой гулять пойду, да.

Ой, вот пошла, да, ой, вот пошла,
Уж я вот пошла, подумала пойти.

Разворачиваются узорные хороводы, словно сувой¹ дивной камчатной ткани... Может быть, это часть древней весенне-летней ритуальной игры «Поле», которую вскользь упоминают первые собиратели фольклора Терского берега А. В. Марков, А. Л. Маслов и Б. А. Богословский?.. Очень может быть, но наверняка утверждать нельзя. Собиратели ездили здесь в то время, когда в дореволюционной России вспыхнула мода на древний былинный эпос. Как и у всякой моды, у этой были также и отрицательные стороны: искали и записывали преимущественно былины, а все остальное отмечали лишь походя, невзначай. (Мол, это еще успеется, это еще в расцвете. А вот древнейший слой народного творчества — былины уйдут из жизни...) Вскользь замечают собиратели, что игра «поле» на возвышенных местах над морем среди цветущего разнотравья царственно прекрасна. Но не записывают ни «правил» этой игры, ни содержания, ни песен в нее входящих («успеется»). А через пятьдесят с лишним лет Д. М. Балашов еще запишет здесь остатки эпоса, но не найдет даже малейшего воспоминания о «поле». Через шестьдесят один год на всем Терском побережье лишь бабушка Катарина скажет мне, что слышала от матери о такой игре, и, напевая песни для записи на магнитофон, о некоторых скажет: «Игрóма, полéва». Из памяти всех остальных знатоков родной песенности даже название это почему-то «выронилосе». Даже краевед Петр Иванович Пирогов, ученый-самоучка, ничего ровным счетом не мог сказать по этому поводу. Так, из опыта своих предшественников делаю я вывод: записывать и всячески фиксировать надо все, даже то, что сегодня кажется только что народившимся,

¹ Су в ой — а) свиток новой ткани; б) свиток бумаги; в) водоворот; г) завитки снежной бури (*древнерус.*).

или малозначашим, или, наоборот, долговечным, значительным. И еще один вывод: нельзя себя возводить в ранг судьбы, который имеет право выносить приговор народному творчеству, сознательно что-то обрекая на уход и забвение, а что-то сохраняя. Вот, например, в 1958 году Д. Балашов записал удивительно поэтичную песню «Во тумане печет красное солнышко». Записал только текст (не было у него магнитофона). И всего через несколько лет не поют ее на Терском берегу — да и все тут. Помнит ее одна Александра Капитоновна. Записываю. Затем включаю магнитофон на прослушивание, и она поет вторую партию, подпевая всей записи первым голосом. Записываю звучание двух голосов. Затем включаюсь в этот процесс и я. В этот вечер неожиданно «налятывает» гастролирующая в сельской местности группа артистов Петрозаводской филармонии. Капитоновна берет на постоя молодую исполнительницу русских народных песен (виновата, не записала ее имени и фамилии). Отчаевав и отойдя с дороги, она с видимым удовольствием прислушивается к нашему пению и включается тоже, быстро и точно схватив с помощью хозяйки третий голос. Через два дня в горнице Александры Капитоновны собирается хор. «Не помним, да не знаем, дак». Но с помощью уже сделанных черновых магнитофонных записей мы с Капитоновной доказываем, что очень легко песню «оживить». И хор поначалу нехотя, как бы ошупью, начинает вспоминать. Словно бредут в потемках. К концу этого импровизированного урока-воспоминания (а в сущности, посиделок за самоваром) песня уже звучит уверенно, на четыре голоса (и звучит в Варзуге по сей день). И запекает, как всегда в последние годы, младшая сестра Александры, Клавдия Капитоновна:

Во тумане-то печет красное солнышко¹,
Печет-то (в) оно во тумане, да во тумане.
Печет во тумане...
При печали-то си... ой,
Сижу я, красная девушка,
Сижу я, бедна, при великой.
Сижу при великой...
Звещёвало² сердце... ой,

¹ См. приложение 18.

² З в е щ ё в а л о (звещевать) — предчувствовать, предсказывать (от — весть, вещий).

Девушкино сердечушко,
(в) Оно звещёвало.

(в) Оно взвещёвало...
(й) Занывало-то зло, ой,
Зло, мое ретивоё,
Знало — правды не сказало.

Не сказало...
Наконец-то моя, ой,
Буйна́ головушка
Сей год спогibaёт.

Сей год спогibaёт...
На кого ли меня, а-ой, да
Ты нещасную,
Милой, (в) оставляёшь?

(в) Оставляёшь...
Я нещасная кра... ой,
Красная девушка
Во свети бедна́ родилась.

Во свети родилась...
Поскорее́ того, ой,
Просмешника,
Дурака его лишилась.

Лишилась...
Накутили¹-то про... ой,
Про нас насказали
Злыя лихи люди.

Злыя лихи люди...
Для того (в) они про... ой,
Про нас насказали,
Розлучить с милым хотели.

Вот хотели...
Не на то ли мой ми... ой,
Милой розсердилсе,
Уехал, со мной не простилсе.

Не простилсе...
Неспособныя² па... ой,

¹ Накутили — насплетничали, наговорили, нагородили.

² Неспособныя — противодействующие, не способствующие.

Пали встречу ветры,
Назад мой милый воротилсе.

Назад воротилсе...
Под которым-то я, ой,
Я-то сижу окошочком,
Шел — поколотилсе¹.

Шел — поколотилсе...
Да со мной ли, со кра... ой,
С красною девушкой,
Честно розпростилсе.

Розпростилсе...
(в) Он снимал свою мо... ой,
Модную фуражоцьку,
Низко поклонилсе.

Низко поклонилсе...
(в) Он сказал: «Ты прости, ой,
Прощай милáя,
Радость дорогая.

Радость дорогая...
За здоровьице мо... ой,
Моя-то любезнáя,
Не люби другого.

Не люби другого...
Если лучше меня, ой,
Дак ты полюбишь,—
Меня позабудёшь...

Меня позабудёшь...
Если хуже меня, а-ой,
Дак ты полюбишь,—
Меня вспомянёшь.

Вспомянёшь...
Не нажить тебе бу... ой,
Будёт любезно́го
Во свети такого.

Во свети такого...
И ни ростом ёго, а-ой,

¹ Поколотилсе — постучал.

Да не возростом, —
Всею красотою.

Всею красотою...
Штой походочкой его, ой,
Нежной щёгольскою».

И снова поясняют, спеша дополнить одна другую: «Ище прежно-то время стали мужики да парни где ле отъезжать на промыслы да на работы, где ле будто в городá. Жонки да красны девушки заоставалисе одне дома, дак... Ей, видишь, зарáне, бедной, серьцо звещёвало... Сам розоставайте, ей оставлят, а наказыват: «Не люби другого»...

...А вот стынушим зимним глухим вечером звучит удивительная рекрутская песня. Во сыром бору расцветает невиданными цветами береза (воспоминание о священном древе наших далеких предков, у подножия которого совершались ритуалы, сопровождавшие важные моменты человеческой жизни). Мимо этой березы пролегал путь молоденьких рекрутов, за ними идут матери, жены, сестры, невесты: провожают на долгую разлуку, может, на всю жизнь. Голоса поющих звучат тихо, нежно, тепло. словно женщины прислушиваются к замирающему над лесной дорогой отзвуку шагов уходящих из деревни новобранцев. Глаза поющих полуприкрыты, будто им видится та незнакомая дальняя даль, где суждено служить их любимым. А может, так легче сдержать дождь непрошенных слез? Скрыть лучик надежды на встречу? Кто знает. Варзужанки поют, словно душу открывают на исповеди, чистую, стойкую, терпеливую, любящую крестьянскую женскую душу... Вот уже скрылась из вида Варзуга и плачущие близкие. А дальше уже провожают рекрутов вдоль всего Терского берега девушки чужих деревень («чужи люди — самы ближни»): Во сыром бору береза да выростала, ой¹,
(в) Она разныма цветами да розцвётала.
(в) Она разныма цветами да розцвётала. (ми...)²
Мимо ту белú березу да кудрёвату. (не...)

Не московская дорожка да спролёгала.
В ширину ета дорожка да неширёка, (ой, в до...)

¹ См. приложение 19.

² Вторая строка каждой предыдущей песенной строфы повторяется, становясь первой строкой последующей строфы. В дальнейшем повторы не выписываются, но подразумеваются.

В долину́ ета дорожка да неизвестна. (ой, ту...)
Туда шли-прошли лекрутики молодья, (за...)
За имá-то идут мамоньки да родныя, (ой, по...)
Позади-то брёдут сестры да молодья. (ой, во...)
Во слёзах пути-дорожки оне не видят, (с во...)
С возрыданьица словечка не промолвят. (ой, как тут...)
Тут спрговорят лекрутики молодья: (ой, как вы...)
«Вы не плачьте, наши мамоньки родныя! (не...)
Не рыдайте, глупы сестры да вы молодья! (ой, как не...)
Не смочить будёт сырой земли слёзами, (ой, как не...)
Не наполнить синя моря да горючима». (ой, не...)
Не ясён сокол с тёпла гнезда слётаёт, (ой, как мо...)
Молодой лекрут с фатёры поёзжаёт. (ой, как не...)
Не отец, не мать лекрутика провожают, (ой, как про...)
Провожают лекрутика цюжи люди, (ой, как цю...)
Цюжи люди — самы ближняя суседы: (ой, как ку...)
Кузомлянки, чаваньжанки — красны девки. (ой, как од...)
Одна девица всех дальше спроводила, (ой, как на...)
На росстаньице платочек подарила... (ой, как не...)
Не за то ли ее мамонька бранила, (ой, как не...)
Не за то ли все сударушка журила: (ой, как ты...)
«Ты куда, девка, платочик потеряла?» (ой, как ска...)
Скажу: «Мамонька, по садику гуляла, (ой, как свой...)
Свой персийськой я платочик потеряла. (ой, как не...)
Нелюба моя подружка да находила, (ой, как мой...)
Мой платочик своему другу подарила»...

— А эту знашь ли?.. Игра детська, дак:

Микóлка-цикóлка¹

В клетку² упал...

— Где-ка клетка?

(«Это одни спрашивают с одной стороны,— поясняют мне,— а другойки с супротивной стороны отвечают):

— Водой понялась³.

— Где-ка вода? («Опять перьви спрашивают».)

— Быки попили. («Опять другойки отвечают. И так до конца: одни — други, дак...»)

— Где-ка быки?

— В гору выступали.

— Где-ка гора?

— Черви поточили.

— Где-ка черви?

¹ См. приложение 20.

² Клетка, клеть — чулан, пристройка к избе.

³ Понялась — залило доверху.

- Гуси поклёвали.
- Где-ка гуси?
- За морё улетели.
- Где-ка морё?
- Цветами обросло.
- Где-ка цветы?
- Девки вырвали.
- Где-ка девки?
- Взáмуж вьскакали.
- Где мужовья?
- На войну ушли.
- Где-ка война?
- Среди двора. («Отсель уж до конца

все разом запоют.)

На пúпышках,
 На зарúбышках,
 На чурочках,
 На бревнышках, да,
 Ехал пес, да,
 Грязь розвез, да,
 Ехали бояре,
 Грязь розтоптали,
 Ехал немец,
 Кинул хлебец,
 Ехала лягушка,
 Кинула мякушку¹.

Хористки (большинство колхозницы, сельская интеллигенция) залиvisto, по-детски смеются, с удовольствием показывая, как дети должны играть. И даже не подозревают о том, что сейчас донесли до меня из «тьмочисленной» глубины веков отчетливый отзвук ритуальных игр-заклятий на плодородие, на мирные времена, благоденствие, дружбу...

С Федорой Николаевной, дочерью последнего представителя целой династии летописцев Варзуги — Николая Ивановича Коворнина (подругой детства и юности Александры Капитоновны) знакомилась я когда-то не без волнения: столько наслышана была об ее отце, всей их семье. И впрямь что-то особенное, неуловимо отличающее ее от других варзужанок, ее сверстниц, есть и в ней. Чем-то похожа она на взыскательную, строгую учительницу, взгляд которой поверх очков заставляет подтянуться внутренне, почувствовать себя школьником человека любого возраста. А в глубине зрачков светло-голубых

¹ М я к у ш к а — мякиш, ломоть хлеба.

глаз что-то теплится: материнская всепрощающая доброта, неунывающая смешинка. Говорит Федора Николаевна не как все терчанки: не торопясь. «Люди прежде не такие были, как нань¹: дядя Никифор, помню, зубами мешок муки здымал (а в ём два пуда ведь!). А другой отцёв брат большынську репину надвоё пальцём мизинным розбивал... Тато и братья его вси были шибко грамотны. Сказывал, мати ихня просеват муку, а им, братьям, полюби кажет²: пальцами по мучной пыли той буквы пишут. Учатся, видишь (помалюхне еще были)... Мати моя рано померла, четверо без матери нас сирот у отца осталось. Боле не женилсе. А ведь на веку не обиживал. Я старша осталась пятнадцатигодова, Оля меньша — пятигодова. А хорошей был тато! Как вси мы повёрости, и сами не знаем: никакого горя, никакой обиды от отца не видывали. Не бранилсе, не бил — того не боялсе, а пуще слухалсе. Сами училисе стряпать. Поначалу не умели, дак ведь он никогда не скажёт, шо худо: горело там, переварено, недоварено. Все ему ладно-хорошо. Бывало тато нам говаривал: «Мудрость-то она, дети, в свет есть, есть! Да многима глупостями призакрыта. Нать уж ей приоткрывать, искать»... Тато все записывал: какой год в Варзуги сколько сёмужки попало в заборы, в просты сети, да в «поезда»³, какá вода пала в розпúту⁴, когда лед стал на реки, хто помер, хто народилсе, хто оженилсе, какá пошова (нынче говорят эпидемия, дак...) была, пожар, голодной ли, дородней ли год-от пал. Всё списывал. Татовы тетради-ти перед последней войной человек взял из Ленинграда. Владимиром Владимировицем звали. Сказывал, для науки нужны... Всё, боле не слышать, с концём. Быват, война грянула, дак пропали татовы многолетни труды... Ездили на тоню Прилúку (нынче праху уж от ей нет) за Колониху. Вецером тато скажёт: «Ложитесь спать, дети. Стану сказки сказывать». А-андели! Сколь сказок знал! Слово к слову так и льнет, так и льнет. Могутной был тато. Помер перед финской войной. Восемь годов перед смертью болел: парализовало. А характер был такой натурной⁵: ведь ходил! ходил парализованной! Восемь годов — под-

¹ Н а н ь, н ы н ь — нынче, теперь (*древнерус.*).

² По душе, по нраву приходится (детям).

³ П о е з д — от слова езда, поезжать; в данном случае имеется в виду способ ловли «поездами», при котором лодки с сетями ехали одна за другой.

⁴ Р о з п у т а — распутица.

⁵ Н а т у р н ы й — настойчивый, волевой.

нялсе и ходил, всяку роботу рѳбил. Дрѳва ишке сек. Етта вѳстанѳт на угор, на бор, дрѳва секчѳ зацнѳт. Книгу с собой возьмет. Полѳжит. Поцитаѳт. Снова секѳт. Цитал и писал до смерти, дак... Вот и я все на старости цитаю», — сказала, указывая на стопку книг перед собой на столе, и лицо Федоры Николаевны вдруг перестало казаться строгим, вспыхнуло ясной улыбкой и сразу заметно, какое это лицо красивое, с правильными чертами, в этот миг совсем молодое в ореоле серебристо-голубой седины... С фотографии отца, которую доверительно подарила мне Федора Николаевна, требовательно, испытующе, пронзительно искренне глядел прямо на меня могучий красавец-старик, словно спрашивая: «Ну, как вы там, нынешние, живете? Славно ли трудитесь? Нас-то добром поминаете ли? Мудрость-то она, дети, в свете есть, есть! Да многими глупостями призакрыта. Натъ уж ей приоткрывать, искать»...

Сидим с Анютой в небольшом домике Евдокии Дмитриевны Конѳвой, уравновешенной, но быстрой худенькой женщины в темно-зеленом длинном сарафане «кашемирнике», в повойнике рытого бархату с узорами, шитыми золѳтной нитью («маминской ишке, дак...»). Везде на Терском берегу в домах царит порядок, уют и необыкновенная чистота. Но неширокая горенка Евдокии Дмитриевны особенно уютна. Здесь окна тесно уставлены цветами. В любое время года у нее — праздник цветов. В деревянной кадлушке какое-то пахучее дерево, сплошь усеянное мелкими белыми цветочками. Хозяйка называет его чайным деревом. Какие-то хрупкие и чрезвычайно затейливые по форме пунцовые цветы со свисающими тычинками — белыми шариками (словно «бѳтало»¹ у крошечных колоколов сказочного царства). Такие цветы я последний раз видела в детстве на подоконниках комнаты своей бабушки. Здесь живет (именно живѳт, потому что многие другие безжалостно сожгли, вычеркнули из жизни, удобную, сработанную умельцами, старинную мебель) прежний деревянный диван, стулья такие же. Евдокии Дмитриевне за восемьдесят, но она ни секунды не сидит без дела: косит, гребет, сушит сено, возится с огородом, с овцами, бегаёт (легко и быстро в магазин. Благодатность привычки к постоянному труду, можно сказать, налицо: бабушку Овдотью и бабушкой не назовешь. Ни сединки в косах, быстра нѳ ногу, остра в мыслях, добродушна, весела, умна, скромна, памятьлива,

¹ Бѳтало — язык колокола (*древнерус.*).

гостеприимчива. Дочь с зятем, живущие с нею, очень похожи на нее радушием, спокойствием, быстротой в делах. Моя Анюта завороженно смотрит на живую, настоящую сказочницу-загадочницу, которую она до этого знала только по книжке Д. Балашова «Сказки Терского берега».

«Загануть тебе загадку?
Перекинут через грядку¹,
Год растет,
Годовик ростёт
И не вы-рос-тёт.

Що тако? (мы с Аней, конечно, не отгадываем).— Берёзовы веники... Год растут, а не выростут.

Чотыри стучихи,
Два богомóла,
Один Вихлэй Вихлэйиць...

Що тако? — Ясные серо-голубые глаза смеются, а лицо сохраняет серьезность.— А ведь корова, божонушки. Четыре ноги стучат — дак стучихи. Рог-от прежде богомоллом звали. Вихлей Вихлеевиць — хвост уж (вихляеться — мáшетсе, дак).

Вот ишше:

Маленькой Офанасий
Лычком подпоясан.

— Веник, заметать. Перевязан, дак...

У нас в подпольи
Медвежа лапа.

Помело из вересу², в печи золу пахать³ кажет⁴ на медвежу лапу.

У нас в избушки
Соломаньино имя...

Солониця⁵, дак...

У нас в избушки
Красны бобушки...

Ложки деревянны...»

Кажется, в этих загадках все, что окружает человека и служит ему, как-то особенно пригрето, обласкано

¹ Г р я д к а — тонкие жерди, прибитые в доме (в комнате, в сенях, в подсобных помещениях, на чердаке) для развешивания на них одежды, сушения трав, веников и др.

² В е р е с — на Терском берегу очень распространен можжевельник, который здесь называют вересом.

³ П а х а т ь — заметать, подметать (печь, пол, мосты, двор).

⁴ К а ж е т — похоже.

⁵ С о л о н и ц я (а) — солонка (древнерус.).

и оттого еще более живое, со своим неповторимым обликом, характером, именем, повадками...

«Що тако?»

Без окон, без дверей
Полна храмина людей...— Зубы в роте.

Еду-еду,
Следу нету.
Бью и режу,—
Крови нету.

Лодка с веслами на води, дак...

Или вот учили робятяшок маленьких, щобы хорошо выговаривали. Давали скороговорки. С има язык наломаёшь об зубы-ти, дак уж на веку гугнивой да косноязыкой не будёшь (по-ващему, по-нынёшнему, как упражнения):

По полю, полю,
По Прокóпьеву полю
Шло три попа,
Три Прокопья попа,
Три Прокопья попа,
Три Прокóпьевича.
Говорят про попа́
При Прокопья попи,
При Прокопья попи,
При Прокóпьевичи:
Каковó без попа,
Без Прокопья попа,
Без Прокопья попа,
Без Прокопьевича?

Или: Вы́праздни крынку
Из-под простокваши. } 3 раза.

Ну-ко, Аня, скажи! Да поскорё, ишше скорё... А вот скороговорка на один дух, щобы не вздохнуть, а при етом же она же и считалка (дитяши-ти незаметно и числить учатсе):

На угорке, на пригорке
Стоит двадцетъ два Егорки:
Раз Егорко, два Егорко,
Три Егорко, чётые Егорко —

так просчитаешь до двадцети двух и тут добавляешь:
Ровно двадцетъ два Егорки».

Я пытаюсь это изобразить, но ничего, даже хоть отдаленно похожего, не получается. Это прямо высочайшая культура правильной речи, равная упражнениям для

сценической речи (вот, думается мне, почему на Терском берегу нам не встречались «гугнивые» да «косноязыкие» даже среди малышей и беззубых стариков!)

«А вот загадка,— продолжает Евдокия Дмитриевна и певуче произносит таинственные слова, звучащие тяжело-весело, как мрачное заклинание:

Летит птица орел,
Несет в гузни огонь.
Позади хвоста
Человечья смерть...

Що тако?.. А ружьё стреляёт, пуля летит, дак... Опеть
що тако?

Был я на копали,
Был я на топали,
Был я на кружали,
Был я на пожари.
Молод был —
Семью кормил,
Стар я стал —
Пеленаться стал.
Умер — в яму бросили.
Кости мои негожи
И собаки не гложут прохожи.

Глиняной горшок, дак... На копали гнилу¹ копали. На топали — уж топали да тьяпали ей, гнилу, преже, цем лепить зачнут. На кружали — на кругу (кружали его, дак гончарно кружало и звалосе) горшок лепили. На пожари — в печи обжигали (преже печи были сделаны). Целёхонёк был (но́вой, молодой, дак...) — семью кормил: в печи щи да кашу в ём варили. Стар стал — берестом полосочками стягали горшок, ежли треснёт, и ишше дёржали. Умер — уж вовсе розбилсе. Тут уж кинут в яму. А кости-ти негожи. Их и собаки глохтать не станут, дак... Нецего. Пусты...

А вот ишше:

Аз се² розглегласе...
Кабы я встала,
Я бы до неба достала.
Кабы мне руки,
Кабы мне ноги,
Я бы вора поймала, связала.
Кабы мне рот да язык,
Я бы все розказала.

¹ Гнила — глина (*древнерус.*).

² Аз се — я вот (здесь) (*древнерус.*).

Ну, уж эта-та мудрё-она! Нипоцём ей не отгадаёшь. А ведь отгадка проста: дорога. Кабы ей в рост встать, — конечно, до неба бы достала. Воры-ти, разбойники по ей бегали. Вот она и говорит, що вора бы связала. А все она, матушка дорога, видит, все знает. А роту у ей нету-тка, дак розсказать не можёт, дак...» Глаза Евдокии Дмитриевны смеются-лучатся, переливаются серо-голубыми искорками. В этот миг они перламутровой неуловимостью цвета похожи на главку Успенского храма, очень хорошо видного из ее окон, словно он совсем рядом, «на здешней стороны», а не на другом берегу реки.

Наконец (за столько-то лет быванья в Варгузе!) я собралась сходить в лес к издревле знаменитому Собачьему роднику. Нашелся «преизрядный» проводник — муж Клавдии Капитоновны Ефим Васильевич. С нами его внучка Люда, уже школьница, и моя Анюта. Ефим Васильевич с палкой: сказались военные контузии, ранения, глаза почти отказали, «тёмны, пóлы¹ глáзы, дак»... А кажется, совсем еще недавно Ефим Васильевич был одним из лучших рыбаков в Варзуге, с большущей семгой («што твой зверь») фотографировался. Он и сейчас нисколько не унывает, жизнью доволен (один из немногих, кто жив остался, вернулся в Варзугу с войны домой). Идет впереди, несуетливо, на палку не опирается. Она заменяет ему глаза. Ею ощупывает с детства знакомые приметы: камень у тропинки, бугорок, ложбинку, подъем, куст, межевой столбик. Идет упругой уверенной походкой (для меня — так даже быстро). Говорит: «А кудаино бежать? Старики стародавни преже говаривали: «Бегом Бога не достанёшь... Шапка спадет, конь пропадет. А Бог — все впереди идет...» Така у них была пословица... Што уж не суетись, значит». Подымаемся на песчаный, поросший травой пригорок, солнечно прогретый. Отсюда хорошо видны вся Варзуга и река. Ефим Васильевич останавливается, оборачивается назад, к реке. Безошибочно, словно ясно все видит, указывает палкой в заречные многоярусные дали лесов: «Вон там Степанова вышка. С ей глядят, нет ли пожара в лесе. Пошто Степанова? До нас выстроена. Мы не знам. Какой-то Степан, бывает, выстроил. А вот тутотка, прям нас, Тонкой остров на реки. Пovyше ёго — Кёрнополё (видишь, он кажет, как полё, даже вёрес на ём растет. Перебрести водой (тут неглыбоко) — Толстой остров, а за им небольшой Курейной остров. А внизу, там уж далеченько — Соло-

¹ Тёмны, пóлы глáзы — слепые, впустую глядящие.

вещкой остров (он издосель уж Соловецькому монастырю принадлежал). Да остров Кроваво... Кто знает, битва ли там была. Уж так из веку зовут ёго. На етих двух островах завсегда косили. Ну! Така трава там растет! Що ты! А там опять вси пожни по именам названы. На Кровавом-ту острову, старики прежни сказывали (а мы — опять старики и так издосель), на веку¹ кака-то вражарать ишла на Варзугу. Да не дошли. Зимня пора была. Да мать-сыра земля розступиласе. Они все и провалились. В зень² прошли. Мужики-варзужана приехали саньми сено брать (там на зиму оставляют), а на снегу лёжит сорок рукавиц и все со одной право́й руки. Не знаю уж, пошто так: говорят, от рати той знак осталсе.

Ты вот спрашиваешь, откуль имена у земли. У стариков преже все было названо: всякой большынськой камень, пожни, падь, осыль, яма, ручей, озеро, родник. Были каки-то люди с тим всим связаны, случаи всяки». Подымаемся еще выше на холмы. «Вот праворуч — два Поповых озёрка, а леворуч — Арашкино да Онискино озёрца». Проходим аэродром — большую поляну на самом высоком месте, поросшую вереском и брусникой. «Вот опосля аэродрому справа — Сидорова яма. Прямо — Сидоров ручей. В осыпях — Собачий ручей. Да не родник. Родник — одно. Уж ручей-другойко». Переходим ручей ладно сбитым, аккуратным мостиком. «Ива́нов мостик», — как бы незначай говорит Ефим Васильевич и замолкает, явно ожидая моего вопроса. И, немного погодя, снова: «Иванов мостик, — и на мой вопрос незамедлительно с охотой отвечает, — Иван Иванович его роботал для людей, Заборщиков». Я спрашиваю: «Родня ваша?» — «Да пол-Варзуги Заборщиковых, поди. Да и Заборщиковыми прозывали, кто заборы на сёмгу преже строил на Варзуги-реки (а кто их не строил?). «Заборщик... да чей?» — спросят. — «А Заборщиков», — ответят... Вот и нынче ходят через етот мост и уже говорят: Ива́нов мост, Ива́новы мостки́. А старичок тот ище жив-здоров, которой мост роботал. Восемьдесят перьвой год, поди, ему. Так и поведетьсе: Иванов мостик. Нас уж не станёт, а всё будут так звать. Земля наша — не безродна. Наша ведь она, мати-сыра земля. Не без имен ей жить, докуль мы, дети ее, с нею живем, дак...»

Сидим с Александрой Капитоновной, ожидаем званных

¹ На веку — здесь в смысле когда-то, очень давно.

² В зень — в землю (*древнерус.*).

гостей. За окном слышен топот копыт, бляенье. Это моя Анята занята полюбившимся ей делом — пасет баранов (все лето у хозяек они ходят сами, прибегая домой в урочные вечерние и утренние часы напиться). Вернее, просто гоняет, но думает, что пасет. «Где была? — спрашивает Капитоновна и, не дождавшись ответа, говорит: — Там была, конфеты ела... Позабыла, с кем сидела?» Аняткины глаза круглятся, зрачки расширяются: не знает, обидеться или смеяться...

«А у нас ведь так, — говорит Капитоновна, — без пословицы и слово не молвится. Побасчѐй слово льнет ко слову с пословицей. Балашов-от был. Сидел в большом углу, чай уж пил, красовалсе. Писал-писал. Думал, уж все переписал до краю. А я режу тресоцьку морожену из подполу, да руки-ти мерзнут. Я возьми скажи: «Вот беда, да вот тоска, коль не холóдна-та треска!» А Дмитрий-от Михайловиць — за карандаш! И снова на карандаш хватает слово-то... Ну, пей чай, Анна, — и, на секунду задумавшись и найдя рифму — равновесную слову, снова: — Пей чай, Анна. Панна деревянна...» Анятка прыскает от хохота, смеются ее большие серьезные глаза. Александра Капитоновна продолжает: «Ешь, Анятка, горячи шанѐжки: брюхо голодно, коли ест холодно...

Вот ишше-де-ка ешь: свежа уха... из петуха... А што тако, Аня:

Чотыри чоты́рки,
Две розтопы́рки,
Один вертун —
Да и сам ворчун?..

Собака ведь, собака: четыре лапы, да две розтопырки — два уха, да хвост — вертун, а уж сам ворцит-рыцит...»

Между тем приходит Ольга Мефодьевна, молчаливая, подтянутая, в сопровождении серьезного карапуза-внука («Ох, ты Васи́лей, Васи́лей! Ты всех басчѐй, красивей... А девки почему не любят?» — успевает встретить его пословицей Александра Капитоновна), Клавдия Капитоновна с внучкой Людой и с мужем Ефимом Васильевичем Заборщиковым, Евдокия Дмитриевна Конѐва... «Ну, што, Юлья, писать будешь нынче? Быват, скоро двадцать годов, как ездить к нам. Поди, всё списано: вси песни, сказки, всяко слово. И писать нецѐго», — говорит Клавдия Капитоновна. Но Александра Капитоновна словно к чему-то прислушивается, нам неслышному, внутри себя, вспоминает: «Разве што школьных песен мы тебе, поди, не пели? Да и никому не пели», —

уточняет она. И передо мной открывается новая страница истории русской народной песни. «В школу-ту мы ходили. Учительница молода была Олександра Олѣксѣвна Рязанова, мы ей любили, городська барышня. Сей-час ейна фотография висит в мурманськом музее. Как она, видишь, революционерка была (мы ето не знали). Вот мы у ей стихотворения разны на уроках из книжки школьной учили. Дак не просто словам, а пели, как бы сами песни складывали, на голоса разводили. Побасчей песней казалось, да и легко запомнить было... Вот учили що», — и начали, начали вспоминать о встрече Петра I со старым рыбаком:

На берегу Невы великой,
По тропиночке лесной
Ехал всадник...

вкруг всё тихо:

Ель, сосна да мох седой...
Перед ним рыбацьа хата...
Под сосной, у синих волн
Старый рыбарь бородатой
Колотил дырявый челн...

Записываю до конца. Многоголосие особое, ни с чем не сравнимое. Выводов пока не делаю: рано. Спрашиваю: «А стихи-то чьи? Кто автор, поэт?» — «Забыли, дак...» Но стихи-песню вспоминают до конца. «А вот ище,— вспоминает Александра Капитоновна (а за нею — и остальные):

Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром.
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.
Слава, Киев многовечной,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепре быстротечной,
Руси чистая купель!..»

Снова записываю до конца дивное народное многоголосное песнопение. И снова исполнители не помнят имени автора стихов. Я даже начинаю понимать, почему не помнят: воспринимают школьные песни как свои, родные, народные; а у народных песен автор неважен, он слитен, един, неразделим с народом. Его личное авторское «Я» тождественно общенародному характеру, является как бы малой каплей росы, отражающей солнце правды так же верно и полно, как и необозримое «Окиян-

море синее»... Вспоминают дальше: «А вот про Ивана Сусанина:

— Куда ты завел нас?..

Не видно ни зги! —

Сусанину с сердцем

Вскричали враги...»

Записываем до конца... И снова автор безымянен. Но тут я почти уверена: это «Дума» Рылеева, «положенная» когда-то молоденькой учительницей и ее учениками «на пение».

«А вот и о Москве-матушке была у нас песня, — снова говорит Капитоновна. — Чай, мне уж скоро семьдесят пять... Дак, поди, шестьдесят с лишком годов я ей не пела». — «Мы тоже ей пели», — наперебой вспоминают наши гости разных возрастов. Ефим Васильевич — ветеран Великой Отечественной. Он значительно моложе Александры Капитоновны, Клавдия Капитоновна — младшая сестра. Евдокия Дмитриевна старше Александры Капитоновны, Ольга Мефодьевна — моложе. Пробуют спеть вместе. Получается не сразу: песня одна, а варианты мелодии немного рáзнятся (учились в разные годы и немного по-разному пели одни и те же песни). Но вот, наконец, спелись:

— Город чудный, город древний,

Ты вместил в свои концы

И посады, и деревни,

И палаты, и дворцы.

Опоясан лентой пашен,

Весь пестреешь ты в садах,

Сколько храмов, сколько башен

На сѣми твоих холмах!

Исполинскую рукою

Ты, как хартия¹, развит,

И над малою рекою

Стал велик и знаменит...

На твоих церквах старинных

Вырастают деревья,

Глаз не схватит улиц длинных —

Это матушка Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку

Холм Кремля-богатыря?

Кто собьет златую шапку

¹ Х а р т и я — пергаментный свиток, на котором записаны законы, права.

У Ивана-звонаря?¹
Кто Царь-колокол поднимет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых Кремля ворот?..
Ты не гнула крепкой выи?²
В бедовой своей судьбе...
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе?..
...Ты, как мученик, горела,
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная.
И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною,
Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Я некоторое время молчу, потрясенная светлой силой этого песнопения, похожего на гимн городу. В нем чудятся мне и плач народный по столице, лежащей под пеплом пожарища наполеоновского нашествия, и тревожно звучащий набат, и звон колоколов, возвещающий радость, славу и могущество в веках... И еще я поражена глубиной, неисчерпаемостью и удивительной современностью памяти народного искусства, которое многим ошибочно представляется давно исчерпанным, случайно пережившим самое себя анахронизмом... Взять хотя бы сегодняшнее открытие в Варзуге пласта нового для науки песенного жанра — школьного (в действительности довольно старого и неоднократно зафиксированного мною в других областях России). Учили песни (а вернее, сами складывали их) по школьным книгам. Значит, по хрестоматии для чтения. Слова такого «патриотизм» (кстати, нерусского слова) не знали и не проходили. А просто заучивали в песенной форме русскую демократическую поэзию, тем самым патриотизм сам собою и воспитывался, укреплялся, разрастался, воплощался на деле. Да и сама методика разучивания стихов «на пении», не правда ли — насколько это современно, верно найдено, педагогично,

¹ И в а н - з в о н а р ь — колокольня Ивана Великого в Кремле.

² В ы я — шея (*древнерус.*).

не избито? Будит в детях творческие способности, развивает память. О скуке заучивания не может быть и речи: какая тут скука, когда полный класс ребяташек сочиняет, каждый по-своему и все вместе. Пожалуй, составить методическое руководство для проведения такого урока родной речи не под силу и нашей Академии педагогических наук. А вот неопытные молоденькие учителя двух-, трех- и четырехклассных сельских школ в конце прошлого — начале этого веков поставили да и удачно провели такой педагогический эксперимент. Не помню, где именно (то ли в каком популярном журнале, то ли в «Литературной газете») когда-то прочла я о том, что в Америке и Японии недавно впервые в мире применена в начальных классах школы новая педагогическая методика разучивания стихотворных текстов с пением. На все лады справедливо расхваливались высокий коэффициент полезного действия, отсутствие утомляемости и стресса у детей, свободное развитие творческих способностей и т. д. Так вспомним же добрым словом скромных учителей наших сельских школ, сделавших это открытие уже около ста лет тому назад. И еще и еще раз подумаем о том, что из многогранного опыта предшествующих поколений может жить и работать на современность.

...Ну, и дали же мне задачу варзужане — разыскать имя автора текста «Песни о Москве»! В моем детстве ее в школе не проходили (и сейчас не проходят). Долго просматривала я книги, журналы прошлого века. Уже давно сделала нотную расшифровку и обработку этой песни. Уже с энтузиазмом разучил ее и с успехом стал петь на молодежных вечерах самодеятельный ансамбль народной музыки «Россияночка» Дворца культуры московского АЗЛК. Уже дважды ею заканчивал он свои выступления в бывшем Знаменском соборе в Москве (ныне Дом пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры), и благодарные слушатели говорили: «Каждый день по радио надо бы передавать эту песню, чтобы молодые москвичи почаще вспоминали, в каком великом городе они живут!» Даже уже в гости к варзужанам съездил ансамбль «Россияночка» и исполнил песни варзужан, поздравив Александру Капитоновну Мошникову с семидесятипятилетием, с пятидесятипятилетием ее бессменной работы с хором Варзуги и с присвоением ей почетного звания заслуженного работника культуры РСФСР... А я все искала автора стихов

«Город чудный, город древний...». И вот однажды покупаю я своим детям, Анюте и Володе, тоненькую детскую книжечку стихов о Родине (так написано на обложке). Раскрываю ее и читаю первое стихотворение:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы...

...Федор Глинка — поэт-демократ, участник Отечественной войны 1812 года, напечатал эти стихи впервые в первом номере журнала «Москвитянин» в 1841 году. Так неожиданно удачно завершился круг моих поисков. А впереди — новые находки (я в этом уверена). И потому экспедиция моя на Терское побережье Белого моря продолжается. Экспедиция, которой уже больше двадцати пяти лет...

Я улетаю из Варзуги погожим августовским днем. Моя «мама», Александра Капитоновна, немного постаревшая и поседевшая, провожает меня, смахивая непрошеную слезу. Я по-детски ревную, но и горжусь: многие называют Александру Капитоновну мамой — фельдшерница, долго жившая у нее, библиотекарьша, командированные — все пишут письма и зовут мамой (я сама читала эти письма). Я пишу редко, я плохая дочь, живу далеко, не могу всегда быть рядом. «Не тужи, Юльюшка! Не ты одна тужишь, Варзугу покидаючи. Тут уж место како-то тако живет: любит оно людей». И снова охватывает меня тепло терской речи, в которой все живет, дышит, движется, где, оказывается, не только люди любят уголок земли, но и з е м л я (и в первую очередь она!) л ю б и т л ю д е й...

До свидания, Терский берег! До свидания, Варзуга! Твое имя таинственно. Смысл его скрыт в веках. Но оно манит, как золото речного песка твоей Успенской стороны, как тайная завеса напозающего с моря тумана, как негромкий перезвон речной гальки под днищем пристающей к берегу рыбацкой лодки, как многоголосые шорохи уснувшей вечером реки, когда «она спит и нельзя ей шевелить, в нешевелёной да в невережной¹ реки рыба хорошо живёт, много ей...» Один из специалистов финноугроведов сказал мне, что Варзуга, может быть, означает «Река оленят». Может быть...

¹ Н е в е р е ж о н а — неповрежденная; вредить — причинить боль, ушибить, нанести увечье.

РОСПЕКИ-КО, КРАСНО СОЛНЫШКО

Песня разинской вольницы

$\text{♩} = 69$ Очень широко, с размахом, напевно

Одн
mf

Рос_ пе_ ки_ ко, ро_ зо_ грей, да, крас_но

Хор
ff

со... ой, да, крас_но сол_ ныш_ ко!

крас_но сол_ ныш_ ко!

со... ой, да, крас_но сол_ ныш_ ко!

f

О_ ой, да, о_ бо_ гре_ й_ ко на_

ой, да, о_ бо_ гре_ й_ ко на_

О_ ой, да, о_ бо_ гре_ й_ ко на_

буй_ны го_ло...; ой, го_ ло_ вуш_ ки. //

_ ши буй_ ны го_ ло... да, ой, го_ ло_ вуш_ ки.

_ ши буй_ ны го_ ло...; ой, го_ ло_ вуш_ ки.

_ ши буй_ ны го_ ло... ой, го_ ло_ вуш_ ки.

на_ ши го_

буй_ ны на_ ши го_

О_ бо_ гре_ й_ ко буй_ ны на_ ши го_

ло... о_ ой, буй_ ны го_ ло_ вуш_ ки, *ff*

_ ло... о_ ой, буй_ ны го_ ло_ вуш_ ки, *ff*

_ ло... о_ ой, буй_ ны го_ ло_ вуш_ ки... *ff*

и да, мо-ло-дец-ки-я

и ой, да, мо-ло-дец-ки-я

и да, мо-ло-дец-ки-я

на-ши, без-о-те... без-о-тец-ки-я.

на-ши, без-о-те... без-о-тец-ки-я.

на-ши, без-о-те... без-о-тец-ки-я.

Один на-ши, без-о-

Мо-ло-дец-ки-я на-ши, без-о-

- те... э - ой, да, без_о - тец_ки - я...

- те... э - ой, да, без_о - тец_ки - я...

- те... э - ой, да, без_о - тец_ки - я...

Ой, да, выше го_ро_да бы_ло, выше Во... выше Во_лог_ды.

Ой, да, выше го_ро_да бы_ло, выше Во... выше Во_лог_ды.

Ой, да, выше го_ро_да бы_ло, выше Во... выше Во_лог_ды.

СВЕТ ТЫ НАША ПРЕШПЕКТИВА

Рекрутская

$\text{♩} = 84$
p

Уж ты свет ты наша пре... ой, да, прешпек-ти... и - ва, а да
 путь... путь - то наша ли да до-ро... вот до-рож - ка!
 До - ро ... ож - ка! Зна - ю, ве - к(ы) по те -
 - бе (э), мо - я до - ро... жоць - ка да бу...
 бу - дёт мне больше не бы - ва... ох, не бы - ва - ти.

ДМИТРИЙ И ДОМНА

Былина

♩=116 Спокойно

По_ шёл Ми_ трей-князь да ко за_ ут_ ре_ ни,

к вос_ кре_ сен_ ськи_ я, ко воз_ не_ сен_ ськи_ я.

Тут бро_ са_ ла_ се Дом_ нуш_ ка по плечь в ок_ но,

Фа_ ли_ ле_ ёв_ на_ ду_ ша по по_ я_ су.

ИВУШКА, ИВУШКА, ЗЕЛЕНАЯ МОЯ

$\text{♩} = 96$

И-вуш-ка, и-вуш-ка, зе-лё-на-я мо-я!

И-вуш-ка, и-вуш-ка, зе-лё-на-я мо-я! (да)

И-вуш-ка, и-вуш(и)ка, зе-лё-на-я мо-я! (да)

Што же ты, и-вуш(и)-ка, не-ве-се-ло сто-ишь?

Што же ты, и-вуш-ка, не-ве-се-ло сто-ишь? ах!

Што же ты, и-вуш(и)-ка, не-ве-се-ло сто-ишь? о-й!

Што же ты, и-вуш(и)-ка, не-ве-се-ло сто-ишь(и)? Дана-

Што же ты, и-вуш-ка, не-ве-се-ло сто-ишь?

Што же ты, и-вуш(и)-ка, не-ве-се-ло сто-ишь? Не-

- ве_се_ло сто_и-ши да не_ ве_се_ло шу_мишь? Ой, не_

... ве_се_ло сто_ишь да не_ ве_се_ло шу_мишь? Не_

- ве_се_ло сто_и-ш(и) да не_ ве_се_ло шу_мишь? Не_

- ве_се_ло сто_и-ш(и) да не_ ве_се_ло шу_мишь?

- ве_се_ло сто_и-ш(и) да не_ ве_се_ло шу_мишь?

- ве_се_ло сто_ишь да не_ ве_се_ло шу_мишь?

Для окончания

Да при_е_ха_ли да_мой— да здо_ро_во ле жи_вешь?..

КЫС-КЫСКО

♩ = 66 Мягко

Одна

Кыс-кыс_ко, побе_ жал(ы)кыс_ко по_пру_тышкам, по о_си_нышкам.

При_бе_ жал кыс_ко к о_ре_хо_вой жо_ны. — О_ре_хо_ва жо_на,

на_пой кыс_ка, на_кор_ми кыс_ка, спра_во_ди кыс_ка до по_лу_лес_ка.

Ши_ро_ка ре_ка роз_ли_ва_ит_се, Во_ло_ди_мер на ко_ни

розъезжа-итсе, Зо-я окол ножки о-ви- ва-итсе,

шол-ко-вым пла-тоц-ком о-ти-ра-итсе.

Ка-ты-по-ка-ты, жо-ни-хи бы-ли бо-га-ты,

с лав-ки ста-вай, да сла-си-бо воз-да-вай.

Кат-ка-ты-шок, Во-ло-ди-мер-же-ни-шок.

ВЯЛОЗЕРСЬКАЯ ДЕРЕВНЯ

$\text{♩} = 80$
Одна

Вя_ло_зер_ська_я де_рев_ня на кра_си_ вом мес_ти,

За_по_ют дев_ча_та пес_ни-слы_шно верст за две_сти. А''

вя_ло_зер_ську мо_ло_дёжь по ле_там до_ ма не най_дешь;

по ле_сам, по ё_лоч_кам, да,

всё по за_го_ то_ воч_кам.

всё по за_го_ то_ воч_кам.

ко-со-ла-пы пе-ту-хи.

У ме-ня на са-ра-фа-ни ко-со-ла-пы пе-ту-хи.

Я са-ма не фор-со-ва-та фор-со-ва-ты жо-ни-хи.

по-стро-ил но-вой до-ми-чок...

ми-лень-кой, ми-лё-но-чок, по-стро-ил но-вой до-ми-чок...

сер-де-ци-ко.

До-ми-чок, ко-ле-ци-ко-бо-лит мо-ё сер-де-ць-ко

До-ми-чок, ко-ле-ци-ко-бо-лит мо-ё сер-де-ци-ко.

БАЙКИ-ПОБАЙКИ

$\text{♩} = 50$

Ба́й - ки - по - ба́й - ки, бай - ки́ - по - бай - ки́...

$\text{♩} = 60$

Ко - тик хо - дит по бо - ло - ту, на - ни - ма - ет - се в ро -

- бо - ту. Уж ты, ко - тинь - ка - ко - ток, ко - тя,

се - ре - ни - кой хвос - то - к(ы), при - ди, ко - тя, но - че -

- вай, у нас Са - ше - ни - ку ка - чай.

Ба - ю, ба - ю, ба - ю, бай...

Кто даст ко - ту крас - ну - ю бу - маж - ку, а кто -

КУДА МИЛОЙ СКРЫЛСЕ

♩ = 50 Певуче, с чувством

Одна Хор

тр Ку-да ми-лой скрыл-се? Где бу-ду те-бя ис-кать?

тф Зас-та-вил кру-шить-се, пла-кать ме-ня, го-рё-вать.

тр Зас-та-вил кру-шить-се, пла-кать ме-ня, го-рё-вать.

тф Бо-лит ма-ё серд-цо, ре-жёт бе-лу мо-ю грудь.

УЖ ТЫ МАТИ, ТЫ МАТИ МОЯ

♩ = 144 Весело, четко, подвижно

Одна

Уж ты ма-ти, ты ма-ти мо-я, да лю-ли, лю-ли.

Хор

Василь-ёв-на, //

Ты На-стась-я Ва-си-ли-ёв-на, да лю-ли, лю-ли.
лю- (у)ли

Василь-ёв(ы)на,

Ты за-чем меня, хоро-шу, ради-ла? Да лю-ли, лю-ли.
лю- (у)ли.

Хо-ро-шу, ме-ня, ща-сли-ву-ю, да лю-ли, лю-ли.
лю- (у)ли.

Для окончания

Со кру- га-мы, со се-реб- ря- ны-ма, да лю-ли, лю- ли,
се-реб(ы)-ря- ны-ма, лю- ли.

С ка- й- ма-мы спо- зо-ло- чон-ны-ма, да лю-ли, лю- ли.
спо- зо-ло- чон-ны-ма.

И ВЫ ПОВЕРЬТЕ, СЕРДЦУ БОЛЬНО

♩ = 72 Изящно, легко

mf

Та_ на_ на_ на_ ны_ на, на_ на_ на_ на, ты_ ны_ ны_ на,

танн_ на_ на.

та_ на_ ны_ ны, та_ на_ ны_ ны,

Тын_ на_ ни_ нани, тын_ на_ на_ ни_ нани, ты_ ры_ ры_ ры_ тынн.

Ты_ ри_ ри_ ри_ рани, тан_ на_ нан, ты_ ны_ на_ нани.

♩ = 84

пеууче f

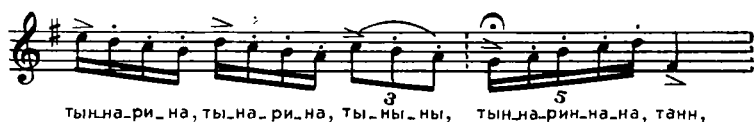
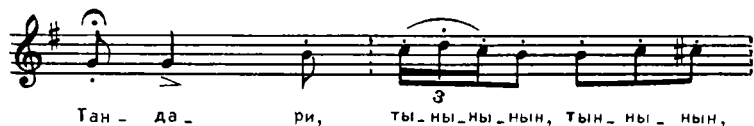
И вы по_ верь_ те, серд_ цу боль_ но,

ес_ ли влю_ бис_ се в ко_ го... (ох!)

И в пол_ ча_ са влю_ бить_ ся мож_ но,

а рос_ статься_ тя_ же_ ло... (ох!)

♩ = 70

♩ = 86

f певуче

$\text{♩} = 72$

Ты_н_на_н_ны_на_ны_на_н, ни_на_ни_на, ни_на_ни_на, ни_на_на,

та_н_на_ни_на_н, ни_н, ты_н_на_ни_на_н, ты_на_н, ни_на_н.

$\text{♩} = 86$

Я по де_ре_вен_ки и_ду, да

про се_бя слы_шу бе_ду. (ох!)

И про мо_ло_ду_ю ме_ня в ка_

_жин_ном до_ме го_во_ря(т) (ох!)

ОЙ, СОХНЁТ, ВЯНЁТ

$\text{♩} = 76$

Одна *Две* *Хор*

Ой, сох-нё-т(ы), вя- нёт в по-ли тра-вонь-ка, да,

//

сох- нёт, вя- нёт без дож- дя.

Одна

В по-ли тра-вонь-ка дак сох- нёт, вя- нёт
...вонь-ка дак

без дож-дя, ой, час-той дож-дик мне-ка не по-

- мо - га, да, со вос_то_ ку ве_ те_ рок.

Одна

Не по_ мо_ га мне со вос_то_ ку
...га м(ы)не

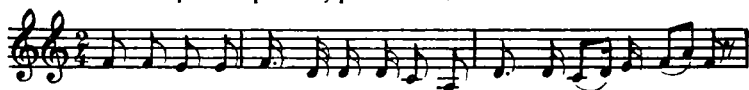
ве_ те_ рок, да, дол_го бу_ дёт мне дажи_.

- дать_ се, да, в гос_ ти ми_ ло_ го дружка.

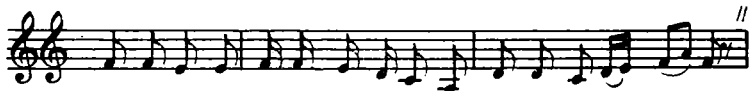
СОЛДАТУШКИ, ПРАВО, РЕБЯТУШКИ

Солдатская

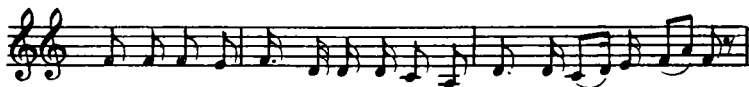
♩ = 63 Маршеобразно, решительно

— Солда-туш-ки, пра-во, ре-бя-тушки! Где- ка ва- ши (в)от-цы?

— На-ши (в)от-цы-славны пол-ко-вод-цы, вот где на-ши (в)от-цы.

— Солда-туш-ки, пра-во, ре-бя-тушки! Где- ка ва- ши мат-ки?

— На-ши мат-ки-бе-лы-я па-лат-ки, вот где на-ши мат-ки.

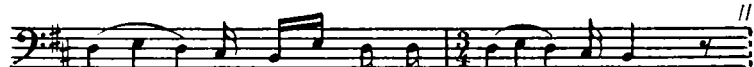
КАК НА МАТУШКЕ, ДА НА НЕВЕ-РЕКЕ

Баллада

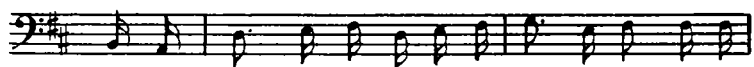
♩ = 40 Спокойно

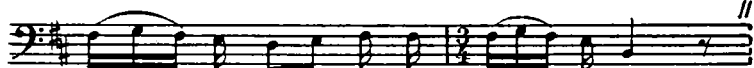
Как на ма_ туш_ке, да на Не_ ве_ ре_ ке, на Ва_

_ сь_ ев_сько_м(ы) слав_ном ост_ ро_ ве.

На Ва_ сь_ ев_ськом, на слав_ном ост_ ро_ ве, што_й у

при_ ста_ ни ко_ ра_ бель_ ны_ я.

Што_й у при_ ста_ ни да ко_ ра_ бель_ ны_ я, да, мо_ ло_

_ дой ма_ трос ко_ раб_ ли снас_ тил.

КОШКА В ОКОШКЕ

Детская

$\text{♩} = 60$

Кош- ка в о- кош- ке ру- баш- ку шьёт, а

кот на пе- чи су- ха- ри тол- кёт.

Ки- ки-мо-ра в под-по- ли сме- та- ну ме- шат, со-

-ва во- го- ро- ди ка - пус - ту сни- мат. и т.д.

ОЙ, ПОВЕДУТ В СОЛДАТУШКИ

Рекрутская

♩ = 84 Певуче, но маршеобразно

Одна

mf

Ой, по- ве- дут в сол- да- тушки, да,

от от- ця, от ма- тушки,

(в)от от- ця, (в)от
 ой, (в)от от- ця, да(в)от ма- тушки, да,
 от- ця, от
 (в)от от- ця, да(в)от

от сво- ей су- да- рушки.

Двое

От от-ца, от ма-тушки, да

от сво-ей су-да-рушки,

ой, и спо-же-нят доб-ра-го мо-лод-

-ца во сей-год-ном го-ду.
во сей-го-д(ы)-ном го-ду.

Двое

И спо_ же_ нят доб_ ра_ го мб_ лод_

...о_ лод_

- ца во сей_ год_ ном го_ ду.

- ца во

ой, во сей_ год_ ном во го_ ду, да

в бе_ ло_ ка_ мен_ ном до_ му.

ВНИЗ ДА СПО МАТУШКЕ, ЛИ, ДА, СПО ВОЛГЕ

Песня разинской вольницы

$\text{♩} = 50$ Светло, празднично

Одна *mf певуче* Волге, вот спо

Вни_з(ы) да спо ма_ туш_ ке ли, да, спо Вол_ ге, да, вот спо

Вол_ ге, по ши_ ро_ ко_

Во_ л(ы)_ ге, по ши_ ро_ ко_

Во_ л(ы)_ ге,

_ му ли, да, роз_ доль_ ю, ... доль_ ю.

_ му ли, да, роз_ доль_ ю, да, вот роз_ доль_ ю.

Одна *mf* во-т(ы) даро-з -

По ши-ро- ко- му ли, да, роз-доль-ю, как вот роз -

роз -

- до - ли - ю ро - зы-гра - ла -

- до - ли - ю ро - зы-гра - ла -

- доль - ю

- се ли, да, по - го - да, по - го - да . //

- се ли, да, по - го - да, как вот по - го - да .

f

Музыкальный фрагмент в G-мажоре. Включает вокальную партию, фортепиано и бас-гитару. Текст песни: «Одна вад(ы) по... Роз_ыг_ра_ла_се ли, да, по_го_да, да, вот по_».

Одна вад(ы) по _

Роз_ыг_ра_ла_се ли, да, по_го_да, да, вот по _

Музыкальный фрагмент в G-мажоре, 3/2 такта. Включает вокальную партию, фортепиано и бас-гитару. Текст песни: «-го_ да, по_го_душ_ка -го_ да, по_го_душ_ка».

-го_ да, по_го_душ_ка

-го_ да, по_го_душ_ка

Музыкальный фрагмент в G-мажоре. Включает вокальную партию, фортепиано и бас-гитару. Текст песни: «не_ ма_ла_я, не_ ма_ла_я, вот не_ма_ла_я. не_ ма_ла_я, не_ма_ла_я.»

не_ ма_ла_я,

не_ ма_ла_я, вот не_ма_ла_я.

не_ ма_ла_я, не_ма_ла_я.

f

Одна чер-не-ёт, да, вот чер-

Толь-ко по-доч-ка ли, да, чер-не-ёт, да, вот чер-

-не-ёт, па-ру-са на

-не-ет, па-ру-са на

ней бе-ле-ют ...ле-ют.

ней, да, бе-ле-ют, да, вот бе-ле-ют.

f

ВО ЛУЗЯХ

Игровая кадильная

♩ = 42 Незаметно постепенно ускоряя до ♩ = 52
Широко, певуче, светлым звуком

Одна *mf* *Двое*

Ой, во лу-зях, да, ой(и), во лу-зях,

Хор

та-ки во лу-зях, во зе-ле-ных лу-зях, да,

та-ки во лу-зях, во зе-ле-ных лу-зях,

да, ой(и), ой(и),

да. Ой, вы-рос-ла, да, ой, вы-рос-ла,

ой(и),

вы рос- та- ла тра- ва шо- л(ы)- ко- ва- я. да.
шол- ко- ва- я, да.

Вы рос- та- ла тра- ва шо- л(ы)- ко- ва- я.
шол- ко- ва- я.

Для окончания

Уж я вот по-шла, по-ду-ма-ла пой-ти.

ВО ТУМАНЕ КРАСНО СОЛНЫШКО

Лирическая протяжная

♩ = 50 Задумчиво, прозрачным мягким звуком

p

Во тумане-то печёт красное солнышко,

Хор

печёт-то (в)о-но во тумане, да во тумане.

Одна *Хор*

p

Печёт во тумане... Припечали-то си... ой,

си-жу я, красная девушка,

си- жу я, бед-на, при ве- ли- кой.

Одна Двое Хор

Си- жу при ве- ли- кой...Зве- щё- ва- ло сер- де...о- й,

де- вуш- ки - но серд- чух- ко,

(в)о- но зре- щё- ва- ло.

Одна Хор

(В)о_но зве_ще_ва_ ло... (й)За_ны_ва_ ло_ то зло, о_й,

зло, мо_ё ре_ти_во_ё,

зна_ло_ прав_ды не ска_за_ло.

ВО СЫРОМ БОРУ БЕРЕЗА ВЫРОСТАЛА

♩ = 50 Певуче, светло

Одна Двое Трое

Во сыром бо-ру бе-рё-за да вы-рос- та- ла, ой,

tr

роз-цвё- та- ла. //

(в)о- на раз- ны-ма цве-та-мы да роз-цвё- та- ла.

mf

Одна Двое Трое Четверо

(в)о-на раз-ны-ма цве-та-мы да роз-цвё- та- ла, (ми...)

... а-ла, (ми...)

tr

ми-мо ту бе-лú бе-рё-зуд а куд-рё-ва-ту.

mf

Одна Двое Четверо

9

Му-мо-ту бе-лу бе-ре-зуда куд-ре-ва-ту (не...)

tr

да,

не мос-ков-ська-я до-рож-ка да спро-ле-ла-ла.

mf

Одна Двое Трое до-ро-га ши-ро-ка, (эй, в до...)

В ши-ри-ну е-та до-рож-ка да не-ши-ро(о)-ка, (эй, в до...)

tr

в до-ли-ну е-та до-рож-ка да не-из-вест-на.

mf

МИКОЛКА-ЦИКОЛКА

Детская игровая

$\text{♩} = 56$

Ми - ко́л - ка - ци - ко́л - ка в клет - ку у - па́л...

—Где - ка клет - ка?

—Во - дой по - ня - лась.

—Где - ка во - да?

—Бы - ки по - пи - ли.

—Где - ка бы - ки?

—В го - ру вы́ сту па ли...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Экспедиция, которой более двадцати пяти лет	5
Поселок Умба-Лесной. Умба-деревня	6
«Проходимка» бабка Катариха	16
Уроки истории. Петр Иванович Пирогов	23
Деревня Кузурека. Куда убежали скоморохи? Чему учат былины?	31
Вялозеро. Уроки древнего гостеприимства и доброты	37
Деревня Оленица. Байки. Быличка. Козули. Шелюханы-кукольники	45
Терские бобышки. Деревня Чапома. Паровоз и дедушков своедельный конь. Ефим Григорьевич Клещев и паночка	65
Когда-то большое село Кузомень. «Кофе Феля». Петр Павлович Корехов и уроки экологии	72
Деревня Кашкаранцы	75
Село Варзуга и его знаменитый хор	81

Юлия Евгеньевна Красовская ЧЕЛОВЕК И ПЕСНЯ

Редактор **З. Г. Антипенко**
Художник **В. М. Прокофьев**
Художественный редактор **А. С. Кулемин**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректор **Э. З. Сергеева**

Сдано в набор 12.01.89. Подп. в печать 11.05.89. А05098. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,82. Уч.-изд. л. 8,46. Тираж 72453 экз. Заказ № 20. Цена 30 к. Изд. инд. БХС-122.

Орден «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосьяна, 25.

9а - 47

30 к.

ИНДЕКС 73024

14

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

